Sanych

ХАКЕРЫ 2

Точка невозврата

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Клан Дарк Соулс распался, все занимаются своими делами, в основном вполне легальными. Технический прогресс уверенно прет вперед.

Ворм (только что освободившийся из обычной тюрьмы за попытку убийства), Джет (работающий инструктором в школе по подготовке наемников) и Ринат (сходящий с ума от безделья) решают похитить сотрудника корпорации «Волхолланд», в башке у которого есть кое-что, интересующее одну подпольную клинику. Вообще-то, главные герои в этой книге не они, но с этого все начинается.

- Sanych
  - Вместо предисловия
  - Часть 1
  - Часть 2
  - Часть 3

Sanych
Хакеры. Точка невозврата

Вместо предисловия

– Для написания хорошего сценария ты должен в первую очередь знать ответы на вопросы: кто главный герой и чего он хочет.

– А если главный герой ничего не хочет?

– Тогда ему не быть главным героем.

Вся эта хрень началась после того, как Ринат решил поставить себе сетевые имплантанты. Хотя на самом деле можно было бы сказать, что все случилось гораздо раньше, когда клан Темных Душ (в миру – DarkSouls) нарыл открытый контракт на пять зеленых лимонариев и выпустил на свободу программулину с именем Алиса. Но клана уже нет, Алиса существует как неизбежное зло, к которому постепенно привыкаешь, а хрень началась из-за сетевых имплантантов и «Девелопмента».

Считалось, что это китайских рук дело. Они со своей миниатюризации переключились на нейролингву – изначально хотели с помощью программирования контролировать процессы рождаемости, а научились контролировать совсем другое.

И прошло-то всего несколько лет, а уже в любых квалификаторах внесена профессия брейнпрограммиста. На них большой спрос, на тех, кто может программировать человеческий мозг, кто может перенастроить и подчинить самый сложный орган человека. Хороший брейн-прогер сможет написать все что угодно, начиная от софта для выработки ферментов, отпугивающих насекомых, и заканчивая модификациями «Девелопера» – программы, управляющей развитием человеческого тела.

Нарастить мышцы и сделать красивую фигуру. Подлатать пропитанную алкоголем печень и прочистить прокуренные легкие. Таким программированием можно было вылечить человека от многих болезней… а можно и уничтожить его, допустив всего лишь одну ошибку в алгоритмах. Случайно… Или не случайно.

Ринат знал об этом программировании больше, чем кто-либо другой. Ну… во всяком случае, он так считал. И знал, что без имплантантов сейчас в Сеть не сунешься. Знания знаниями, но все решает обвес. Так он сказал Алисе.

В ответ программа посоветовала ему почаще думать… ну и как обычно. Слово за слово, потом Ринат поставил себе первый сетевой имплантант, а Алиса, как обычно, сказала, что теперь он предоставлен сам себе.

Он и был предоставлен сам себе. Жил один, в деревне под Ростовом, в доме, до отказа забитом последними техническими ноу-хау. Включая, разумеется, интерактивный кинотеатр. Впрочем, техникой был богат не только дом. Тело Рината, а точнее, голова делала из хозяина самого что ни на есть настоящего импа. А что поделать – требования к брейн-программингу высоки, одними ручонками много не наработаешь.

И вроде поначалу все шло нормально. Заказы кое-какие, туда-сюда… а потом поезд жизни начал притормаживать. Тоска по былым временам, вопросы вроде «а что было бы, если бы тогда…». В общем, состояние нестояния, основанное на ностальгическом тупизме. Дело было вечером, делать было нечего, а вечеров тех было не счесть. Когда Алиса поинтересовалась у Рината, чего он все-таки хочет, тот ответил, что не знает. Алиса тогда сказала, что это плохо. И больше никогда не касалась этой темы. Да и вообще, было такое ощущение, что она забила на Рината.

Часть 1
Инкубатор

– …Роботификация вашего семейного гнездышка может пройти незаметно, если это будем делать мы. Индивидуальная разработка техплана, полноценный динамический поток… «Истек текнолоджи» – будущее станет настоящим. Оставьте бытовые проблемы нам и живите полноценной жизнью уже сейчас…

– Тасик? Привет!

Он думал, что уже забыл ее. Сколько лет-то прошло. Думал, что все уже давно угасло. Не забыл. Не угасло. Вспыхнуло даже с новой силой и, наверное, с новой тоской.

Достаточно было просто увидеть ее и услышать ее голос.

Тасик. Его так не называли… да вот столько же лет, сколько он ее не видел. Последний раз на выпускном. Когда они после набережной, уже утром, собрались во дворе школе и клятвенно обещали друг другу продолжать общаться, собираться каждый год всем классом…

Чушь. Все это оказалось только словами. За все эти годы (сколько – пять, шесть?) они так ни разу и не собрались.

– Привет, Бьянка.

Наверное, стоило бы обрадоваться… Все одно и то же. Сопли надоели.

Год понадобился только для того, чтобы убить. В первую очередь себя. А потом еще какое-то время, чтобы все это забыть.

И сейчас, увидев ее и поняв, что ничего не забыто, он не хотел радоваться. Больше всего хотелось встать и уйти.

– А ты что тут делаешь? Как ты сюда попал?

Как он сюда попал? В новый, недавно открытый элитный клуб, один из самых дорогих в Москве. Где нет фейс-контроля, потому что вход только по приглашениям или членским билетам, а коктейли стоят раз в пять дороже, чем в любом подобном заведении.

Что он тут делает?

– Зашел вот… посмотреть…

По большому счету, тут и смотреть нечего. Нет никакой разницы между этим заведением и каким либо другим. Схема повторяется уже много лет: сначала открывается новый супердорогой клуб и все устремляются туда, потом проходит какое-то время и открывается еще один, более дорогой клуб, в котором отдыхать «еще круче». И все бегут туда – не потому, что там лучше делают «маргариту» или красивее телки на сцене.

Коктейли одинаково хороши, и стриптизерши все на одно лицо. Цель у всех одна – показать, насколько они круты, что могут отдыхать в таких заведениях. Через месяц откроется новый, еще более дорогой клуб, – и все перейдут туда. Останутся, конечно, те, для кого новые цены покажутся «уж слишком». А самые-самые пойдут дальше. Естественный отбор.

– Ты не рад меня видеть, я не поняла?

Она была пьяна. Видимо, с самого начала тут. Хотя, может, приехала с какой-нибудь другой вечеринки. Это она со школы любила – движения ночью с пятницы на понедельник, коктейли, чилл-ауты, танцполы. Могла за ночь пол-Москвы объехать, посетив кучу заведений, везде с кем-то поздороваться, поцеловаться, обняться и перекинуться словами.

– Рад, конечно. – Он изобразил улыбку. – Как дела?

– Ну наконец-то ты соизволил поинтересоваться. – Она села за столик напротив него и махнула официанту. – «Маргариту» принесите.

Вкус у нее не изменился. «Маргариту» она пила и раньше, еще в школе.

– Работаю моделью, – сказала она, закуривая сигарету. – Недавно подписала контракт с одним рекламным агентством, сегодня отмечаю. Я уже снялась в одной из реклам «Истек текнолоджи». Видел, наверное?

Не видел, однако кивнул, делая вид, что понимает, о чем идет речь.

– Молодец. Хороший контракт?

– Да просто сумасшедший. Очень хочу купить квартиру… Я ведь сейчас не у родителей живу, а снимаю возле Лужников. Но сперва возьму машину. Очень хочу купить машину. Что-нибудь недорогое, тысяч за пятнадцать–двадцать…

Возникло такое ощущение, что она рекламирует свою жизнь, как дорогую вещь.

Тем не менее он улыбнулся и сказал что-то вроде того, что желает ей удачи и карьеры.

– А ты как? Чем занимаешься, Тасик?

Вопрос был задан для приличия. Неудачники ее не интересовали.

Бьянка всегда хорошо разбиралась в шмотках. Во всяком случае, в их качестве и стоимости.

Brioni.

Terry Yo`ng.

G-Unit.

Он выглядел белой вороной в своем пятидесятиевровом свитере и джинсах, которые можно купить только в маркетах

Маленького Китая. Зачем ей знать, чем он занимается? Тем более что у него не было вменяемого ответа.

Стас пожал плечами, махнул рукой и выдавил:

– Да, честно говоря, ничем. Там сто грамм, тут сто грамм – на то оно и утро.

Неудачная шутка не вызвала у нее улыбки. Вместо этого она неожиданно спросила:

– Как Костя? Слышала, он в Германии?

Кивнул в ответ.

Да, Костя в Германии.

Брат был прав, когда сказал: рви отношения с ней, рви немедленно, пока не затянуло болото до безумия.

Подошел официант, поставил перед ней бокал с коктейлем, взял у нее гостевую, провел по кард-детектору, прикрепленному к левому плечу, вернул карточку и удалился.

– Он…

Она осеклась. Рядом с их столиком появилась чья-то фигура. Набриолиненный парень, слегка мускулистый, одетый явно не на рынке, с модной татушкой на предплечье. Нагнулся, поцеловал Бьянку в ухо и посмотрел на Стаса.

– Хай.

– Привет, – равнодушно ответил Стас.

– Знакомься, Стас, это Эрик, – представила его Бьянка.

– Я не помешал?

– Мне пора уже. – Стас поднялся.

– Посиди с нами. – Парень мельком, оценивающе скользнул взглядом по его одежде. Тоже, видимо, ценитель красоты и моды. – Познакомимся, пообщаемся.

При этом он лучезарно улыбался, видимо, для того, чтобы его шутки не сочли оскорбительными. Надо уходить.

Стас даже не попрощался. Просто развернулся и пошел к выходу. Глядя ему в спину, Эрик прокомментировал:

– Василий какой-то.

– Одноклассник. Бывший.

– А что он тут делал? Шел в секонд-хенд и заблудился?

– Не знаю. Я с ним толком не поговорила.

Эрик повернулся к ней. С искренним удивлением спросил:

– О чем? Сколько картошка на рынке стоит?

Бьянка долго молчала, а потом язвительно сказала:

– Между прочим, он мне в школе в любви признавался.

Это немного подпортило настроение.

Позже через службу безопасности отца пришлось пробить информацию о Стасе-Однокласснике-Бывшем.

Втихую от отца, отрицательно реагировавшего на похождения

сына, выяснить удалось немного, но этого показалось достаточно.

Стас Морозов, нигде не работает, живет на несколько сот евро, которые ему ежемесячно высылает брат из Германии. Разовый пропуск Стасу дал какой-то давний знакомый брата, так что вряд ли он тут еще появится…

Остальное Эрика не интересовало. Неудачники ему не соперники. Зная Бьянку, ревновать ее к человеку, живущему на пятьсот евро в месяц, по меньшей мере глупо.

Он забыл этого странного одноклассника уже через день.

Еще вспомнит…

* * *

Дашке не везло всю ее жизнь. Со своими несчастьями она вполне могла попасть в какую-нибудь Книгу рекордов Гиннесса для неудачников.

Была история, когда Дашку проиграли в карты. Ее же парень.

А однажды баскетбольным мячом ей сломали нос.

Еще в школе она мечтала попасть на биологическую олимпиаду в Швецию, но вместо нее по досадной ошибке отправили дочку какой-то шишки из горотдела образования.

В память о другом печальном приключении у нее на щеке остались несколько маленьких рваных шрамов – хулиганы выбросили из окна кошку, а она в это время спешила на какие-то важные пробы. На пробы Дашка не попала. Хорошо, хоть глаз не зацепило.

Ее парень, ну тот, что проиграл ее, через год попросил прощения. Она простила. Оказалось, он вернул свою любовь, для того чтобы заработать пару тысяч от «Секс-онлайн», выложив в Сети свою ночь на выпускном. С ней, разумеется.

Так и катилось – после школы неудачная попытка поступить в институт, потом…

На элиту, честно говоря, она не вытягивала, а для пластики не хватало денег. Обслуживала всяких уродов на свой страх и риск, решив действовать без стандартных прикрытий.

И примерно два-три раза в месяц приходила к Стасу поплакаться.

Пару раз у них что-то было – совпадало так, что оба были в настроении, и утром они просыпались в одной постели. Но это никак не тянуло на серьезные отношения. Дашка сама расставила точки над i, а Стаса это вполне устраивало. Необременительные отношения, приятельский секс – и этого достаточно. А от неприятностей всегда защитят изделия из силикона.

Если в четыре часа утра у двери твоей квартиры на полу сидит девушка, нет никаких сомнений в том, что у нее что-то не так. Особенно если у нее зареванное лицо и глаза красные, как семафор.

Стас открыл дверь, молча впустил ее в квартиру, зашел следом.

Пока она умывалась, запустил кофеварку и достал початую бутылку коньяка.

Дашка села за стол, не дожидаясь кофе, сразу же плеснула в чашку алкоголь и залпом выпила. Закурила сигарету, посмотрела на него и только тогда сказала:

– Достало все.

– На бандитов попала?

– Стас, ну не может так все время, ведь должна же быть и белая полоса?

– Будет, – сказал Стас и повторил для убедительности: – Конечно же будет.

Пока она наливала еще коньяк, он молчал. Ждал – знал, что она все равно расскажет. И она рассказала.

Не бандиты. Копы. Пьяные копы, решившие потрахаться на халяву. «Нашли» у нее в сумочке героин и три часа развлекались с ней в сауне. Дашка была уверена, что ее слил кто-то из конкуренток, но не знала, кто именно.

– Это Учитель все делает. Его люди.

Кто такой Учитель, Стас не знал и не хотел знать. Но слушать продолжал.

– Ну не могу я под крышей работать! Они половину забирают и работать чуть ли не круглосуточно заставляют.

Он сочувственно кивнул.

– А больше всего я боюсь, что это не последний раз. Потому что слышала, как один сказал другому, что будет даже рад, если я не поумнею. Мол, еще раз приедут.

Понятное дело. Проститутка, которая работает без крыши, – сладкая. В смысле, можно грабить без опасений.

Дашка давно хотела перейти на домашний график. Не получалось. Дома мать и малая – четырехлетняя дочка. Снимать квартиру – тоже проблемы. В центре дорого, а на окраину хороший клиент не поедет. Вот и бьется между двумя огнями. Как и все остальные, сначала выживает, потом доживает.

– Может, мне в «Секс-онлайн» пойти? Реалпорно… ну знаешь, чудики звонят когда и говорят, что хотят увидеть, как главный герой трахнет героиню на подоконнике и сосед…

– И чтобы твоя мать увидела тебя в прямом эфире?

Уже обсуждалось это, и не раз. Такое ощущение, что она сама

себя убеждает в тщетности изменить свою жизнь. Мол, и туда нельзя, и туда – а значит, ничего уже и не изменить.

– Стас, ты же когда станешь миллионером, подаришь мне квартиру?

В сотый раз задан этот вопрос, в сотый раз получен один и тот же ответ.

Она и сама не верила в то, что когда-то он разбогатеет настолько, что сможет сделать ей такой подарок. Просто ей нравилось задавать такой вопрос, а когда Стас отвечал положительно, она вроде как успокаивалась и даже улыбалась.

Сейчас не сработало даже это.

Дашка махнула рукой обреченно в ответ на кивок и плеснула новую порцию коньяка.

– Я у тебя переночую сегодня, ладно? Не хочу домой идти.

Она жила двумя этажами выше. Дома мать и четырехлетняя дочка.

– Ночуй, – пожал Стас плечами. – Уже утро, кстати.

Пьяно качнувшись – видимо, пила еще до него, – она встала. У двери повернулась.

– Стас, давай сегодня не будем…

– Да я понял, – опередил он. – Иди спи.

Такое тоже часто. История повторяется. Ничего нового.

Она легла на диване. Не раздеваясь – просто накрылась пледом и сразу же уснула.

А Стас, налив большую чашку кофе и разбавив его коньяком, еще час сидел на балконе, курил и встречал рассвет с какими-то хаотичными и совсем не веселыми мыслями.

* * *

– Ну как ты там, братиш?

– Да все так же. Результатов нет, зарплаты тоже.

– Не боись, Стас, у меня тоже не все сразу получилось. Главное, чтобы первая закладка развилась, а дальше все нормально пройдет. Кормишь ее без задержек?

– Да я реально сам жру меньше, чем она!

– Ты сегодня вообще без настроения. Случилось что-то, братиш?

– Да нет… наоборот, вообще ничего не случилось. В этом-то и смысл. Одно и то же каждый день. Кость, может, лучше…

– Стоп! Во-первых, харэ ныть.

– Я не ною.

– Ноешь, братиш. Успокойся. Все будет. Ты регулярно

трахаешься?

У Кости один пунктик – он уверен, что причиной любой депрессии является нехватка правильного секса. Правильно, по мнению Кости, – это два раза в неделю, и желательно почаще менять партнерш. Тогда не будет зацикливаний на одном и том же персонаже, а следовательно, не будет головной боли.

Стас пробурчал в трубку что-то неразборчивое, и Косте пришлось повторить последний вопрос.

– Ага, регулярно, – соврал Стас, вспоминая, что последний раз было пару недель назад и в таком пьяном угаре, что даже неизвестно, было ли там что-то вообще. – Ты когда приедешь?

– Братиш, я пока не могу, ты же знаешь.

Костя, кажется, чувствовал за собой вину. Наверное, это было справедливо. В конце концов, это же он все время твердил про то, что они избранные, что это их призвание, что он уже в теме и ничуть не жалеет об этом.

Костя, может, и Избранный. Сидит на зарплате, все у него в порядке. А фигли, он уже какую по счету закладку вынашивает… Те, кто ему платят, послали его в Германию. Вроде бы ненадолго. Но последний раз Стас видел брата полгода назад. На фото. Брат на фоне ущелья Дьявола.

В письме Костя написал, что постарается вырваться в следующем месяце.

– Знаю. Поэтому и спрашиваю: когда?

– Это не от меня зависит. Так что ты пока сам там…

– Ясно, – вздохнул Стас. – Ладно, бывай тогда.

– Бывай, братиш. Звони, если что.

Что «если что», хотелось спросить Стасу, но канал связи уже отрубился, и вместо Костиного голоса в наушниках зазвучал сигнал тринтона, оповещавший, что разговор окончен.

Сняв наушники, Стас раздраженно бросил их на клавиатуру и встал из-за стола.

Когда-то Костя пообещал, что скоро все будет по-другому. Будут деньги, будут возможности и связи, наступит другая жизнь. Для него она уже, кажется, наступила. И деньги высылал, и подбадривал. Костя трахал немок, отдыхал в Праге и в Амстердаме, собирался купить себе домик на Кубе.

Все время обещал, что для него, для Стаса, скоро тоже наступит хорошо.

Стас верил. Просто потому, что другого выхода не было. Ждать и верить.

Включил экран, лениво прощелкал десяток каналов, остановился на одном.

Гротескное чудовище размером с собаку называлось Друг.

Ведущий программы с пеной у рта убеждал зрителей, что это лучшая игрушка для их ребенка. Тамагочи нового века – этому чудовищу не только требовались еда и игры. По словам ведущего, разработчиками этого ноу-хау придуманы сотни наворотов, в связи с чем счастливый ребенок будет безмерно благодарен родителям за такой подарок.

Ну да, конечно. Новые веяния техноцивилизации. Электронные друзья лучше живых. Они не обидят и не предадут.

Где-то он уже такое слышал.

Стас выключил экран как раз в тот момент, когда ведущий рассказывал, что в память программы управления заложена специальная диета, и Друга надо будет не просто кормить, а обеспечивать ему необходимый запас витаминов и раздельное питание.

Забавно.

Раздельное питание, витамины… Команды в сотню-другую килобайт.

Играть, отдыхать, учиться – те же самые килобайты. Если бы в жизни было все так просто.

Небольшая боль в висках. Накинув куртку, Стас вышел из дома. Подумал, что надо купить такую игрушку для малой – Дашкиной дочки.

* * *

– Заключенный Александр Прокин, вам возвращается статус равноправного гражданина с пометкой судимости. Напоминаем, что с этого момента вы будете находиться под контролем отдела наблюдений за бывшими заключенными, и вам рекомендуется…

Парень в темной майке, которая не скрывала многочисленных татуировок, покрывавших его руки и шею, молча раскладывал на стойке свои личные вещи. На динамик, из которого доносился механический голос, не обращал никакого внимания.

Честно говоря, Ворм вообще ни на что не обращал внимания, и его движения в этот момент мало чем отличались от движений робота.

Голос закончил зачитывать текст. В тишине Ворм повесил на ухо серьгу-телефон, открыв рот, нащупал пальцами крохотный разъем в челюсти и вставил туда передатчик. Пошевелил челюстями, проверяя контакты, затем раздвинул между указательным и средним пальцами левой руки складки синтетической кожи. В открывавшееся микроотверстие Ворм

засунул «чистильщика», которого вместе с телефоном отобрали при аресте. Зачем это сделали, непонятно – в тюрьме нет магнитных дисков и чистить там нечего. Но по закону отбирали все, даже сетевые разъемы, которые уж действительно без Сети были бесполезными имплантантами, ни на что не годными. Хорошо, хоть не стали вырезать микродатчики из пальцев рук.

Пачка «Кэмел» без фильтра, сто евро, немного рублей, пластиковая «Еврокарт», пригодная теперь разве что только для кокаина – счет наверняка заблокировали. Связка ключей от квартиры, которую снимал, – новые жильцы уже поменяли замки, и ключи можно выкинуть вместе с картой.

«Нэстиг». Два года назад за него были отданы безумные деньги. Сейчас, наверное, стоит копейки. Технический прогресс наступает быстрее, чем инфляция.

Ворм взял сетевой адаптер, повертел его в руках и, убедившись, что повреждений нет, нацепил его на пояс. В ребро ладони вставил разъемы – через три-четыре часа тепловые батареи полностью зарядятся, дав возможность своему хозяину войти наконец-то в Сеть после такого перерыва.

Вроде все.

Криво усмехнувшись, он повернулся и подошел к двери. Два раза сильно стукнул ногой по ней. Охранник с той стороны открыл замок, и через порог комнаты переступил не Александр Прокин, а WWWorm – для всех просто Ворм.

При выходе Ворм равнодушно, даже немного презрительно скользнул взглядом по охраннику, и тому, видимо, не понравилось такое отношение к своей персоне.

– Эй, Прокин! – окликнул полицейский хакера. – Ты ничего не хочешь сказать на прощание?

Ворм остановился и повернулся к охраннику.

Сжав кулак, оттопырил средний палец и сунул его себе в рот, после чего с откровенной насмешкой направил палец в сторону копа.

Охранник схватился за электродубинку.

– Ты лучше не дразни меня, – спокойно посоветовал ему Ворм. – Иначе завтра твоя морда окажется в автозагрузке на всех компах вашей вонючей тюряги, и во рту у тебя будет не леденец.

Коп негромко выругался. Больше ничего предпринимать не стал.

Ворм знал, что охранник ничего ему не сделает. Не сумасшедший. С делом хакера знаком и знает, что тот не сам по себе. Да, Ворм сидел за попытку убийства, а виртуальный терроризм доказать не удалось, но это означало только одно – в свое время за него отвалили большую сумму денег, чтобы

откупить от Райсы и пожизненного заключения.

Поэтому хакер повернулся и спокойно пошел по коридору к выходу, а охранник остался стоять на месте, ограничившись проклятиями, посылаемыми в спину уходящему. Причем вполголоса.

Один за другим открывались и закрывались двери-диафрагмы, своим шипением сообщая о приближающейся свободе. Провожаемый равнодушными взглядами охраны, хакер шел к выходу, пряча улыбку в уголках рта.

Полтора года. Полтора чертовых года за попытку спасти этот мир от законченного мудака, которого в итоге все равно грохнули.

Хорошо, хоть удалось соскочить от Райсы. А ведь крутили… Когда взяли тело, напичканное сетевыми имплами, пусть даже и лицензированными, сразу же стали проверять его на принадлежность к хакерскому миру.

И едва не нарыли. Проверили контакты, подняли старые дела, опросили свидетелей… Денег отдали следакам немерено. Ворм опустошил все свои счета. Не то чтобы там было много денег, однако… Ранее не судим, попытка убийства в состоянии аффекта – поэтому вместо Райсы – ЗТср-12. Закрытая тюрьма строгого режима. Номер 12.

Дешево отделался. Лет пять-семь назад, во времена Джета, его упекли бы в Райсу на всю жизнь или подвергли бы корректировке.

Впрочем, тогда корректировки еще не было. Зато была Райса, о которой он знал не понаслышке. Несколько месяцев ада… Судимость сняли потом, но такие шрамы в памяти не рассасываются, и поверхностным брейн-программингом их не стереть.

…Воздух везде одинаков. Внутри стен Райсы, в прогулочном дворе ЗТср-12, здесь, на улице возле тюрьмы. И все же Ворм, выйдя из здания администрации тюрьмы, остановился и несколько минут просто стоял, вдыхая полной грудью запах свободы.

Он и впрямь был сладок.

Внедорожник-эксклюзив, шурша колесами по гравию, подкатил прямо к выходу, остановившись в метре от хакера. Опустилось стекло, в окне показалась знакомая бритая голова.

Илюха. Гражданин России.

– Подвезу до города, – ухмыльнулся тот. – Недорого.

– И накуришь? – поинтересовался Ворм.

– Говно вопрос. Падай.

Через минуту они уже мчались по трассе. Салон наполнял

давно забытый аромат «белой вдовы» и воспоминаний.

Взлом сервера «Волхолланда», визит Джета к Илюхе… еще раньше, когда среди них появился Ринат… еще раньше, когда Тяпа познакомился с Кедой, девушкой-импом, и пригласил ее в клан. Когда перебивались разовыми заказами, когда каждый удачный взлом отмечали всем составом.

Вспоминали и взлеты, и падения.

Давно это было… Теперь Тяпа имел свой модельный бизнес, Лилу крутилась в элитной рекламе, Ринат потихоньку сходил с ума в интерактиве, а Илюха оказывал посреднические услуги в любых сферах и сейчас, подвезя Ворма к дому, даже не стал заходить к нему, сославшись на какие-то неотложные дела.

Они приехали к Ворму. Илюха договорился с хозяйкой и оплачивал хату все эти полтора года.

«Это херня, братан. Мы сейчас эксклюзивы гоняем для России, так что с деньгами вроде в поряде».

Поднимаясь по ступенькам своего подъезда, Ворм вспомнил, как спускался в наручниках в сопровождении двух оперов по этим же ступенькам и был уверен, что это ненадолго. Что пройдет неделя-другая, и Алиса вытащит его…

Прошло полтора года.

Войдя квартиру, прошел по комнатам, осмотрелся. После обыска, когда его приняли, тут так и остался разгром, но беспокоило не это. Менты забрали всю технику – ноут, два стационара. Без них квартира выглядела голой.

Илюха взгрел деньгами «на первое время». По идее, деньги должны были пойти на еду и одежду, но Ворм уже знал, на что их потратит. Квартира не должна быть пустой. Да и темы надо мутить. Отдуплиться после тюрьмы пару дней и начинать мутить.

Алиса же пусть идет в жопу.

* * *

Машины ручной сборки. Эксклюзивы, их еще называли «именнухами». Движок, как правило, «Юнайтед норд моторс», дизайн принадлежит какому-нибудь сумасшедшему конструктору. Чтобы ездить на такой машине, надо еще получать лицензию, потому что некоторые навороты могут создать на дорогах проблемы.

Не каждому гражданину России позволят раскатывать на такой тачке. Но когда «Гражданин России» пишется с большой буквы, эта машина для него самое то.

Внедорожник, расплескивая во все стороны попадавшиеся

ему на пути лужи, мчался по проселочной дороге. Тонированные окна наглухо задраены и наружу не вырываются ни басы «Рамштайна», на котором Илюха помешался последнее время, ни клубы марихуаны, которой он был верен, казалось, с самого рождения.

Машиной управлял Илюха. Сидящий рядом Тяпа, в костюме и черной шляпе, с сигарой и двумя печатками на пальцах, больше походил на гангстера тридцатых годов, чем на директора модельного агентства.

Ехали молча, лишь когда остановились у развилки, Илюха приглушил звук и повернулся к Тяпе:

– Ну и куда сейчас?

– Направо, – сказал Тяпа, впрочем, без особой уверенности в голосе.

Одноэтажные дачные домики-близнецы, построенные одной строительной компанией.

– А может, налево?

Даже заборы одинаковые были.

– Давай налево, – покладисто согласился Тяпа и пыхнул сигарой.

– То есть тебе по фигу, куда ехать, так? То есть ты сидишь, кайфуешь, смотришь в окно на природу, и тебя совершенно не волнует, что у меня сушняк, а в машине нет ни капли воды и если мы не доберемся в ближайшие пять минут до места, то я либо потеряю сознание, либо вскрою себе вены, чтобы утолить жажду собственной кровью…

Тяпа молча достал телефон, включил громкую связь, набрал три ноля и утопил кнопку вызова.

– …конечно же, тебе ведь некуда торопиться. Только я скорее тебя вскрою…

Соединение произошло практически мгновенно.

– Да.

Илюха замолк, вслушиваясь.

– Мы тут заблудились немного, – произнес Тяпа. – Стоим в деревне на какой-то развилке, ты не могла бы подсказать, куда ехать? Последний раз.

– Почему бы вам не связаться с тем, к кому вы едете в гости, и не уточнить у него дорогу? – произнес недовольный женский голос. – Почему я должна уже в седьмой раз тратить свои ресурсы для того, чтобы определить, где вы находитесь?

Привыкшие к подобной манере разговора, водитель и пассажир терпеливо молчали.

– Направо до первого поворота, потом еще раз направо. Заезжайте в открытые ворота и постарайтесь больше не

заблудиться.

Связь разъединилась. Тяпа щелкнул пальцами.

– Я же сказал, что направо. Поехали.

– Ты и налево тоже говорил, – проворчал Илюха.

Спорить дальше не хотелось, сушняк действительно усиливался с каждой минутой.

Через три минуты они уже выходили из машины.

Пока Тяпа обнимался с хозяином, Илюха подбежал к столу на улице, схватил пластиковую бутылку и…

Глоток хоть и был жадным, но был всего один.

И – мат трехэтажный. И плевки во все стороны.

Илюха заскочил в дом, Тяпа посмотрел ему вслед, потом на бутылку.

– Что там было?!

– Спирт, – пояснил Ринат. – Я с работягами местными им рассчитываюсь. Они мне тут газоны стригут, электрика, все дела… А я им – спирт.

– Типа местной валюты?

– Угу.

Из дома, вытирая рот, вышел Илюха. Осмотрелся, хмыкнул:

– Значит, вот тут ты и живешь?

Одноэтажный домик, обшитый рифленым пластиком, утопал в зелени деревьев. Несколько газонов, на которых только-только начала пробиваться трава, были разделены тропинками из гладкого камня. Одна из тропинок выводила к мостику на берегу речки. Прямо на участке.

Бывшая дача Рубена, за которую Ринат заплатил сумму, раза в три превышавшую реальную. Это все из-за ностальгии.

Когда-то на этой даче Ринат активировал программу, которая изменила не только жизнь его самого и его друзей, но и всего мира. Хотя мир, наверное, и не заметил ничего. Алиса умела держать в тайне то, что должно было держаться в тайне.

Теперь Ринат живет здесь. И почти каждый вечер задает вопрос: что было бы, если бы тогда?..

Бессмысленный вопрос. Нелепо задумываться о прошлом. Оно уже есть, надо думать о настоящем.

А настоящее – это бывшая дача Рубена, с которой начала свой путь программа искусственного интеллекта по имени Алиса.

И Илюха, осматривающий участок с видом истинного ценителя природы.

– Нравится?

Илюха еще раз осмотрелся, пожал плечами:

– Есть пожрать чего?

Пожрать было. На скорую руку бутерброды, ближе к вечеру

шашлык. Сидели на улице, несмотря на то, что к вечеру кроме шашлыка пришла и осенняя прохлада. Сначала предавались воспоминаниям, потом как-то незаметно перешли к последним событиям.

– Ворм тебе привет передавал.

Ринату стало смешно и грустно. Ворм, с кем они пару часов назад обсуждали предстоящее дело, передает ему привет через друзей, от которых раньше не было секретов. И Ринат должен поддержать игру, чтобы никто ни о чем не догадался.

– Как он там? – спросил Ринат.

– Нормально. Он же сетевуху в башку поставил, – сказал Тяпа. – Говорит, теперь скорость в разы выросла. Довольный ходит. Ты не ставил себе имплантанты?

– Не-а, не ставил. – Ринат покачал головой.

– Слушай, ты тут безвылазно сидишь? – Илюха не спеша резал ножом кусок жареного мяса. – В Москву не хочешь?

Ринат пожал плечами, что можно было расценить и как да, и как нет, и просто как нежелание развивать эту тему.

Давно уже не общались. Разве что в Сети или по телефону. По телефону, правда, реже. Давно. Больше года точно не виделись. А говорить не о чем.

– Мы вообще-то за тобой приехали, – сказал Тяпа. – Движение намечается. «Феррари» у Таньки заказ на «DMX» приняли. Третий экземпляр. Будем отмечать в «Casual».

«DMX», последняя модель «Феррари», через два или три месяца должна выйти всего в трех экземплярах. И весь год ее больше выпускать не будут. Цена на такую тачку – запредельная. Но дело не в деньгах. Одну еще не выпущенную машину уже продали какому-то шейху, другую оставят для презентаций по всем странам. Третий, и последний экземпляр, наверняка не без помощи Алисы, застолбила за собой Лилу. Это все Ринат тоже знал.

– А я при чем?

– Ну как… – Тяпа растерялся. – Движение, все дела.

– Не… – поморщился Ринат. – Не хочу.

– Почему?

Ринат не ответил.

– А прошлую зиму ты тоже тут провел? – спросил Илюха.

– Ну как бы да.

– И чем же ты занимался длинными зимними вечерами?

– Да так… В интерактиве сидел.

– Интерактивное кино? – Илюха оживился. – У тебя свой кинотеатр?

– «Тошиба-4700», – не удержавшись, похвастался Ринат.

Илюха уважительно цокнул. Он-то знал, сколько стоит такая игрушка.

– Класс! Слушай, я хотел купить такой, но там аренда фильма чуть ли не…

– Хорош про кино! – остановил его Тяпа. – Ринат, ну так что?

– Я не поеду.

– Почему?

Как объяснить? Сказать, что просто не хочет, – начнут уговаривать. Сказать, что занят, – не поверят. Чем он может быть занят, сидя в этой глуши в обществе программы и интерактивного кино, которое захватывает порой сильнее, чем наркота.

– Поедешь развеешься, потом тебя Илюха обратно отвезет, если хочешь.

Илюха открыл было рот, но тут же закрыл. Неплохо придумано. Тысячу кэмэ сюда, потом тысячу кэмэ обратно.

Но возмущаться не стал. И даже поддержал Тяпу в плане уговорить.

Не уговорили.

Расставались холодно. Тяпа не скрывал обиды.

Ринат старался быть равнодушным.

Только Илюха вел себя как ни в чем не бывало. Пообещал, что через недельку-другую, когда разгребет свои дела, приедет погостить подольше. Зная Илюху, можно было смело сказать, что «неделька-другая» затянется на несколько месяцев.

Когда внедорожник выехал из ворот и те, движимые электроприводом, закрылись, Ринат постоял еще на улице, выкурил сигарету и только потом вошел в дом.

Спустился в подвал, как он окрестил небольшую комнату, в которой из мебели было только кресло-коммуникатор. В него и уселся. На голову – шлем, руки – в манипуляторы… loading… please wait… Ворм выполз почти сразу. Сетевой импл всетаки дает преимущества.

– Барев, камрад.

– Хая.

Аватар у Ворма снова новый. Тетрадка с какими-то неразборчивыми символами.

– Пацаны только что уехали. Я остался.

– Аха. Все правильно. Тебе пока в столице лучше не светиться.

– Вормыч, ты там разрули с ними, чтобы не обижались.

– Я понял. Разрулю. Ты написал прогу?

– Да. Два варианта, адаптированы под плавающие линки. Сейчас скину тебе. Слушай… ты уверен в том, что Джет нам нужен?

– Ринат, не парься. У Джета свои претензии к корпорации, и он не станет подставлять себя. Только он сможет отключить инкубатора от системы слежения, если что.

– Он сможет всех отключить, если что.

– Тебе чего вообще бояться, ты нигде не светишься. Лучше скажи, Алиса тебе даст инфу по клинике?

– Ничего она не даст. – Ринат вздохнул. – Ты же знаешь, она крови выпьет столько…

Алиса всегда была рядом. Все слушала и, собственно, не скрывала этого. Но никогда не вмешивалась в разговор. Даже если речь шла о ней. Никогда.

– Ладно, мы нашли ходы. Но ты все равно попробуй, для подстраховки.

– О'кей. Тогда ждем инкубатора. Лови файлы.

Подождал еще несколько минут, пока тяжелый брейн-софт слился к Ворму, и отключился.

Если нашли выходы на клинику – это хорошо. «Такечи апгрейд». Знаменитая подпольная клиника. Про нее ходили слухи. Впрочем, как и про любое другое явление подобного уровня. Телефона этой клиники нет в справочнике, так же как и постоянного адреса. Ее сложно было найти, не имея нужных связей. И это понятно.

Весь их безумно дорогой прайс-лист от начала и до конца, каждая строчка – это нарушение закона практически любой страны мира, каждая услуга – статья.

Все программное обеспечение, произведенное кудесниками клиники, – прямой путь в Райсу. Еще говорили, что «Такечи апгрейд» – это вымысел.

«Пусть говорят», – сказал когда-то Малахов-старший. Кто-то говорит, кто-то слушает, а кто-то делает на этом деньги.

Десятки мобильных лабораторий по всему миру. Установка имплантантов любого уровня, брейн-программинг, пластика… – все что угодно. Хотите стать богом? Велкам ту «Такечи апгрейд». Все это незаконно, все это пользуется большим спросом, все это стоит больших денег. А если есть спрос, значит, обязательно будет предложение.

…Идея сделать себе апгрейд за счет корпорации принадлежала Джету. Он работал инструктором в школе наемников «Сантана» – воспитывал будущих суперменов. Видимо, мало платили и на новые имплы денег не хватало.

Не многие знают, как производят и развивают новые искусственные интеллекты в корпорации «Волхолланд». Но зато все знают, что «Такечи апгрейд» готова платить любые деньги за те закладки, что вынашивают в своих мозгах инкубаторы

«Волхолланда»

Джет предложил план, убедил сначала Ворма, потом и Рината.

Все пройдет без сучка и задоринки. Главное – чтобы инкубатор в порядке оказался.

* * *

Друг стоил довольно дорого. Почти триста евро. При этом продавец радостно сообщил, что к каждому такому кибермонстру бесплатно полагается набор CD-дисков с музыкой и сказками, которые безотказный Друг будет читать на ночь юному хозяину или хозяйке. Весила игрушка немного, но коробка была настолько громоздкой, что пришлось ловить тачку.

Два часа в пробке. Потом таксист «удачно» остановился, а Стас «удачно» не посмотрел под ноги и, выходя из машины, угодил в глубокую лужу.

В довершение ко всему не работал лифт. Но все это рассеялось, едва он увидел радостное лицо Катюхи, которая доставала из коробки игрушку и не сводила с нее глаз, словно не верила, что подарок предназначается именно ей.

Друг выглядел вполне симпатично – выбирая интерфейс, Стас остановился на лохматой собаке со смешной мордой. Для того чтобы его активировать, надо было придумать кличку, и малая серьезно задумалась над этим вопросом.

Дашки дома не было. Мать сказала, что она со вчерашнего дня еще не возвращалась. При этом тяжело вздохнула и украдкой посмотрела на ребенка.

Она знала, чем ее дочь зарабатывает на жизнь.

Дашка никогда не говорила, но она знала. И молчала. Наверное, это было очень тяжело.

Мать практически никуда не выходила – только в магазин или с малой погулять. А так сидела безвылазно в четырех стенах, постепенно превращаясь в мумию.

Три женщины в одной квартире. И счастлива только одна – распахнув свои черные глазенки, с нескрываемым восторгом возится с новой игрушкой, и что ей дело до проблем, которые витают в ее маленькой семье.

Снова покалывание в висках. Потом – словно какой-то толчок внутри черепа. И одновременно с этим – вибрация на руке. Вздрогнув, Стас снова посмотрел на малую – теперь уже в замешательстве. Она – пища?! Порция эморфа? Она не может быть пищей!

Развернулся, пошел к двери – напряженно, испуганно. Боялся, что не сможет себя контролировать.

Кажется, вслед донеслось приглашение Дашкиной мамы пообедать. Он только молча махнул рукой и торопливо вышел, закрыв за собой дверь.

Голова болела не сильно, как обычно, но в этот раз к боли прибавилось новое ощущение. Голос? Нет, наверное, это он с ума сходит. Но тем не менее…

Стас сбежал по лестнице, выскочил из подъезда и остановился, прислонившись к опоре козырька.

Закурил сигарету, осмотрелся.

Старый двор между старых девятиэтажек. Когда-то их собирались сносить, в связи с программой развития жилья, но потом правительство сочло рограмму нецелесообразной, и все сошло на нет.

К черту программу, к черту правительство. Голова болит. Может, позвонить спецам? А вдруг ничего особенного?

В песочнице под присмотром молодых мам возились двое малышей. Возле обгоревшего остова ларька мучился со своим мотоциклом старый байкер Вовик. Рядом с ним, наблюдая за его действиями, раскуривали косяк трое хулиганов из местной уличной банды. Два часа дня, поэтому так немноголюдно.

Нечего здесь ловить. Надо ехать в центр.

Бросив сигарету, Стас спустился по ступенькам, махнул рукой Вовику, свернул за угол дома. И столкнулся с Дашкой.

Выглядела та ужасно – спутанные волосы, черные круги под глазами… Она пошатывалась и глупо улыбалась. Увидев Стаса, схватила его за руку.

– Стас! Как дела? Май дарлинг, ай вонт…

– Чего? – Стас схватил ее за подбородок. – Что с тобой?

– Я в полном… – не договорив, она обмякла и упала бы на землю, если бы Стас не подхватил ее. И замер, глядя на локтевой сгиб руки девушки, усеянный мелкими точками от уколов. А вокруг каждой точки едва заметный след от ободочка инъектора.

Она была под кайфом. И под кайфом решила поехать домой.

Дура.

Две пощечины привели ее в чувство. Не так, как хотелось бы, – но во всяком случае, она могла кое-как идти сама.

Нельзя ей домой. Мать не выдержит. И малая – ей всего пять лет, но она уже понимает некоторые вещи.

Пришлось тащить Дашку к себе. И там, отпоив ее кофеином и заставив умыться, Стас попытался выяснить, как давно она употребляет наркоту.

Дашка попросила его не лезть в ее жизнь. Сказала, что

разберется без него. Что пусть он лучше решает свои проблемы, а не пытается выглядеть дон-кихотом в ее и своих глазах. Тирада длилась минут десять. Под конец Дашка просто послала его открытым текстом.

Он слушал ее молча, не перебивая. Понимал, что это постнаркотический нервоз, отходняк, и не спорил с ней, ждал, пока она выпустит пар.

У нее началась истерика. Она разрыдалась. Он принес ей воды и, пока она, стуча зубами о чашку и захлебываясь, пила, повторил свой вопрос. Спокойно, равнодушно.

И Дашка сдалась. Обмякла, закрыла руками лицо.

– Второй день. Один из клиентов… рассчитался со мной порошком. Сначала я хотела продать его, потом… потом попробовала.

Она еще долго что-то рассказывала, прижавшись к нему, всхлипывая и постепенно успокаиваясь.

Он слушал ее. Странная боль в голове все не проходила, а потом вдруг что-то кольнуло в затылке, и он почувствовал, как подкашиваются ноги, потом сил не стало и спать захотелось…

Спать…

* * *

– А ну руки вверх! Руки вверх, не то пристрелю, как собаку!

Дуло водяного пистолета утыкается женщине в бок. Та густо краснеет и пытается выдавить из себя улыбку, одновременно чуть приподняв руки вверх.

– Бабки на бочку, пока мозги не вышиб! Это моя территория!

Сбоку смеются. Скашиваю глаза в ту сторону. Глава семьи – крупный мужчина лет сорока пяти, с большим животом и не менее большой барсеткой. Женщина, по ходу его жена, похожая на витрину ювелирного магазина. Страшненькая девчонка лет пятнадцати с замашками звезды, всем видом демонстрирующая, что ей здесь не нравится. Единственное симпатичное существо в этой компании – привязанная к спинке стула за поводок болонка.

Ну и главное действующее лицо в этом спектакле – отпрыск лет семи, который носится по залу и дергает всех посетителей без исключения. Это создание в коротеньких штанишках, кепочке-бейсболке и майке с изображением Бэтмена, похоже, имеет своей целью только одно – развеселить своего папашу, который в перерывах между возлияниями похохатывает, глядя на сына и всем видом одобряя его действия.

Никто из присутствующих не рискнул сделать замечания –

официантки мило улыбаются, когда отпрыск их толкает, посетители делают вид, что ничего особенного не происходит, и будто находят очень забавным то, что пацан тычет им в лицо своим пистолетом.

Людей в это время немного. Утро выходного дня – мало кто встречает его в фастфудовской тошниловке с претенциозным названием «Трактир-Н».

Искоса наблюдаю за ним – никто, вообще никто не рискнул ему сделать замечание. Тупое стадо овец.

До того момента, как появилась эта семейка, я ожидал свой заказ, время от времени поглядывая на часы.

Это не их место. Странно.

А любая странность в первую очередь – признак опасности.

Хотя, скорее всего, я все преувеличиваю.

Пацан тем временем обходит весь зал, не пропуская ни один столик. С каждым разом он ведет себя все более распущенно, словно измеряя уровень своей вседозволенности. И все время поглядывает на своего отца, причем делает это так, чтобы посетители видели, с кем он пришел и кто «за него, если что…».

– Ты, собака! Деньги на бочку!

Поднимаю глаза, смотрю на него пару секунд и возвращаюсь к отбивной.

Он вертит головой – то ли чувствует разницу между мной и овцами, то ли не знает, что еще сказать, потом неуверенно добавляет:

– Я тебе говорю, собака! Руки вверх – и деньги на бочку!

Есть дети. Дети, которых воспитывают родители, которых балуют – но в меру – бабушки и дедушки. Дети, которые понимают, что можно делать, а что нельзя.

А есть гаденыши. Те же дети, только привыкшие с самого детства, что им можно все.

Не люблю гаденышей. Никогда их не любил.

– Я тебя сейчас пристрелю, как собаку, – заявляет отпрыск и прицеливается.

– Сдерни отсюда, пока я тебе уши не надрал, – негромко произношу я, и не ожидавший такого хода гаденыш вертит головой в поисках поддержки.

– Па! – кричит он.

Уже прилично поддатый папаша, скользнув по мне взглядом, кривится.

– Что, Павлуха?

– Он мне уши хочет надрать!

В голосе мальчишки нет испуга, скорее изумление. Как это так? Надрать уши?! Мне?! Сыну такого-то…

– Ну так убей его! – советует папаша и подмигивает жене. – Замочи!

В то же мгновение сынок нажимает на спусковой крючок, и мне в лицо бьет струя воды.

В зале повисает гробовая тишина, разбавленная тихой музыкой из невидимых колонок. Некоторые посетители смотрят на меня – и я знаю, о чем они думают.

«Ты такой же, как и мы, ты тоже никто и звать тебя никак. Ты не тронешь его, побоишься».

Тишина длится всего лишь секунду, не больше. Потом раздается смех.

Родитель гаденыша ржет как ненормальный.

Возможно, его развеселил каламбур – «замочи», возможно, он горд за своего сына, легко «замочившего» меня…

Он смеется несколько секунд.

Пока я выстрелом из «Дезерт игл» не сношу ему полчерепа.

На глазах у гаденыша.

Ба-бах!

И снова – секунда тишины. Во время которой я успеваю прошептать: «Рест ин пис».

А потом…

Паника, крики, звон битой посуды, грохот падающей мебели – и толпа, устремившаяся к выходу.

Стреляю еще раз – в огромное окно от пола до потолка. Пробив себе дорогу, спокойно выхожу по осколкам стекла на улицу.

Легко смешиваюсь с толпой, не боясь, что меня задержат. Здесь меня никто не сможет остановить.

Неприспособленный мир. Слабые, глупые люди.

Впервые чувствую, что мне становится скучно.

* * *

– …арестованы несколько членов террористической группировки, занимавшейся производством и реализацией деструктивного софта, вирусов второго и третьего поколения, а также программной поддержкой так называемых плавающих линков. Два человека имели на себе нелицензированные имплантанты. Им предъявлены обвинения по статьям…

Он представился Куратором. У него был очень мягкий и тихий голос, когда он говорил, казалось, что он все время за что-то извиняется. Как ни странно, но это не раздражало, а, наоборот, даже забавляло.

Маленький, пузатенький и лысоватый еврей. Такой вот добродушный дяденька с цепким взглядом и мягким голосом. Ему бы Карлсона играть в анимэ-постановках.

– Твой организм уже начал выделять повышенное количество тестостерона, креатина и еще десятка веществ, необходимых для роста и развития мышц, – сказал Куратор. – Пока только для поддержания формы, но если ты решишь заняться этим профессионально, тебе достаточно будет всего лишь увеличить физические нагрузки.

Стас посмотрел на свои руки. Заметного увеличения мышц не наблюдалось, незаметного – тоже.

– Теперь я смогу получать зарплату? – поинтересовался он.

– И не только, – равнодушно ответил Куратор. – Тебе помогут в любой сфере деятельности. При необходимости помогут и с обучением, главное, чтобы это было интересно тебе.

– Кто поможет?

Вопрос остался без ответа.

– Послушайте… – неуверенно начал Стас. – Этот проект…

– Ты знаешь ровно столько, сколько должен знать инкубатор, – сказал Куратор. – Ни больше ни меньше. Личный совет – не занимайся поисками того, что тебе не принадлежит. Думай о себе. И кстати, для развития закладки будет полезно, если у тебя появится какая-то цель и ты ее достигнешь. А твое будущее, сам понимаешь, зависит от того, как закладки будут развиваться.

Стас подошел к окну, распахнул его. Вместе со свежим воздухом в квартиру ворвался уличный гомон: детские крики, музыка, шум машин.

– Мне снятся странные сны… – начал он.

– Знаю, – мягко прервал его Куратор. – Это первое время. Адаптационный период, не волнуйся. Если будут осложнения, встретишься с нашим психоаналитиком, но это маловероятно.

– Я не про то, – сказал Стас. Задумался, подбирая слова, потом повернулся к Куратору и твердо сказал: – Я хочу быть наемником.

Тот, казалось, растерялся и несколько секунд молча переваривал услышанное. Потом отрицательно покачал головой – на губах снова заиграла улыбка.

– Это исключено.

– Но…

– Нет. – И после паузы повторил: – Исключено.

Стас молча смотрел на улицу. Куратор не торопил его, ждал.

– А если я захочу стать президентом? – неожиданно спросил парень.

– Думаю, что у тебя вряд ли получится стать даже депутатом-одномандатником, – невозмутимо сказал Куратор. – Но мешать тебе никто не будет, возможно, даже помогут. Пойдешь учиться…

– А без учиться нельзя?

– Можно. Станешь президентом своей квартиры. Тебя устроит?

– У меня есть время подумать?

– Конечно. – Куратор встал с кресла, положил на стол электронную визитку. – Здесь мои координаты. Связывайся в любое время. И самое главное: не забывай про основную задачу.

* * *

У Куратора, видимо, было что-то срочное. Его сигнал пришел аж трижды продублированный. Такое не стоило игнорировать.

В Сеть он вошел на ходу. Загрузился от внешней операционки, запустил несколько копий и влился вслед за ними в один из порталов «Европа-онлайн».

Он видел дорогу перед собой, приборную доску, джойстик, который уверенно держал одной рукой. Сворачивал в переулки, выезжал на дорогу, останавливался перед светофорами, улыбался молоденьким самочкам, которые, завидев дорогую тачку с одиноким водителем, старались выставить напоказ все свои филейные части. Он рассматривал эти части, а в это время его разум, управляемый ИскИном, блуждал по закоулкам Сети, выискивая знакомые линки и отбиваясь от поисковых систем переадресацией запросов.

Курьер клиники «Такечи апгрейд» должен быть осторожным, особенно в беседе с продажным сотрудником злейшего врага клиники – корпорации «Волхолланд».

Знакомый аватар вынырнул из бесконечности континуума, скидывая адрес. Секунда – и происходит соединение.

Они были в закрытом пространстве. Кто-то перезагрузил систему, сработал заранее заложенный дестроер, который, временно заблокировав выход, уничтожил все сторожевые программы. Чисто. Теперь до выхода их никто не обнаружит.

– Чего хотел, неугомонный?

– Закладка начала работать. Готовьте деньги.

– Ты просишь или приказываешь?

– Слушай, это то, что вам нужно. Боевая, последняя модель.

– И что ты хочешь за нее?

– Пятьсот наличными, пять, как обычно.

Машина, едущая впереди, резко затормозила, и, чтобы

избежать столкновения, пришлось выскочить на встречку. Объезжая «дорожного тормоза», крикнул в его адрес парочку нелестных слов, одновременно продолжая общение в виртуале.

– Пять с половиной миллионов? Ты цену только что придумал?

– Это последняя модель. Новейшая разработка.

– Паршивый из тебя продавец, Куратор. Ну да ладно. Когда закладка будет готова?

– Скоро. Контакт с инкубатором уже произошел. Через пару недель, а может быть, и раньше ему загрузят обновления. Будьте готовы.

– Мы всегда готовы. Это все?

– Да.

– Тогда до связи.

Выходить всегда неприятно. Потому что сразу, потому что резкий обрыв и боль внутри, а тело передергивает все, будто от отвращения, да мурашки по коже. И тошнит. Баг в программе выхода. Надо бы отладить, да времени никак нет. Интересно, у стоматологов бывают больные зубы?

Мигнув поворотником, машина перестроилась в правый ряд и припарковалась напротив бутика оборудования для интерактива.

Он мог себе позволить это дорогое удовольствие. Хотя, как ни странно, особого удовольствия это не доставляло.

Рядом остановилась тачка «дорожного тормоза». Сидящий в ней мужик проорал какие-то ругательства и тут же сорвался с места.

Раньше, наверное, догнал бы. А сейчас… куража нет. Возраст, что ли, такой? Так вроде рано еще.

А последняя модель боевого ИскИна – это хорошо. Это очень хорошо. Да.

* * *

Зима выдалась на редкость холодной. Не спасала даже шуба, выпрошенная Бьянкой у Эрика.

Жадным она его не считала, несмотря на то что в глаза Бьянка ему говорила совсем другое. Эрик исправно оплачивал ей квартиру, телефонные счета и многие другие мелочи, на которые, как правило, уходит вся зарплата. На праздники делал довольно дорогие подарки – шуба как раз относилась к этой категории. Но… этого было мало.

Зарабатывай она больше, можно было бы, конечно, рассуждать о независимости и тому подобном, но денег хватало

на коктейли, не более.

Хотелось чего-то большего в плане отношений, хотелось стабильности и уверенности, но у Эрика совершенно противоположное мнение по этому вопросу.

А еще он, кажется, стал к ней остывать – и вот это беспокоило больше всего.

Сегодня даже не заехал, сославшись на какие-то дела, – просто сказал, чтобы она подъезжала сама. По такому морозу.

И неважно, что на улице в общей сложности Бьянке придется пробыть не более минуты. Важен сам факт. Сначала она решила вообще не ехать, а если поехать, то куда-нибудь в другое место. Передумала.

Сидя в такси, сначала думала, что устроит Эрику скандал, потом – что будет игнорировать его. И лишь под конец, когда машина уже подъезжала к клубу, она поняла, что не будет делать ни того ни другого, что отношения совсем уже не те, что были полгода назад, и что скандалы лишь приблизят расставание, но никак не укрепят их отношения.

Что такое хамское поведение ей придется схавать, потому что других вариантов нет.

Пока нет.

Найти кого-нибудь другого несложно – построить глазки, пококетничать… Проблема в том, что никто не сможет дать гарантии, что следующий будет хотя бы не хуже.

Эрик должен был быть уже здесь.

Ну да. Вот он. Еще несколько новых девок с полумодельной внешностью и десяток красавчиков, практически всех одетых от G-Unit. Нет, ну негры в этой одежде, конечно же, смотрятся… но армяне – это уж слишком.

Что ее всегда убивало наповал, так это китайцы, которые едят суши, и армяне, которые слушают R&B. И одеваются соответственно.

Стол уставлен коктейлями, неподалеку официант цепким взглядом наблюдает за каждым из сидящих и ждет, пока кто-нибудь не поднимет руку вверх и не щелкнет пальцами.

Здесь пьют. Пьют и платят. Это VIP.

Когда-то она гордилась тем, что принадлежит – пусть и не напрямую – к этой элите. Потом пришло трезвое понимание.

Эрик отпихнул одну из девок, освобождая место для Бьянки. Чмокнул в щеку, положил руку на колено, спросил, как дела.

«А ведь ему наплевать, по большому счету, как у меня дела», – мелькнула мысль.

– Почему не заехал?

– Детка, у меня были траблы, я их решал. Пить будешь?

– Я обиделась, – поджав губки, капризно сказала Бьянка. Ожидала, что он поддержит игру. Ну хоть чуточку.

– А зачем тогда приехала? – поинтересовался Эрик и поставил перед ней бокал с «Барбарисом». – На, выпей и уймись.

Она чуть не задохнулась, когда услышала эти слова.

– Ты… ты…

– Только не надо, – буркнул Эрик. – День был тяжелый. Пей, отдыхай и не парь мне мозги.

Своим хамством он расставил точки над i. Теперь у нее два выхода. Либо сделать вид, что все в порядке, и ждать следующего раза, который наверняка будет еще жестче, либо сохранить хотя бы свою гордость, встать и уйти.

Она встала. Надеясь, что он захочет ее остановить. Эрик молча посмотрел на нее и повернулся к одному из своих друзей.

– Скоро «Феррари» делает презентацию «DMX». Не в курсе, кто может приглашения достать?

Очень хотелось дать ему пощечину. Еще хотелось увести его и поговорить. Но он никуда не пойдет, а унижаться не хотелось. Пощечина? Она просто побоялась.

И вышла из-за стола.

Ее никто не окликнул. Наверное, хотели, а Эрик остановил, а может быть, всем было наплевать – этого она уже не видела.

Поднялась по лестнице. Лицо красное, губы дрожат от обиды – пошла через весь зал к выходу. Через танцующую толпу, через столики.

Кто-то крикнул ее имя – даже не повернулась.

Схватили за руку. Это оказался Стас.

– Привет.

Она смотрела на него и не могла понять, чего он хочет. Даже как бы не узнавала его.

– Бьянка? – Стас смотрел на нее удивленно, потом кивнул. – Сядешь?

Как робот, села за небольшой столик, посмотрела на него, достала из сумочки сигареты. Отмахнулась от официанта, как от назойливой мухи.

– У тебя что-то случилось? – спросил Стас.

Романтик без штанов, готовый сочувствовать и утешать. Сопли в шоколаде. Лучше бы зарабатывать деньги научился, а не сочувствовать. Как же это все надоело.

– У меня все зашибись, – раздраженно бросила она. – Чего ты хочешь?

– Я…

– Ты сидишь в своем болоте на пособие, которое тебе Костя высылает, вот и сиди там, чего ты сюда лезешь?

– Ты чего? – недоуменно спросил Стас.

– Кому нужны эти понты? Понюхать у красивой жизни под хвостом захотелось?

– Ты больная, что ли? – Глаза Стаса потемнели. – Ты что несешь?

– Да пошел ты! – Она, даже не прикурив сигарету, вдавила ее в пепельницу и, схватив сумочку, быстрым шагом пошла к выходу.

Стас смотрел ей вслед, пока не почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит. Поднял голову – парня он узнал сразу, видел его пару раз с Бьянкой.

Тот уселся на место девушки, кивнул ему, как старому знакомому, сказал:

– Всякое существо, от комара и до человека, имеет право не только на существование, но и на какие-то действия. Такое право действует до тех пор, пока существо не начинает своими действиями мешать кому-то другому. Комара – ладошкой, таракана – тапком, человека… Ну ты понял, да?

Стас улыбнулся. Кивнул.

– Сильно сказано. Это мескалин на тебя так действует?

Лицо Эрика перекосилось.

– Не умничай, Василий. Если хочешь проблем, ты их получишь. Не испытывай судьбу. Это моя женщина. Если тебе будет понятнее, это моя самка.

Взять бы пистолет сейчас и так, как во сне было… один выстрел – одним уродом меньше. Интересно, рискнул бы этот холеный красавчик повторить свои слова, если бы увидел на руке у Стаса татуировку «Сантаны»? Хватило бы у него смелости вякнуть то же самое в лицо наемнику?

Просто взять пистолет и нажать на курок.

Только от убийства вряд ли кто отмазывать будет. Даже инкубатора. Скорее, корректировку сделают, чтобы не болтал.

– Я доступно выразил свои мысли? – спросил Эрик.

– Конечно. – Стас поднял руку, официант появился через секунду. – Не забудь пометить территорию, самец.

Бросил на стол смятый полтинник, поднялся и пошел к выходу.

Когда он вышел из клуба, Бьянки уже не было.

Впрочем, догонять он ее не собирался. Хотелось домой и спать.

Спать.

* * *

Не сразу понимаю, что вообще здесь делаю. Только через несколько секунд картинки в голове складываются во что-то более-менее понятное и одновременно появляется план ближайших действий.

Чувствую, что тогда, в кабаке, это было не рядовое происшествие. Что-то не так, и мне предстоит выяснить, что именно. Поэтому я сейчас здесь, в поселке, во дворе дома, где еще вчера проживал убитый мною мужчина, а сегодня живут вдова и ее дети.

Мне что-то надо узнать у них, но я не знаю, что именно.

На первом этаже горит свет, все остальные окна темны. Но людей за освещенными окнами не видно. Либо сидят-лежат, либо там никого нет.

Над всем поселком тишина. Легкий ветерок шевелит листву деревьев, нагоняя свежайший воздух. Где-то неподалеку квакают лягушки. Драйвом и не пахнет.

Странно.

Джет учил не бояться странностей. Он говорил, что любая странность – это подсказка, ведущая к истине.

Чья-то тень мелькает сбоку – едва успеваю увернуться, как на место, где я только что стоял, прыгает огромная кавказская овчарка.

Не лает, скорее всего, генетический модификант с волком. Хотя, может, тренировка такая. В данном случае это не имеет значения.

Едва приняв устойчивое положение, она прыгает вновь.

Теперь уже в последний раз.

Вытираю лезвие ножа о шкуру псины и, присев на одно колено, прислушиваюсь.

Тихо. Никто не слышал шума схватки, не зажег свет и не подошел к окну. И собак, видимо, больше нет.

Осторожно подхожу к тому окну, за которым горит свет. Окно немного приоткрыто: слышу чьи-то всхлипывания и бормочущий, скорее всего слова утешения, голос.

Заглядываю внутрь и убеждаюсь, что это так. Женщина на диване, плачет на плече у мужчины, еще двое мужчин сидят за столом вместе с девчонкой, которую узнаю с первого взгляда.

Моя ж ты страшненькая курица.

Женщина поднимает заплаканное лицо – это она, нет сомнений, хоть и опухшая от рыданий. Толкаю рукой окно, распахивая его, и, подтянувшись, запрыгиваю в комнату.

Мгновение в комнате стоит тишина, которая прерывается недоуменным возгласом одного из мужчин:

– Ты… вы… ты кто такой?

Он не знает, кто я, его не было тогда там. Поэтому он и пытается пылить.

Только хрен я ему дам это сделать.

– Все молчат и слушают то, что говорю я, – произношу, поводя по ним дулом пистолета. – Если услышу хоть звук, убью того, кто попадется мне под руку. Тишина. Второй раз повторять не буду.

«Большинство людей сделаны из пластилина. Тебе надо лишь убедить их в этом, а потом лепить все, что тебе нужно», – копирайт принадлежит моему инструктору.

Пушка – очень действенное средство в плане убеждения.

Мужики молчат. Мирные пластилиновые бюргеры – они растерянны, они не понимают, что здесь происходит, они всего лишь пришли помочь семье погибшего…

А вот женщина… точнее, сначала девчонка…

– Мама!

И мамаша:

– Господи! Это же ты! Ты убил! А…

Указательным пальцем перевожу «спайдер» в режим бесшумной стрельбы, глядя на женщину в упор, приставляю пистолет к затылку одного из сидящих за столом бюргеров и нажимаю на спусковой крючок.

Шпок!

Он валится на пол вместе со стулом, и ковер вокруг его головы сразу же набухает кровью.

«Рест ин пис».

Это действует. Лучше всяких угроз и уговоров.

Женщина зажимает рот рукой, мотает головой и откидывается назад, на грудь своего недавнего утешителя, еле слышно мыча сквозь пальцы. Всех остальных трусит не меньше, однако никто не пытается что-то предпринять, настолько все парализованы страхом.

То, что мне нужно.

– Первый, но не последний, – говорю я, не отрывая взгляда от женщины. – Можешь не сомневаться. Если не будешь отвечать на мои вопросы. Почему в тот день пошли именно в «Трактир»? Я тебя спрашиваю!

Смотрю на женщину, а она мотает головой и ничего не говорит.

– Если ты не будешь отвечать, я пристрелю еще кого-нибудь и сделаю это в любой момент, когда мне захочется. И убью того, кого мне захочется. Тебе продемонстрировать?

– Кто… кто ты? Чего ты хо…

Шпок!

Договорить она не успевает, потому что тот мужик, к которому она прижималась, валится на пол с дыркой в голове.

«Рест ин пис».

– Ты будешь тупить? – рявкаю, не давая жертве опомниться. – Я объясню тебе кое-что. Для меня вы то же самое, что плексигласовые мишени на стрельбище. Патроны у меня есть, хватит на всех. Повторяю вопрос: что вы делали позавчера в кабаке?

– Мы поесть туда пришли! – истерично кричит дочка-курица. – Мы просто пришли туда поесть, а ты… ты убил папу!

Славно. У кого-то в этой компании есть мозги.

Пусть и куриные.

А мама, похоже, говорить не может – у нее шок.

Я поворачиваюсь к девчонке:

– Отвечать четко, связно и спокойным тоном. Будешь повышать голос, я снова выстрелю. Итак, вы пришли в тот ресторан просто поесть. Почему именно туда? Вы постоянно там обедаете?

– Что вы хо… Не надо!! – Она замечает движение пистолета и отчаянно всплескивает руками. – Нет, не постоянно. Мы туда пошли, потому что папа так захотел.

Мало, мало информации. Мне нужно больше.

– Человека от убийства останавливает только одно, – говорю я. – Страх расплаты. За то, что убил себе подобного. Будет ли Суд Господень или суд присяжных, его в любом случае ожидают неприятности. Так вот меня в силу некоторых обстоятельств никакие неприятности не ожидают, а следовательно, ничто не останавливает от того, чтобы продолжить.

Курица готова говорить, готова рассказать все… но она, скорее всего, ничего не знает. Не она ведь была виновником конфликта.

– Хорошо, – киваю. – Где твой брат?

– Н-н… н-не-е-тт… – мычит девчонка. – Н-не надо…

– Послушай меня, – спокойно и убедительно говорю я. – Я не убиваю детей, иначе я бы сделал это там, в ресторане. Мне просто нужно задать ему несколько вопросов. Пойди и приведи мальчика, пока я сам не привел его.

Она не хочет. Она чувствует, что я все-таки говорю ей неправду – насчет того, что не убиваю детей.

Но она боится, она знает, что сейчас я снова выстрелю. Она не знает, в кого. Это знаю только я.

– Пойди и приведи, пока твоя мам… – начинаю я, и замолкаю на полуслове.

– Не надо меня приводить… – На пороге в зал стоит мальчик

в пижаме и смотрит на меня, держа в одной руке тот самый злосчастный водяной пистолет. – Не убивайте никого, я все расскажу.

– Павлик!

– Паша!

И мать, и сестра с обеих сторон кидаются к нему и закрывают от меня своими телами. Усмехаюсь, глядя на них, – умилительная сцена.

Промелькнула в голове мысль: а есть ли у меня кто-нибудь, кто вот так прикроет меня от оружия убийцы?

Поднимаю пистолет и навожу его в голову последнему мужчине за столом. Того бьет дрожь, по лысине и лбу стекают крупные капли пота, грудь тяжело вздымается.

– Не надо, дядя! – выкрикивает Павлик из женских объятий.

Дядей меня еще никто не называл. Я криво усмехаюсь.

– Рассказывай, Павлик, – говорю я, не убирая пистолет. – Рассказывай, и, может быть, этот человек будет обязан тебе своей жизнью.

– Мне папа сказал, что я могу делать в «Трактире» все что угодно, – начинает Павлик. – Сказал, что мне никто ничего не сделает, а если сделает, то будет иметь дело с ним.

– Молодец, Павлик. А твой папа говорил что-нибудь про меня?

– Да, он сказал, что вы зазнайка и вас надо проучить. – Мальчик неожиданно разжимает пальцы, и игрушечный пистолет падает на пол. – Мамочка, я не знал, что так будет…

Он всхлипывает, и мать прижимает его к своей груди.

Я верю тебе, Павлик, верю, что ты не знал. Но кто-то же должен знать.

– Павлик, подумай хорошо, папа больше ничего про меня не говорил? – спрашиваю я. – Может быть, раньше, еще до того, как вы пошли в ресторан?

– Нет. – Он прижимается к матери. – Не говорил.

Похоже, единственный источник информации недоступен.

Даже не знаю, что я хочу узнать.

Но какое-то подозрение свербит, не давая покоя.

Что-то было не так. Неспроста я убил отца Павлика. Я должен был это сделать… Может, эта встреча была не случайной? Может, это было спланировано? Я должен проверить.

– Подумайте все вместе, было ли у вашего… м-м-м…

Папы? Мужа? Покойника? Я запнулся, не зная, как сказать, и пропустил «название».

– …какое-то странное поведение в последние дни или резкая смена настроения в последние три-четыре дня?

Молчание.

Я не спешу – даю время подумать. И пытаюсь снова подсказать:

– Может быть…

– Он сказал, что через несколько дней решит много проблем, – внезапно подает голос мужик, на которого все еще был направлен пистолет.

– Продолжай, – киваю я, поймав его в поле бокового зрения, но не теряя при этом из вида женщину с детьми.

Они более важные свидетели.

– Я не знаю, он не сказал, – произносит мужчина. – Сказал только, что у него были некоторые проблемы, но, к счастью, они окончательно решатся через несколько дней.

– Он говорил о каких-нибудь новых знакомствах или еще о чем-нибудь новом? – спрашиваю я.

– У него часто новые знакомые появляются, он не рассказывает… не рассказывал о них… никто не придавал просто этому значения.

– Зато я придаю этому значение, – менторским тоном говорю я. – Думайте хорошо.

Они молчат.

– Значит, ничего не вспоминается… – Я вздыхаю. – Ладно… Придется…

– Олег говорил по телефону, тогда, в ресторане… – вдруг раздается дрожащий голос женщины. – Кто-то ему позвонил, и он сказал: «Я уже здесь». Я еще подумала, что у него встреча назначена, спросила у него, а он сказал, что встреч никаких нет и мы просто отдыхаем. Мне еще тогда показалось…

Она не договаривает, прижимает к себе детей и мелко дрожит.

Итак, все же он не просто так пришел в кабак. Знал ли он, на что он шел? Вряд ли. Возможно, он хотел просто развязать со мной конфликт… но почему тогда ребенок?

Может, действительно встреча случайна?

Нет! Нет, черт возьми!

Конь е три же пять.

Узнать, кто ему звонил? Выписку в телефонной компании взять не проблема, но стоит ли? Наверное, стоит.

Я несколько минут молча раздумываю, потом неожиданно чувствую, что мне пора.

Надо уходить. Но разговор… мне кажется, он еще не закончен и мне придется снова найти их.

– Ладно. Будем считать, что я получил ответы на свои вопросы. Надеюсь, я вас не сильно напугал.

Счастливо оставаться.

И я выпрыгиваю в окно.

Никакой жалости. Единственная причина, по которой все они остались жить, – я не уверен в том, что они мне еще не понадобятся.

* * *

– …Ментальное шоу «Скала истины» и я, ее ведущая, Жанна Синявская. В гостях у студии руководитель отдела по контролю за нейро-лингвистическим программированием… и сотрудник пресс-службы корпорации «Волхолланд»… Как вы прокомментируете слухи о возможности переноса личности из одного тела в другое? Кажется, это называется плавающим линком…

– Мы не рассматривали возможность использования донорских тел, поскольку теория так называемого плавающего линка неосуществима на практике…

– Один из наших отделов ведет разработки в этом направлении. Под контролем соответственных государственных органов, разумеется…

– Ну как дела?

Сегодня Куратор был явно в приподнятом настроении. Сам прошел на кухню, налил себе сок и вернулся в комнату.

– Как голова? Давно кормил?

– Позавчера.

Стас уселся на кровати, потянулся, посмотрел на Куратора.

– Слушай… я понимаю, что никаких вопросов, но…

– Мне ты можешь задавать любые вопросы, – мягко перебил его Куратор. – Просто ты не на все получишь ответы.

– Эти сны… понимаешь, они как-то связаны между собой.

– Ага. – Куратор кивнул.

– Словно другая жизнь… Моя жизнь, но другая. Да и я какой-то другой. По кадрам, как в кино с видом от первого лица. Сериал. Я просыпаюсь и знаю, что когда-нибудь увижу продолжение.

– Даже если бы я хотел, я не смог бы тебе это объяснить. Я не техник и не занимаюсь этими вопросами. – И после паузы Куратор добавил: – Если тебя это беспокоит, я могу прислать психологов.

– Нет, нет, ты не понял… – Стас взмахнул руками. – Просто… я хотел книгу написать… по этим снам. Ну то есть главный герой делает то, что я делаю во сне. Ты же говорил про цель?

Куратор засмеялся:

– А что, это даже… – Внезапно он умолк, о чем-то задумался. – Знаешь что, давай ты пока не будешь это делать, я тебе завтра перезвоню.

– О'кей, – согласился Стас и посмотрел на него.

Вся эта беседа не значила ровным счетом ничего. Он не приходит просто так, поболтать. Скорее всего, есть что-то, о чем он не спешит говорить, выжидает.

Ну так пора уже.

И он сказал.

– На днях тебе будут ставить обновления, так что пока больше не корми. – Куратор подмигнул ему. – В проекте тебе присвоили литеру «С».

– И что это значит?

– Это значит, что собирайся, вечером я за тобой заеду.

– Куда?

– «Феррари» презентует новую модель, на тебя выписано вип-приглашение.

– На меня? – удивился Стас.

– Тебе нужны новые эмоции, и ты их получишь. – И Куратор засмеялся.

* * *

Людей много. А еще много света, музыки и коктейлей. Вокруг все сверкает – начиная от вылизанного корпуса «DMX» и заканчивая пятикаратовым бриллиантом на пальце блондинки, сидевшей на капоте автомобильного эксклюзива с бокалом в руке.

– Это ее машина, – негромко произнес Куратор, кивая на «DMX». – Единственный экземпляр пока в России.

– Круто, – пробормотал Стас. – А кто она?

– Когда-то она была хакером. Достаточно известным.

– Прикольно. – Стас с интересом посмотрел на бывшую преступницу. – Чем она занимается?

– Спроси лучше, чем она занималась.

– И чем она занималась? – послушно спросил Стас.

– Неважно. Илья! Здравствуй, дорогой.

Крепыш с короткой стрижкой, одетый, в отличие от всех остальных, не в смокинг, а в спортивный костюм, остановился возле них.

– Здорово, Куратор. Давно тебя не видел. Как сам, чувак?

– Работы много. Еще пообщаемся, чуть позже. Знакомьтесь, это Стас, это Илья.

– Гражданин России. – Крепыш протянул Стасу руку.

– Я тоже, – ответил Стас на рукопожатие.

Мгновение Илья смотрел на него, потом засмеялся:

– Красава. Дунуть хочешь? Марокканский.

Стас растерянно посмотрел на Куратора, тот пожал плечами, мол, без проблем, кури.

Минут через десять, когда они вернулись, Стас уже не хотел найти Куратора, он хотел куда-нибудь присесть и спокойно посидеть. Ну, не то чтобы спокойно, но хотя бы просто присесть.

Сесть.

Куда-нибудь.

Черт!

Илья потащил его за столик с надписью «Reserved». Когда Стас показал ему табличку, он небрежно швырнул ее под стол.

– Это Танюха все замутила, так что пошли все в сад. – Он развалился на пуфиках. – Мы здесь рулим, а потом уже «Феррари». Я, честно говоря, не сторонник таких машин. Но это дорогие понты, а без них сейчас очень сложно вести дела. Тебе именнухи не нужны, кстати? Мы тут партию эксклюзива получили – «ретро», «нео-панк», «спортер», «экспериментал»… короче, все стили. Никакого конвейера, все – ручной сборки. Знаешь, что я тебе скажу? Человек должен выбирать машину согласно своей жизни. И если он считает себя индивидуальностью, то его машина должна этому соответствовать…

Сил поддерживать беседу не было. Эта трава, которую они курили, могла и слона с ног свалить. На мгновение даже стало страшно, что сейчас он потеряет сознание. Сквозь вату услышал слова Илюхи о том, что неплохо было бы догнаться пивком. Куда в него столько лезло? Как он при этом жив оставался?

А потом Стас увидел Бьянку.

Точнее, это она его увидела. Подошла. Поздоровалась.

– Привет, – ответил Стас, еле ворочая языком. – Как дела?

Она что-то ответила, он ничего не услышал. Махнул ей рукой, приглашая присесть. Присела. Что-то спросил Илюха – видимо, у Бьянки, так как она ему ответила. Потом появился ее парень.

Он сел не рядом с ней, рядом со Стасом. Посмотрел на Бьянку, только лишь посмотрел – та встала и пошла куда-то. Вместе с коктейлем.

А парень повернулся к Стасу.

– Если еще раз увижу тебя с ней, покалечу, – со зловещим спокойствием сказал он. – Ты мне не нравишься. Антипатия у меня к тебе.

– Послушай… – хотел было ответить ему Стас, но тут в разговор вклинился Илья.

– Ты сюда сел за стол, чтобы хамить? – спросил он. – Мэн, соблюдай правила, которые негласно прописаны в нашей…

– Пасть закрой и не лезь в чужие дела, – оборвал его Эрик. – Так вот, у меня к тебе…

Договорить он не успел. Илюхе понадобились доли секунды, чтобы понять смысл адресованной ему фразы, после чего он, перегнувшись через стол, со всего размаха врезал Эрику кулаком в челюсть.

Зазвенели разбитые бокалы. Охрана среагировала довольно быстро, и, едва Эрик успел подняться, его уже держали под руки.

– Я сейчас тебе пасть закрою! Навсегда! – Илья бросился выходить из-за стола.

Его тоже схватили. Конфликт гасили в самом начале – а Стас чувствовал, как вокруг все кружится, и, положив руки на стол, рухнул головой, проваливаясь в темноту наркотического морока.

Спать.

* * *

– Я никого не знаю! Меня просто попросили найти человека, который согласится затеять с тобой драку в «Трактире» и подаст на тебя в суд! Мне объяснили, что этот скандал нужен был для пиара! Пожалуйста!

По лицу этого уже немолодого мужчины текут слезы. Он плачет и постоянно натыкается взглядом на двух своих друзей. Точнее – того, что от них осталось. У одного сейчас от уха до уха перерезано горло, у второго голова свернута на сто восемьдесят градусов.

Специально разными способами убил. Помогает при психологической обработке.

– Мне позвонили… – всхлипывает мужчина. – Предложили встретиться…

– И ты пошел на встречу с незнакомым человеком? И согласился на это дело? Тебе что, одиннадцать лет? – Я поигрываю ножом перед его лицом, и он дрожит, вжимаясь в спинку стула.

– Я… я не…

Стальное лезвие замирает в полсантиметре от его правого глаза, и он застывает на месте, боясь пошевелиться.

– Ты жить хочешь? – спрашиваю я.

– Да, – он не говорит, он шепчет, но в свой шепот вкладывает

столько эмоций, что сомневаться не приходится, он хочет жить.

– Кто был посредником или гарантом? – спрашиваю я. – Кто подтвердил, что ты получишь свои деньги? Не держи меня за дурака, Игорек! Кто?

– Вова Метелица, – хрипит Игорек. – Сначала мне Вова позвонил, потом – этот… Вова говорил, он реальный чел и решает много вопросов. Попросил помочь ему, сказал, что это важно и для него тоже.

Вова, Игорек… Вася, Петя… тьфу! Мусор, хлам на пути. Возможно, и этот «реальный, решающий много вопросов, чел», тоже такой же хлам. Цепочка длинная, но без обрывов. Все свидетели остались живыми – что странно.

И эти странности должны мне помочь дойти до истины.

– Как он выглядел? – спрашиваю.

– Среднего роста, крепкий, – лепечет Игорек. – В темных очках, голос немного хриплый… мы ночью встречались, в машине сидели. Он сзади сидел, я впереди. Предложил тридцать тысяч за то, чтобы кто-нибудь затеял с тобой ссору в ресторане…

Я слышал уже эту историю несколько раз. Похоже, нового больше Игорек ничего не сообщит.

– Где искать Вову Метелицу? – спрашиваю.

Он рассказывает. Все, что знает про Вову. Все, что мне надо и еще кучу ненужной информации.

Прячу нож в чехол на ноге, в глазах этого ничтожества мелькает нечто похожее на облегчение.

Жадный, тупой Игорек.

– Орел или решка? – Достаю из кармана монетку.

– Что? – спрашивает он.

– Не тупи, Игорек, – говорю ему. – Пять секунд на выбор. Если ты не сделаешь его, будешь Игорь-Пуля-В-Голове. Орел или решка?

– Пожалуйста… – молит он.

– Раз, – начинаю я отсчет.

– Пожалуйста… – Сейчас он зарыдает.

Не мужик, а тряпка какая-то.

– Два.

Он понимает все очень быстро. Понимает, что бесполезно меня уговаривать и кричит:

– Орел!

Я подбрасываю монету вверх, и он впивается в нее взглядом, словно пытается телепатически уложить ее гербом вверх.

Монета летит вниз, в это время я нажимаю на спусковой крючок, и новоявленный Игорь-Пуля-В-Голове вместе со стулом падает на пол.

– Пять, – произношу я и отправляю пистолет обратно в кобуру.

Никогда не играю с судьбой в орлянку. Но ради интереса подхожу к монетке и смотрю на нее, после чего поворачиваюсь к мертвому Игорю и говорю ему:

– Ты все равно проиграл. Решка.

Игорь молчит – словно соглашается со мной.

Я иду к выходу.

«Рест ин пис».

Но какая сука подставила меня в трактире?

* * *

Инкубатора везли на военный аэродром. Куратор сказал, что оттуда Стас уже без него отправится на Украину – правда, куда именно, уточнять не стал. И предупредил, что в самолете Стасу сделают укол, от которого тот вырубится, и надолго.

– Через пару дней очнешься уже по пути назад. Так что для тебя это путешествие ограничится бортом самолета.

Стас хмыкнул.

– Я не полечу, но когда ты вернешься – встречу, – продолжал Куратор, управляя джойстиком микроавтобуса, в котором они ехали. – Главное, ничего не бойся и не переживай. Схема отлажена, безопасность максимальная.

– Да я и не боюсь, – пожал Стас плечами.

– Боишься, – сказал Куратор. – Это нормально. Первый раз. Но страшного ничего нет.

– Ты тоже через это проходил?

– Нет. Я не инкубатор, у меня несовместимость, – ответил Куратор, сворачивая на Пятое кольцо. – Но это ничего не значит.

Несколько минут они ехали молча, потом Куратор усмехнулся и сказал:

– Там этот… твой товарищ, Эрик… ему за малым голову не открутили.

– В смысле? – вскинулся Стас.

– Говорил он много. Не тому, кому надо.

– Он с Ильей, кажется, повздорил.

Тот вечер в памяти остался обрывками. Чужие лица… Кровь… Музыка… Кожаный салон какой-то тачки. Кто-то, кажется Куратор, ведет его домой. Сушняк, вода, кровать, сушняк… Он, что называется, был в хлам.

– Угу. С Илюхой. А этого делать не стоило.

– Илюха крутой? – улыбнулся было Стас.

Но Куратор оставался серьезным.

– Более чем. Я понимаю, по виду этого не скажешь… Просто знай: не стоит вести себя с ним так, как бы ты это позволил себе с остальными.

– Он… тоже? Как и я?

– Нет, – сказал как отрезал Куратор. – Я тебе это говорю для того, чтобы ты был поосторожнее и своих друзей вовремя останавливал.

– Эрик мне не друг.

– Я вообще говорю.

Они свернули на пустынную асфальтированную дорогу, микроавтобус сразу же набрал скорость.

– Слушай… а таких, как я, инкубаторов, много? Я имею в виду в Москве. Что, если мы…

– Вы не встретитесь. А если встретитесь, то не узнаете. И хватит об этом.

Через несколько минут машина сбросила скорость, свернула и остановилась перед высокими воротами. Из будки, стоящей рядом, вышел вооруженный человек в военной форме. Он подошел к кабине, несколько секунд рассматривал книжицу, предъявленную ему Куратором, потом махнул кому-то рукой.

Ворота плавно разъехались в стороны, и микроавтобус, переваливаясь через «полицейских», устремился к взлетной полосе.

Стас уже поднимался по трапу, когда его окликнул Куратор.

– Когда вернешься… можешь писать книгу по своим снам. Тебе разрешили.

Стас махнул ему рукой и ступил на борт военного самолета.

Стюардесса, как на гражданке. Короткая юбка, декольте, шалый взгляд… да ну нах…

Лучше поспать. Спать…

* * *

– Музыка перестала быть живой. Музыка сдохла. А если не сдохла, то агонизирует, доживая последние дни. С того момента, когда из компьютера прозвучала первая нота, настоящей музыке был подписан смертный приговор.

Вован за рулем, я рядом. Едем по трассе на огромном «Юконе». Скорость небольшая, около ста километров. Играет музыка – какой-то древний рок-н-ролл в исполнении то ли Элвиса, то ли кого-то из его подражателей. Негромко. Совсем не мешая разговору.

– Это из-за компьютеров такая жизнь у нас. Раньше мы собирались во дворе, брали гитару и разучивали аккорды, а теперь мой сын говорит мне: «Папа, мне нужен компьютер, я хочу быть диджеем, как диджей Электрошокер». Представляешь? Кумирами детей становятся не Хендриксы, не Элвисы, а какие-то Электрошокеры. Ему пять, он любит музыку, и я не хочу, чтобы он вырос на этом суррогате, которым нас сейчас пичкают.

Сказал ли Вова Метелица про своего сына случайно или же с расчетом на то, что я обращу на это внимание, – не знаю.

Мне все равно.

Молчу, а Вова продолжает говорить, глубоко затягиваясь анашой.

Пусть говорит.

– Я радио стараюсь не слушать… но, когда есть передача с Хачкинаевым, включаю. Слышал про такого? Рок-н-рольщик старой закалки, ему лет пятьдесят или шестьдесят, а зажигает так, что возвращаешься в то самое время, время настоящей, хорошей, живой музыки. Я бы дал ему какого-нибудь Оскара только за то, что Хачкинаев не дает до конца уничтожить. Уничтожить то, что осталось. Блин, да он достоин Оскара больше, чем кто-либо другой!

Не знаю, кто такой Хачкинаев, меня не интересует рок-н-ролл…Вован передает мне косяк, я затягиваюсь и возвращаю его обратно.

Ему это надо больше, чем мне.

– Кого ты присылал к Игорю? – спрашиваю я.

Он вздрагивает.

Боится все-таки.

Знает, что случилось с Игорем, помнит три свои взорванные машины… Но лучше всего на него подействовал мой разговор с его охраной примерно полчаса назад.

Он не хочет умирать. Просто шансов у него нет.

Понимает, что как только я узнаю все, что мне нужно, он станет бесполезен.

Но понимает и другое – я не буду тянуть с ним.

Дам ему время – но тянуть не буду.

Боится. Вполне возможно, что он знает, как развивались события «до Игорька». Он боится не меня, боится смерти, которая меня сопровождает. Боится того, что его жизнь для меня значит не больше, чем жизнь кого-либо другого. Поэтому он и пытается стать мне другом, рассказывая какую-то чушь о музыке и своем сыне.

Мы проезжаем пост, милиционеры при виде знакомой машины отворачиваются в сторону (хорошо хоть честь не

отдают), мы въезжаем в город.

– Слушай, раз уж так получилось…

– Просто опиши мне его.

– Кореец. Белые волосы…

Я уже знаю, кто это был.

И даже понял, почему ни Вована, ни Игоря не убрали, оставив ниточку, по которой я размотал клубок.

Все должно иметь свой конец. Мне становится смешно. Я смеюсь, выходя из машины.

А Вован так и останется в моей памяти напуганным и не поверившим в то, что его не стали убивать, любителем рок-н-ролла.

Жалеть о том, что он остался жить, я не буду.

* * *

Визит на Украину прошел без проблем. Все получилось так, как и говорил Куратор: Стас ничего не помнил, кроме обрывков сна.

Дома его ждал сюрприз в виде новенького лэптопа. Не самый дорогой, но тем не менее… Подарок Куратора – тот был доволен и довольства своего не скрывал.

Когда он уехал, Стас связался с Костей. Тот уже был в курсе – поздравил брата с боевым крещением. Как обычно пообещал, что через недельку-другую заскочит в гости.

Потом Стас сел за новый компьютер.

Первым делом перекинул в него наброски нового текста. Осваиваясь с этим чудом техники, спроецировал клавиатуру между подлокотниками кресла, попытался расширить границы экрана; в этот момент в дверь позвонили.

Дашка. Мешки под глазами, волосы растрепаны, колготки порваны в нескольких местах, куртка в каких-то пятнах – бомж из Отстойника, да и только.

Не поздоровалась. Стоя на пороге и глядя в сторону, глухим голосом попросила взаймы… она даже сумму не стала называть, просто попросила денег.

– Зайди, – мрачно сказал Стас, глядя на нее.

Она помотала головой.

– Дай денег.

Стас попытался взять ее за руку. Поняв, что он собирается посмотреть, она вырвала руку и отшатнулась.

– Дай, я верну. Или отработаю…

Схватив ее за капюшон, он рывком втащил ее внутрь

квартиры и захлопнул дверь.

Дашка лежала на полу и даже не пыталась встать – смотрела снизу на него то ли с презрением, то ли с ненавистью, пыталась что-то сказать… но не говорила.

– Куртку сними, – процедил Стас.

– Что, хочешь, чтобы сейчас отработала, сразу? А так…

– Сними куртку, дура, пока я тебе мозги не вышиб!

Откуда взялась эта агрессия, он не знал – но очень сильно хотелось ударить ее. Оправдание? Слов она не понимает, а дурь надо выбивать. У нее дочь, мать больная, а она, сука…

Дашка что-то еще хотела сказать, но он, присев рядом с ней на корточки, со всего размаха врезал ей пощечину. Так, что она затылком ударилась об пол. И еще одну.

Из разбитой губы потекла кровь. Странно, но оплеуха отрезвила. Пелена спала.

– Куртку. Сними, – раздельно произнес Стас.

Кажется, она испугалась. Не нового удара, а его поведения вообще. Посмотрела ему в глаза и стала стаскивать с себя куртку.

– Рукава закатай.

Она подчинилась.

Так и есть. Круглые пятнышки, в центре точки.

Сколько роликов крутится по телевидению с предупреждениями – как определить наркомана. Это следы инъектора – со сканером, который сам находит «трассы» и посылает иглу в нужное место. Таким инъектором обычно колют не героин, а более сильный его модификант.

– Трэдл?

Она кивнула головой – глядя в сторону. То ли стыдно, то ли страшно. Скорее всего, второе.

– Ты что творишь? – спросил Стас. – Ты о малой подумала? О матери?

– Да что ты можешь понимать?! – крикнула она. – Думаешь, легко вот так жить, когда…

Истерику он выслушивать не собирался. Новый удар оборвал крик.

Несколько секунд Стас размышлял, потом набрал Куратора.

– Алло.

– Да, Стас. Что случилось?

– Мне нужна помощь. Точнее, не мне… моей знакомой.

В трубке кашлянули, но перебивать не стали.

– Она на наркоте сидит. Кажется, уже система.

– Героин? – сразу же спросил Куратор.

– Трэдл.

Пауза.

– Стас…

– Я знаю. Но это близкий мне человек. Я никогда не просил тебя о помощи, справлялся сам, а теперь…

Преувеличил, конечно. Но ведь действительно не было такого, чтобы он звонил и что-то просил.

– Дело не в этом. Одного лечения недостаточно. Даже если я смогу прислать спеца, на нее поставят десяток детоксикаторов и очистят организм, все равно в девяти из десяти случаев к трэдлу возвращаются. Особенно если это система.

– И вы не можете помочь?

– Нет, Стас. Мне очень жаль… но можешь с ней попрощаться.

– А если бы это был я?

Снова пауза. И тем же самым спокойным и ровным голосом:

– Тогда мы бы попрощались с тобой. И… и со мной.

– С тобой?

– Это был бы мой провал. Ты можешь делать все что угодно. Пить, курить, трахаться… но, если ты сядешь на трэдл и я вовремя это не обнаружу, я потеряю работу, а ты потеряешь все. Рабы не годятся на роль инкубаторов.

Теперь замолчал Стас. Куратор терпеливо ждал, не отключался.

– Пришли спеца, – сказал Стас. – Один из десяти ведь выкарабкивается.

– Стас, мы уже говорили на эту тему. Я не могу использовать ресурсы проекта на посторонних людей. Я сказал тебе, что если я смогу, а я…

Короткая пауза. Словно обрыв соединения – и сразу же восстановление связи. Тот же ровный голос:

– Спец прибудет через двенадцать минут. Жди.

Куратор отключился.

Стас повернулся к Дашке. Та лежала на животе, спрятав лицо в руках.

Звонок в дверь раздался через двенадцать минут.

И тут Стас вспомнил, что не упоминал в разговоре о своем местонахождении.

* * *

Сны. Сны продолжали сниться – теперь, после снятия, они стали какими-то тусклыми, очень запутанными и невнятными. Куратор сказал, что это остаточные явления, подсознание работает с памятью.

Странные они были, эти черно-белые картинки.

Кинофильм прошлого века. Сериальный вариант – бесконечные кусочки чьей-то истории, каждая серия имела свою концовку и сообщала, что будет продолжение.

Не хотелось писать, не зная, чем это закончится.

Он исправно записывал все сны – все, которые ему удалось запомнить. Как правило, сумбурно получалось, хаотично. Часто бывало так – просыпался, лежал с закрытыми глазами, вспоминая сон, а потом открывал глаза, и все сразу же забывалось.

Словно память подвергали корректировке.

А детоксикаторы, похоже, помогли. Во всяком случае, после того, как Дашка сутки пролежала у него, облепленная браслетами и обколотая транквилизаторами и витаминами, она дала слово, что больше не притронется к наркотикам. Спец, вернувшийся на следующий день за оборудованием, отвел Стаса в сторону и предупредил, что за ней надо следить.

Спец ушел, Дашка долго пытала Стаса, желая выяснить, кто это был и что у него за новые связи.

Он не отвечал.

Стас еще раз обратился за помощью к Куратору – попросил помочь Дашке с работой. Сразу же сказал, что не требуется связей и всего такого, достаточно просто нормальной работы.

Куратор помог. Дал телефон, Дашка позвонила по нему, устроилась помощником ландшафтного дизайнера в какую-то фирму. Зарплата не ахти какая, но все же.

В какой-то мере он был рад тому, что смог помочь – неважно, Дашке или нет, просто смог помочь человеку. Но постоянно чувствовал какое-то неудовлетворение. Чувствовал, но не мог его объяснить.

Куратор сообщил, что скоро будут ставить последние обновления.

Оставалось несколько дней гулянок. Несколько дней свободной жизни. Отпуск подходил к концу. Потом – работа.

Надо отоспаться как следует.

* * *

«Феррари» делает модную машинку объекта на первом же километре трассы восточного направления. В окно я показываю ему средний палец. Я знаю, что сейчас он кричит в переговорник ведущей машине сопровождения, чтобы те убрались в сторону.

Информация на дискере оказалась верной – он любит скорость, но у него очень плохо это получается. А он себе в этом признаваться не хочет.

Довольно глупо для него так подставиться – но, в конце концов, у каждого есть свои слабости, даже у профи. Может, и у меня есть какая-то слабость, о которой я никогда не задумывался и которой точно так же когда-нибудь воспользуется другой Наемник.

Но сейчас я охотник, а дичь моя бежит в ловушку, даже не подозревая об этом.

Откуда ему знать, что под капотом моей «Феррари» установлен прошитый двигатель из «Юнайтед Норд Моторс». Откуда ему знать, что сейчас я заблокирую его связь с охраной, создав на их частотах «неожиданные помехи». Откуда ему знать, что на шинах его «диаблы» уже давно установлены «хлопки». Откуда ему знать, что мне всего лишь надо показать ему татуировку, а потом нажать одну или две из четырех кнопочек на пульте и одна или две шины лопнут, отправляя его машину туда, куда мне нужно. Туда, где его уже не спасут ни охрана, ни подушки безопасности…

Мост через ущелье Дьявола.

Там ведутся строительные работы. На второй половине моста сняты оградительные щиты, лишь пластмассовые столбики толщиной в руку с робкими предупреждающими знаками расставлены в нескольких местах.

И кого волнует, что там ограничение по скорости в двадцать километров?

Даю ему догнать меня и сразу же вырываюсь вперед. Стрелка на спидометре плавно подходит к делению сто двадцать в тот момент, когда мы оба выезжаем, а точнее, вылетаем на мост.

Все-таки, что ни говори, а немцы не такие сообразительные, как мы. Наши ремонтники уже давно наставили бы на дорогах «полицейских» или просто разбросали бы мусор так, что и на двадцати километрах ехать не захочется. А здесь… Три полосы в каждую сторону. Чистый и гладкий пластоасфальт – едва ли не на роликах можно кататься. И практически нет движения.

Я держу объект на коротком поводке, давая ему добраться до меня, но не выпуская вперед. Если бы наша гонка затянулась на несколько минут, он бы все понял, как проигравший в карты внезапно понимает, что его раскатал более опытный шулер, что если ему когда-то и везло, то только потому, что так хотел катала.

Но наша гонка должна закончиться сейчас, и мой палец ложится на кнопку стеклоподъемника, чтобы опустить тонированное окно.

Он равняется со мной, я вижу, как он несколько раз поворачивает в мою сторону голову, чтобы увидеть, с кем он сейчас гоняется.

Он не сможет сразу узнать меня, это исключено.

Он все поймет, когда я подниму руку и покажу ему татуировку «Сантаны» на моем запястье.

Руку с пультом в ладони.

Переднюю правую и правую заднюю. Одновременно. Я столько раз тренировал этот прием, что сбоя не будет. На такой скорости машина вылетит с моста как из пушки.

И даже если не вылетит – на такой скорости даже от киборга ничего не останется.

Стекло опущено полностью. Сто сорок миль в час. Середина моста. Я все рассчитал правильно. Я поднимаю руку, собираясь показать запястье, он поворачивается…

Объект видит татуировку «Сантаны». Часть задания выполнена.

А я вижу впереди микроавтобус с надписью «Attention! Childrens!», несколько детских лиц, прижавшихся к заднему стеклу и, наверное, с восхищением следящих за нашей гонкой…

И на секунду мой большой палец замирает над кнопкой.

Что можно представить себе за одну секунду?

Всего за одну секунду…

Наверное, много.

Маленькую ошибку в расчетах, спортивную машину, на бешеной скорости врезающуюся в мирный, беззащитный микроавтобус, лица сидящих внутри…

А еще резко сбрасывающего скорость объекта, управляющего одной рукой, а второй уже начиная обстреливать мою машину из прокачанного «спайдера» с его бронебойными пулями.

Моего инструктора, который всегда запрещал поворачиваться к живому врагу спиной.

А еще – полностью проваленное задание. За которое придется ответить.

Если выживу. Потому что сперва я стану дичью для объекта.

Всего лишь одна секунда. Больше времени у меня нет. Мне надо либо жать на кнопку и надеяться, что я не ошибся, либо…

* * *

Постель была сырой от пота. Это Стас почувствовал сразу же, как проснулся. А еще чувствовал какую-то злость, только объяснить ее не мог. Раздражало все, начиная от ноутбука и заканчивая утренним солнцем, светившим в окно.

Сон был другим. Внешне он ничем не отличался от остальных, однако в нем было что-то такое, что делало его другим.

Поставил чайник, но, не дождавшись, пока вскипит вода, неожиданно для самого себя достал коньяк, налил полстакана и залпом выпил огненную жидкость. Натощак. Даже не умываясь. Вставило почти сразу же – сначала пошло тепло от желудка по всему телу, потом чуть поплыла голова, правда, быстро отпустило.

Сев на кресло, Стас уставился в стенку.

Сны. Они продолжались. И в них что-то менялось. Наверное, стоило сказать об этом Куратору… но почему-то не хотелось этого делать. Хотелось другого – чего-то… Да он и сам не знал, чего хочет. Внутри словно поселился какой-то агрессивный зверек, который рвался наружу и, что самое главное, ощутимо рос. Скоро – Стас чувствовал это – скоро он достигнет таких размеров, что его не сдержать, и тогда он вырвется на волю.

Не страшно – скорее интересно.

Еще полстакана коньяка. Сначала немного затошнило, но потом желудок успокоился, смирившись. А может быть, это организм отреагировал нужным образом. Куратор предупреждал: его тело будет работать как часы, вырабатывая именно то, что необходимо – в нужных количествах.

Может, все-таки позвонить Куратору? Вдруг какой-то сбой? Вдруг что-то серьезное? Стас колебался. Самое интересное, что не было никаких аргументов против того, чтобы звонить… разве что лень. Встать, взять трубку, набрать номер… как это сложно, долго и трудно? Зачем?

Захотелось спать. Усталость накатила не волной, а девятым валом – в считанные секунды глаза прикрылись, почти сразу Стас заснул. Без снов, просто провалился куда-то в темноту…

…Проснулся ближе к вечеру. С головной болью.

Он потянулся было к телефону – хотел связаться с Куратором, потому что понимал, что происходит что-то не то.

«Не надо».

Услышав голос, Стас вздрогнул, обернулся. Рядом никого не было.

А потом понял, откуда идет этот голос. И его прошиб холодный пот.

Барьер – тот, что сдерживает закладку, – взломан. Другого объяснения нет. Что делать?

Он сглотнул слюну.

Звонить. Звонить Куратору…

«Я не могу читать твои мысли, если тебя это беспокоит. Если хочешь что-то спросить, говори вслух».

– Кто ты?

«Достаточно того, что я знаю, кто ты».

– Да? – Стас схватил трубку.

«Ты Инкубатор. Этого вполне достаточно».

Пальцы замерли над кнопками.

– Соответственно, я знаю, кто ты.

«Ошибаешься. Я не твоя закладка».

– А кто ты? Мое второе «я»?

«Зря веселишься. Ты в курсе, что за время, пока ты снимал с людей эморфы, четыре человека покончили жизнь самоубийством, еще семь в тяжелом состоянии доставлены в психоневрологические клиники?»

– Ты моя совесть? – Стас нервно улыбнулся.

«Тебе светит от пятнадцати лет до пожизненного. То, что ты делаешь, называется преступлением».

– Кто ты такой, мать твою! – раздраженно воскликнул Стас.

«Я могу представиться сотрудником Интерпола или ангелом-хранителем, но это ничего не изменит».

Стас думал всего лишь несколько секунд. Потом нажал на первую кнопку…

…И свалился на пол от дикой боли в боку. Его скрутило так, что в глазах потемнело, – еще мгновение, и он, наверное, потерял бы сознание. Но почти сразу же боль отпустила.

«В методе кнута и пряника главное крепко держать хлыст, – прозвучал в голове Голос. – Программа „Девелопмент“. Я управляю ей и могу заставить твой организм выделять не только тестостерон и креатин».

– Что… что ты хочешь?

«Хочу немного подзаработать на твоем софте. И ты мне в этом поможешь».

– Ты хоть знаешь, на кого я работаю?

«Я знаю гораздо больше, чем ты можешь представить».

– Кто ты такой?!

Сначала показалось, что взорвался мир. Потом – что взорвалась голова. Он раскинулся на полу, задыхаясь, но не в силах вымолвить ни звука, потому что одновременно с этим перехватило дыхание.

Все произошло за секунду.

О нелегких мгновениях напоминала только испарина на лбу.

«Хватит вопросов, Стас. Ты слишком любопытный, это еще твой Куратор заметил. Примерно через неделю тебе будут ставить обновления. После этого я уйду. Тебе придется потерпеть это время. Веди себя так, как вел раньше – просто иногда выполняй то, о чем я тебя попрошу».

– Что ты хочешь?

«Я хочу, чтобы ты вел себя как и прежде. Я хочу, чтобы ты понял – я не собираюсь посвящать тебя в свои планы. Я хочу, чтобы ты знал – ты не мозг, ты руки. Я хочу, чтобы ты поверил в то, что я могу уничтожить тебя в любую секунду. Не мешай мне и выйдешь из этой игры целым и невредимым».

Стас молчал. Поднялся на корточки, закурил; пальцы вертели плоский мобильник – хотелось с размаху бросить его об стенку.

По всему получалось, что Голос полностью контролировал его тело. Нет, все-таки не полностью – иначе он мог бы вывести Стаса из игры. Говорит, что не может читать мысли – не факт. Возможно, сейчас тщательно изучает его размышления. И о чем тогда думать? Дьявол, да от этого с ума можно сойти.

Ну не может быть, чтобы не было выхода. Есть, наверняка есть у него слабые места.

Наверное, все-таки не может полностью контролировать.

Шанс. Должен быть какой-то шанс. Сообщить Куратору, пусть делают что угодно, но вытащат это дерьмо из его головы.

Словно в ответ на его мысли мобильник завибрировал – полилась знакомая трель, на табло высветилось «111».

Куратор.

«Я дам тебе еще одну возможность. Одну попытку. Но она будет последней. Предупрежу сразу – будет очень больно и очень неприятно. Выбор за тобой».

Знает, что абонент 111 – это Куратор. Сука.

– Алло.

– Привет, Стас. Чем занима…

– У меня в голо…

Трубка выпала из руки, Стас скорчился – его выворачивало наизнанку. Утренний коньяк вперемешку с желудочным соком извергнулся прямо на трубку. Дыхание перехватило, следом дикая головная боль – он рухнул прямо на лужи собственной блевотины, не в силах даже пошевелиться, но через секунду

новый спазм заставил его так извернуться, словно у него было тело змеи.

«Я могу стереть тебе память, я могу остановить сердце или организовать кровоизлияние в мозг. Можешь делать все что угодно – последний ход все равно останется за мной, и я всегда успею уничтожить тебя, если ты попытаешься предать. Ты не понимаешь, с чем играешь. А когда поймешь, уписаешься от страха. Вот как сейчас».

Екнуло в паху – и по ляжкам побежало теплое. Боль отпустила, пришло понимание того, что сейчас происходит.

«Да, и еще. Чуть не забыл, – Стас отчетливо услышал усмешку в словах Голоса. – Существует только два способа очистки твоего мозга. Первый – я ухожу добровольно. Второй – корректировка. Format disk C completed. После этого ты – просто тело. Это если ты решишь какой-нибудь нейролептик принять или Куратору знак подать».

– Ты плавающий линк, да?

«Меньше смотри телевизор, если хочешь знать правду».

– Я работаю на корпорацию «Волхолланд»!

«Если бы у меня был бы анал, я бы усрался. Хотя… в доме есть туалетная бумага?»

– Тварь!

«Злоба и страх. Твоя матрица активизируется. Дополнительная энергия для нейронов моей зоны. Спасибо за поддержку, Стас, а теперь постарайся вникнуть в ту информацию, которую я тебе дам. Сейчас сюда прибудет Куратор. Тебе придется объяснить ему, что ты утром перебрал коньяка, иначе я потру твою память к чертовой матери, и ты будешь ссаться в штаны не потому, что я так захочу, а потому что ты больше ничего не будешь уметь. Понял меня?»

Стас молчал.

«Я повторю вопрос, пока ты еще не привык к новому положению. Ты понял, что сказать Куратору?»

Несколько секунд молчания – и в голове словно взорвали ядерную бомбу. Схватившись за виски, Стас заорал:

– Понял! Хватит!

Боль прошла в мгновение.

«Не стоит повышать голос. Учись говорить, не разжимая губ, – чтобы не привлекать внимания. Уясни для себя – любая ошибка может стать для тебя фатальной».

– А для тебя?

«Я как-нибудь справлюсь, Тасик. За меня не переживай, хотя твое внимание мне приятно».

Он открыто издевался – от бессилия хотелось вонзить себе в

голову что-нибудь острое.

Куратор прибыл минут через пятнадцать. Взволнованный, он посмотрел на пятна блевотины (штаны, залитые мочой, Стас уже сменил) и, кажется, успокоился.

Несколько ничего не значащих фраз о том, что организм стоит поберечь – от услуг спеца Стас отказался.

Голос все это время молчал. Так и подмывало подать Куратору какой-нибудь знак – сдерживал даже не страх боли.

«…Я могу стереть тебе память, я могу остановить сердце или организовать кровоизлияние в мозг. Можешь делать все что угодно – последний ход все равно останется за мной, и я всегда успею уничтожить тебя, если ты попытаешься предать… Существует только два способа очистки мозга… добровольно… корректировка… Format disk C completed…»

Костя говорил об этом. Когда-то еще в самом начале, когда Стас только проходил необходимые тесты, Костя сказал, что это практически невозможно – сломать барьер, разделяющий закладку ИскИна от разума инкубатора… но если это произойдет…

А когда Куратор уехал, Голос выдал первое задание:

«Поедешь куда-нибудь и нарвешься на неприятности. Хочу посмотреть на твое прикрытие».

* * *

Знаменитый своими трэш-вечеринками ночной клуб «Prime&Gatty» блистал во всей своей красе. Это было трехъярусное здание, сообщающееся несколькими лифтами-танцполами. Под интерактивной сценой в стиле «Fight blaze» находился первый чилл-аут, в котором услужливые дилеры предлагали посетителям любые развлечения – от наркоты до малолетних проституток любых полов. Почти тысяча квадратных метров подвала, переоборудованного под виртуальный стадион, была забита всевозможными игровыми аппаратами – в центре кругом расположился бар, где несколько барменов поочередно устраивали феерические шоу с огнем и бутылками. Это заведение посещали все – здесь можно было встретить и разодетых мажоров, и опустившихся наркош с окраин, и наемников-импов, и даже хакеров-модификантов со вздувшимися от имплантантов черепами. Сюда редко заглядывали копы – точнее, если и заглядывали, то только для того, чтобы получить свою порцию развлечений.

Третий этаж. Еще одна зона отдыха – чилл-аут-VIP. Пол из

одностороннего прозрачного стекла. Несколько десятков кабинок. Здесь не задерживаются надолго: сделал свое дело – и вперед, на танцпол либо на виртуальную бойню.

«Был здесь раньше?»

– Нет, – буркнул Стас. Держась за никелированный поручень открытого лифта, он наблюдал за двумя лесбиянками, которые начали раздевать друг друга, еще даже не поднявшись на третий ярус.

«Хватит на шлюх пялиться, посмотри вокруг».

– Зачем?

«Я не могу видеть твоим затылком. Поверни голову, мне будет достаточно секунды, чтобы запомнить обстановку».

– А мне эти телки нравятся.

«Запомни, дебил, если какой-нибудь обширявшийся трэдлом отморозок решит разрядить тебе в голову свой пугач, тебе никто не поможет в этом мире – ни я, ни твое прикрытие».

Честно говоря, Стасу самому было чертовски любопытно узнать насчет прикрытия, о котором когда-то упоминал и Куратор.

Лифт остановился. Стас послушно повернул голову в одну, потом в другую сторону и проследил взглядом за лесбиянками, скрывшимися в первой попавшейся свободной кабинке.

– И что дальше?

«Компания возле монитора. Да, эта. Парень в шляпе и красной куртке – это дилер. Как только он отойдет от клиентов, постарайся с ним столкнуться и зацепиться».

– Он меня одним ударом по стенке размажет, – процедил сквозь зубы Стас, рассматривая качка-переростка, одетого в зеленые штаны, красную куртку и черную шляпу.

«Им запрещено ввязываться в конфликты. Все разборки здесь пресекаются. Тебя дождутся на выходе, так что время у тебя будет».

– Мне это не нравится.

«Нравится не нравится, спи, моя красавица. Давай, пошел, пока штаны сухие. Я синтезирую тебе немного адреналина для смелости».

Дилер отделился от компании, направляясь к выходу. На негнущихся ногах Стас шагнул вперед… Кого он боится? Это быдло, которое здесь ошивается? Этих дешевок? Куратор ведь говорил, что решит любую проблему. Проверить? А почему бы и нет?

Страх сменился бодростью, готовностью действовать.

Заметив парня, который смотрел на него, дилер остановился.

– Трава, экстези, порошок, трэдл… – начал он привычную

речевку.

– Пошел на хуй! – отчетливо бросил Стас.

Дилер осекся, глядя на наглеца.

– Что ты сказал?

«Жестче, Стас. Провоцируй его и ничего не бойся».

– В уши долбишься, тварина?

– Ты… – Дилер выглядел растерянным недолго. – Ты попутал, что ли?!

«Молодец. Толкни его в грудь. Не бей, а толкни. Не бойся, справа два человека, это служба безопасности».

Адреналин начал действовать. Бесспорно.

И все же толкать здоровяка Стас не рискнул, ограничившись тем, что плюнул ему под ноги. Дилер покраснел, потом побелел. Шагнул к нему вплотную. Стас заметил, как к ним уже спешили те двое, о которых говорил Голос. Откуда он, интересно, узнал, что это охранники, – ни униформы, ни знаков различия.

– Ты же не выйдешь отсюда… – Дилер задыхался от ярости, а Стас неожиданно почувствовал себя довольно уверенно и спокойно.

– Что случилось? Все в порядке? – Один из охранников стал у Стаса за спиной, второй стал между ними и посмотрел на дилера.

– Барыгу этого уймите, – бросил Стас и, обойдя охранника, пошел ко второму лифту.

«Прекрасно. Теперь можешь звонить своему Куратору».

– И что я ему скажу? – став в лифт, Стас ткнул на кнопку и посмотрел в сторону дилера. Тот что-то объяснял охранникам, при этом яростно жестикулировал и показывал на Стаса.

«Скажи, что зацепился с местной швалью, на выходе тебя ждут местные отморозки и ты не знаешь, что делать».

Стас спустился в подвал. Оттуда набрал Куратора – почему-то все время чувствуя на себе чьи-то взгляды.

– Да, – ответили в трубке.

Мимо пробежали две лесбиянки из лифта. С расширенными зрачками устремились к ближайшему игральному автомату. Одна из них взмахивала рукой с клубной кредиткой.

– У меня проблемы. – И Стас повторил то, что сказал ему Голос.

Несколько секунд молчания.

– Жди в баре. Никуда не выходи.

И Куратор отключился.

Лесбиянки уже облачались в костюмы, утыканные проводами. Ближайший час они проведут в другом мире.

«Делай, что он сказал».

Стас заказал какой-то фирменный коктейль, но пить его не

стал, закурил сигарету, сидя возле барной стойки.

Здесь молодежи больше, чем наверху. Обдолбанные, пьяные, загружают свой разум в виртуальные поединки звездных войн и файтингов и сходят с ума. Где-то он читал, что существует даже виртуальный софт, провоцирующий эмоматрицы имитировать принятие сильнодействующих наркотиков.

Надо быть полным мудаком, чтобы с помощью нейролингвы позволять кодировать свои мозги и торчать от этого.

Минут через десять телефон зазвонил.

Это был Куратор:

– Сейчас к тебе подойдет сотрудник клуба и выведет тебя.

«Забавно сделал, – загадочно произнес Голос. – Ладно, на сегодня хватит».

А через минуту к нему подошел мужчина в строгом черном костюме-тройке, наверно, единственный во всем заведении так одетый.

Он не представился, только спросил у Стаса имя и предложил следовать за ним.

Они проследовали через кордон охраны, через толпу возле входа, расступавшуюся перед ними, как вода перед Моисеем, и дошли до стоянки. Мужчина поднял руку, сразу же перед ними остановилось такси.

– Все оплачено, вас отвезут, куда вы скажете. Приношу извинения за причиненные неудобства.

И, кивнув на прощание, скрылся в толпе.

«Очень забавно, – не замедлил прокомментировать это Голос. – По-моему, ты первый их посетитель, перед которым они извинились. Одно это уже достойно внимания».

Стас ничего не ответил.

Но ему понравилось. Перед сном он еще какое-то время ворочался, прокручивая происшедшее. Единственное, о чем жалел – надо было тому барыге в челюсть зарядить. Нос сломать, ногой с пыра в живот, сбить на пол и…

С этими мыслями и уснул.

* * *

– Нет, не этих, вот этих! Да. Штук пять давайте… Или лучше десять. А у вас есть с абрикосовым джемом?

Он парит мозги продавщице уже около десяти минут, этот клоун в кожаной куртке, с длинными сальными волосами и неприятным пушком над верхней губой. Чистый образец кретина, которому сам бог велел зарядить в челюсть с правой. Но я

терпеливо жду, когда он закончит скупать сладости, и думаю о том, что правильно инструктор говорил, что профессионализм любого человека лучше всего определяет терпение.

– А у вас есть йогурты? Вишневый или клубничный? Можно их посмотреть?

На прилавке два кулька. В них пирожные, печенье, напитки. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – банда наркоманов на автомате заслала гонца купить чего-нибудь пожрать.

– Можно еще вон ту баночку? Это что, рахат-лукум?

А этого гонца еще прет – он тупит, выбирая еду, по глазам видно, что он готов сожрать полприлавка прямо здесь, не отходя от кассы. И продавщица это понимает, но раздражение свое показывать боится, потому что, скорее всего, гонец – местный, и, если что не так, она может вместо чаевых заиметь крупные неприятности.

– Сколько я должен? – наконец звучит долгожданная фраза, и продавщица бросает взгляд на калькулятор.

– Четыреста сорок три рубля.

Гонец задумывается. Продавщица водит пальцем по мониторчику калькулятора, я подавляю в себе желание поторопить их.

– Мне еще что-нибудь тогда на пятьдесят семь рублей дайте… у вас есть чипсы с зеленью?

Моя правая рука в кармане плаща. Ладонь удобно обхватила рукоятку «спайдера», и я, на мгновение зажмуриваясь, представляю себе…

Вытаскиваю пистолет, приставляю его к затылку этого тормоза и нажимаю на спусковой крючок. Все, больше ничего не надо будет делать. И пачку сигарет, из-за которой я стою здесь черт знает сколько, продавщица отдаст мне просто так, не прося взамен ничего…

– Че?

Он повернулся и смотрит на меня. На лице у него борзость, слишком наигранная для того, чтобы испугать кого-то. Страха в глазах пока не видно, но опаска присутствует.

– Че смотришь?

Он недовольно дергает подбородком, что делает его похожим на индюка. На грязного тупого индюка, решившего, что в своем районе ему нечего опасаться.

Так просто – вытащить пистолет, выстрелить, взять сигареты и уйти. И забыть уже через полчаса обо всем, что здесь произошло. Сколько было похожих случаев… Давно было.

– Ты че, немой? Я те говорю, че вылупился, а?

Тупое чекающее животное. Встретились бы мы с ним несколькими годами раньше, и его «че» вернулось бы обратно к нему в глотку вместе с пулей тридцать восьмого калибра.

Но сейчас все по-другому.

Я уже другой.

– Чипсы, – говорю и глазами показываю на прилавок, где рядом с пакетами уже лежит большая пачка картофельных обрезков. – Тебе чипсы принесли.

Он напряженно поворачивается, берет чипсы и сует в пакет. Рассчитывается с продавщицей, берет пакеты, но уходить не спешит, задерживая свой взгляд на мне.

– Поаккуратней веди себя, – не скрывая презрения, советует он мне, и я сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

Мне действительно смешно. Он выходит из магазина, я смотрю ему вслед, потом говорю продавщице:

– Пачку «Мальборо», красного.

Я не убил его, хотя мог.

Точнее, я смог не убить его.

Я стал добрым. Для всех, кроме одного человека. Кроме корейца-альбиноса по имени Ти-Бон.

* * *

…Я несся вперед, утопив педаль газа, оставляя где-то позади и машину объекта, и автобус с детьми… Оставляя полностью проваленное задание. К черту. Не могу рисковать жизнями детей.

«Решил, что герой не стал выполнять задание?»

Пальцы прекратили стучать. Откинувшись на спинку кресла, Стас спросил:

– Это ведь ты? Герой – это ты?

«Нет, дружище, это твоя закладка. Программа обучения наемников. Стандартный набор моделей в интерактиве, только слегка подкорректированный».

– А ты плавающий линк?

«Я плавающий болт. Меньше смотри телевизор».

Стас усмехнулся, но говорить ничего не стал.

«Итак, твой плохой герой решил стать на путь исправления. А чем мотивировано это добродетельное желание?»

Ответа у Стаса не было, и понимание этого привело его в раздражение.

– Твое какое дело?

«Не хами мне, писако. Я пользуюсь твоими эмоциями, и ты не сможешь вывести меня из себя ни в прямом, ни в переносном

смысле, зато я смогу причинить тебе неудобства».

Ладонь хлопнула по столу. Моргнула и исчезла голограмма клавиатуры, следом погас экран.

«Я так понимаю, что ты обиделся. Зря. Мы с тобой партнеры и…»

– Да пошел ты! Какие партнеры?!

«Ты так и не понял. Для тебя уже нет пути назад, и исправить ты ничего не сможешь. Ты должен молиться, чтобы у меня все получилось, иначе…»

– Иначе что? Убьешь меня? Ты идиот. Ты не сможешь тягаться с корпорацией, тебя сотрут в порошок…

«А я сотру в порошок тебя. У тебя есть еще сомнения или мне снова провести демонстрацию?»

– Не надо.

«Твоя задача – делать то, что я говорю».

– Я делаю.

«А раз делаешь, то я тебе говорю – не хами мне и принимай меня как партнера, а не как врага. Кстати, ты в курсе, что происходило с теми, у кого ты снимал эморфы? Вы их, кажется, донорами называете?»

– А при чем здесь это?

«Примерно тридцать процентов ваших доноров не выдерживают и заканчивают жизнь самоубийством. Еще тридцать процентов сходят с ума. Ты ничем не отличаешься от ликвидаторов, Стас. И мне интересно, почему ты с легкостью убиваешь людей в реальности, но сделать то же самое на бумаге считаешь аморальным. Это какой-то комплекс?»

Куратор, да и Костя говорили только о глубокой депрессии. Насчет того, что треть кончает жизнь самоубийством, никто не упоминал.

Возможно, это просто блеф.

– Откуда такая новость про самоубийства?

«Это уже давно не новость, а боян. Попробуй найти тех, с кого ты снимал эморфы. Уверен, что некоторых из них уже нет в живых».

– Как можно…

«Я не собираюсь с тобой спорить и убеждать тебя. Ты не знаешь и десятой части того, что происходит на самом деле, и это только твоя проблема».

– Может, просветишь?

«Нет. Еще один вопрос, и я прочитаю тебе лекцию о боли».

Больше вопросов не было.

Днем приехал Куратор. Просто так, проведать, убедиться, что все в порядке, и напомнить о том, что через два дня состоится

обновление закладки и снова придется лететь на Украину.

Стас смотрел на него, а из головы не выходили слова Плавающего Линка.

«Я могу стереть тебе память, я могу остановить сердце или организовать кровоизлияние в мозг. Можешь делать все что угодно – последний ход все равно останется за мной, и я всегда успею уничтожить тебя, если ты попытаешься предать меня…»

Сказать? Подать знак? А если Голос что-то заподозрит? А если это ему не понравится?

И странное чувство… Что Голос говорит правду…

Осталось два дня.

Потом видно будет.

* * *

Второй полет в Украину произошел точно так же, как и первый, – Стас ничего не помнил. Его «отключили» на борту военного самолета, где он и очнулся через сутки – уже возвращаясь обратно. Куратор отвез его домой, пожелал удачи и уехал. Стас остался один.

Он чувствовал себя жутко уставшим, но не спал. Ждал, когда отзовется Голос. А тот молчал и не реагировал на слова Стаса.

Мелькнула мысль – может быть, его стерли, когда обновляли закладку? Возможно, он ведь не знал всех технических подробностей.

Попробовать связаться с Куратором? И рассказать, что…

Но почему-то не покидал чувство, что Голос попрежнему здесь.

Полдень. Для сна рановато, с учетом того, что проспал почти сутки. И все же заснул, едва щека коснулась подушки. Проснулся уже ближе к вечеру.

Рип молчал.

Может, сбой? Может, с обновлениями загрузили что-то такое, что восстановило барьер? Но как проверить?

Голова чуть-чуть болела. Первый сигнал. Скоро пора кормить.

Выходя, решил зайти к Дашке. Ее дома не было. Малая сказала, что она на работе, мать пожала плечами – она, кажется, в этом не была уверена.

Хотел уйти, но малая не дала – притащила игрушку-Друга и с огорчением сообщила, что он сломался.

– Я ему, наверно, неправильное имя дала, вот он и умер, – вздохнула она, пихая ему в руки мини-робота. – Можешь его оживить?

– И как же ты его назвала? – полюбопытствовал Стас, открывая блок тест-управления.

– Филиппонтий. – И она прищурилась.

Тест сразу же показал, что сбилась настройка одного из сопроцессоров. Требовалось всего лишь перезагрузить систему и выбрать стандартный режим работы.

– Кгх-е… а почему так?

– Потому что он Филиппонтий.

«Что ж, довод неоспоримый», – подумал Стас, глядя в мигающие зрачки Филиппонтия.

На все хватило пары минут.

Собака вильнула хвостом и повернула голову к хозяйке.

Катя завизжала от восторга, схватившись за игрушку…

…Новый приступ боли, сильный настолько, что на мгновение глаза заволокло пеленой. Датчик-напульсник мелко завибрировал, показывая присутствие сильного эмоционального поля. Положительные полюса. По шкале Гэнда сколько-то там баллов… Инкубаторов не посвящали в технические детали. Донор рядом. Совсем рядом…

Глядя на малую, Стас торопливо вскочил на ноги.

Выбегая из комнаты, едва не сбил с ног Дашину маму.

– Стас, чая…

Он выскочил за дверь. Боль в голове не утихала.

Черт! Как рано. Его уже надо кормить.

«Что, принципы не позволяют взять эморф у ребенка?»

– Ты здесь… – выдохнул Стас.

«Да. Мне надо пару дней, чтобы изучить твою закладку, после этого я уйду. А сейчас тебе придется найти донора и накормить».

– Тебя?

«Закладку. Мне хватает энергии твоего поля. Барьер сломан, так что теперь закладке нужна пища. Много пищи. Вперед, Стас. Ищи тех, кто счастлив».

* * *

За вечер он объехал несколько клубов. Доноров лучше всего искать здесь, среди беспечно веселящейся молодежи, среди гламура и роскоши, среди тех, кто не обременен насущными проблемами и всегда – ну или почти всегда – находится в хорошем настроении. Так советовал Костя, имевший в этом деле больший опыт, чем младший брат.

Обычно донора Стас находил в первом же заведении. Проблемой было только остаться с ним один на один минут на

пять-семь. Надо было следить, ждать, пока он выйдет на улицу или в туалет, иногда приходилось бросать его и искать следующего, что также не составляло труда.

В этот раз все было по-другому.

Три клуба. По нескольку раз он проходил сквозь толпу и ожидал движения датчика, но все было напрасно. Эмо-панки и топ-готы, спидрайтеры и корпоративные клоны… пустые лица, пустые глаза, пустые поля. Ни одного человека с нужным настроением.

Голова болела все сильнее. Голос говорил, что пытается сдерживать боль, – но толку?

Стаса уже тошнило от этих рож – либо пьяных, либо закинувшихся наркотой – пустышки, которые только думали, что у них хорошее настроение.

Будний день – неурожайный. Самые лучшие дни – это пятница и суббота, но никак не вторник.

В «Койоте» едва не попал в какую-то разборку между байкерами и трансвеститами. Голос вовремя сориентировался и приказал уходить. Стас уже садился в такси, когда со стороны бара раздались крики, а потом и выстрелы.

«Могли бы и машину дать, – проворчал Голос, когда Стас голосовал на дороге после очередного неудачного захода в клуб. Начался дождь, и за десять минут парень промок до нитки. – Твой Куратор – еще та рыба. В „Намедни“ езжай, там что-нибудь попадется».

Стас послушно назвал таксисту нужный адрес.

Пока ехали, массировал виски – не то чтобы это помогало снять боль, но, во всяком случае, хотя бы отвлекало.

Здесь тоже было немноголюдно – относительно выходных дней, конечно же. Прошелся по танцполу, заглянул в чилл-аут, где на подвесных диванах расслаблялись после очередной дозы местные любители наркоты, и вернулся к барной стойке.

«Сегодня не твой день».

– Колу со льдом. Льда побольше. – И добавил вполголоса, адресуя Голосу: – Потому что сегодня будний день.

«Я бы на твоем месте не стал здесь долго прохлаждаться. Знаешь, что будет, если ты задержишься с подпиткой?»

– Знаю.

«У тебя сломан барьер, а твои хозяева вряд ли рассказали тебе, что будет в этом случае. Закладка будет стремиться получить свою дозу и внедрится в твое сознание. После этого она получит контроль над тобой, и ты сдохнешь».

Стас закурил сигарету и, повернувшись на стуле, стал рассматривать посетителей.

Десятка два танцующих – с безумными глазами.

Бит, выворачивающий внутренности наизнанку.

Бум, бум!

«Let's go!»

Бум, бум!

«Destroy this fucking world!»

Слова ритмично вбивались в мозг танцующим. Для тех, кто еще не ощущал себя разрушителем, по всему залу сновали дилеры, предлагавшие весь спектр кислотных и амфетаминовых услуг. Остальные…

Напульсник сжался и разжался, а потом начал мелко вибрировать.

Донор рядом.

– «Барберрис» без лимона! Я щас подойду!

Это его голос. Его нагловато-презрительная интонация.

Стас развернулся на месте – увидел профиль, а потом спину человека, быстрым шагом удаляющегося в сторону туалетной комнаты.

Узнал его сразу. Глаза сузились, рот искривила слабая усмешка.

«Везунчик ты, – скептически произнес Голос, когда Стас, соскочив со стула, направился вслед за ним. – Кстати, здесь хорошая система видеонаблюдения. Но тебе на это наплевать, верно?»

Что он хотел этим сказать, непонятно.

Открылась дверь туалета.

Эрик стоял возле писсуара и что-то напевал в такт музыке со счастливой улыбкой на лице.

Один возле раковины, умывается. Еще один рядом с Эриком… Нет, уже выходит. В кабинке… кажется, в одной из кабинок кто-то есть. Ничего страшного.

Стас шагнул вперед, став у Эрика за спиной.

Тот почувствовал, стал поворачивать голову. Стас вскинул руку. Напульсник мигнул синим глазком.

Направленный ультразвуковой удар – и вот уже Эрик валится прямо на руки Стаса. С сохранившейся эмоматрицей – чистой энергией для закладки-ИскИна.

– Братан, говорил же, не мешай бухло с феном, – привычно загнусавил Стас, подхватывая его под мышки и подтаскивая к кабинке.

Один из посетителей туалета кинулся к ним. Неучтенный фактор.

– Что такое?

– Все нормально, пусть проблюется.

– Слышь, Эрик! Ты как? Эрик! Его на свежий воздух надо. Сейчас я наших позову…

Его знакомый. Черт! Это уже совсем ни к чему.

Тот, что умывался, уже вышел. Сейчас они здесь втроем.

«Вырубай его. Ультразвуком. И в кабинку обоих».

Стас вскинул руку.

Оба тела зашвырнул в кабинку, закрыл за собой дверь, вытащил из кармана транслятор. На несколько секунд застыл, глядя на Эрика.

«Не тяни. Быстрее!»

Захотелось послать его.

Не послал.

Присоски мягко вжались в кожу на висках. Положив сканер на затылок Эрика, Стас закрыл глаза. Слабая вибрация. Около минуты. Потом… Потом десять секунд долгожданной эйфории.

«Хорошо. Отлично. Молодец».

Да пошел ты со своими похвалами. Сорвав с головы транслятор, Стас прислушался. Тихо.

Вышел из кабинки, прикрыл за собой дверь.

Эрик и его друг очнутся минут через пятнадцать–двадцать. Если и будут что-то помнить, то это больше будет походить на обрывки бреда, фантазии, но не на реальность. Эрику вообще не до того будет.

Снова вспомнились слова Голоса–Плавающего Линка про самоубийц-доноров. А если это правда?

Если Эрик действительно полоснет себе лезвием по венам или повесится? Бьянка тогда… станет свободной?

Вспомнил про нее, и снова засосало под ложечкой. Единственное чувство, которое он сейчас испытывал к Эрику, – это ненависть.

Черт с ним, пусть подыхает. Меньше народа – больше кислорода.

«Теперь можно и домой».

– Черта с два, я еще колу не выпил, – процедил Стас.

Надо было бы уезжать, но очень хотелось сделать что-то назло Голосу.

Сел за стойку, потом, что-то вспомнив, развернулся. Цепким взглядом окинул зал.

Безликая, хотя и ярко одетая масса людей.

Бьянка сидела в компании каких-то тинейджеров.

Выделялся среди них только один – сидящий в углу парень лет двадцати пяти с коротким гребнем постпанка на голове и двумя металлическими обручами, охватывающими бицепсы. Хотя, наверное, Стас не обратил бы на него внимания – это Голос в тот

момент, когда взгляд Стаса остановился на их столике, сообщил: «Хакер-модификант. Сетевой имплантант класса „А“, еще какие-то структурные имплы».

– Да? – Он уже смотрел на Бьянку, но тем не менее снова перевел взгляд на панка.

«Практически все, что на нем инсталлировано, запрещено законом».

– Откуда ты это знаешь?

«Маскировка дорогая, но не очень умелая. Хотя то, что в нем напичкано, потянет не на одну сотню тысяч евро. Что, нравится телка?»

Неожиданная смена темы разговора не смутила, а вот то, что он назвал Бьянку телкой, – покоробило.

Не ответил. Отвернулся, но через несколько секунд не выдержал – взгляд притянуло словно магнитом.

«Ты знаком с ней».

– Вместе учились…

Вспомнив прошлое, он на мгновение прикрыл глаза. Закурил, тяжело вздохнул. Не так просто от этого отделаться. В памяти всплыли хаотичные картинки из прошлого. Восьмой класс. Девятый. Десятый. Это Плавающий Линк рылся в памяти, выдергивая нужные куски. Черт! Зачем?

«Кажется, вы не просто вместе учились. Подойди к ней».

– Нет.

«У меня для тебя сюрприз. Приятный сюрприз. Тебе понравится».

– Мне не нужны никакие сюрпризы.

«Стас, не заставляй меня повторять. Подойди к ней».

– Не лезь в мои личные…

«Либо подходишь к ней, либо валяешься здесь в луже собственной мочи. Быстро, пока она одна».

Голос-Линк видел все, что попадало в поле зрения, даже если на этом не был сфокусирован взгляд. Увидел и то, что она встала, направившись к автомату с сигаретами.

– И что дальше?

«Просто поздоровайся. Пару фраз – можешь сказать все что угодно».

Встал. Убеждая себя, что идет к ней не по приказу Голоса, а потому что сам хотел к ней подойти.

Похоронил где-то в глубине себя понимание того, что никогда не подошел бы к ней сам, – и, кстати, отнюдь не из-за угроз Эрика.

– Привет, Бьянка.

Она повернулась.

– Ой, привет. Ты что тут делаешь?

– Да вот… – посмотрел по сторонам, совершенно не понимая, о чем говорить. – Заехал посидеть. Как дела?

– Нормально. Слушай, а ты хорошо выглядишь. Поздоровел. Качаешься?

Неожиданно она дотронулась кончиками пальцев до груди Стаса и провела ими по ней вниз. Словно разрядом тока ударило. Перехватил ее руку, слегка сжал. Бьянка не спешила выдергивать руку. Смотрела на него… Как-то странно смотрела. По-другому.

– Немного занимаюсь. В тренажерке.

Не говорить же ей, что у него в мозгу программа-девелопер, регулирующая все, в том числе и рост мышц.

– Молодец. Чем занимаешься? – Руку она все же высвободила, но не торопливо, даже, наверное, неохотно.

– Книгу пишу.

– Да ты что? Серьезно? И как, получается? А про что? Слушай, а дай мне свой номер, если это, конечно, не секрет.

Он не верил своим ушам – диктовал номер, который она старательно (два раза переспросила цифры) записала в мобильник, смотрел на нее.

Ему хотелось схватить Бьянку в объятия, прижать к себе и никогда-никогда не отпускать.

«Предложи ей выйти на улицу. Не тупи, уводи ее отсюда».

– Может, выйдем, подышим свежим воздухом? – Язык словно стал свинцовым.

Сейчас она скажет, что никуда не пойдет, может, еще добавит…

– Пойдем.

Это казалось невероятным, но было именно так.

Они вышли через второй выход. Еще через десять минут он стаскивал с нее трусики в какой-то подворотне, а она тихо постанывала и жадно шарила руками по его телу.

Бьянка сделала все – как заправская шлюха.

А после второго раза Стас, глядя на нее, распластанную в экстазе на куртке, на каких-то ящиках, почувствовал… нет, не удовлетворение, а разочарование.

В себе.

Помог ей одеться, проводил ее до клуба – посмотрел ей в лицо, она была похожа на робота со счастливой улыбкой.

А когда уже поймал такси и ехал домой, спросил, не разжимая губ:

– Как?

«Феромоны».

– Что это такое?

«Неважно. Тебе ведь понравился сюрприз?»

* * *

Эрику сказали, что нашли его в сортире, лежащим в обнимку с унитазом. В соседней кабинке обнаружили Жира, тоже в отключке. Все недоумевали, как это случилось, – утверждали, что буквально за полчаса до этого оба были в полном порядке. Немного пьяны – да, но не настолько, чтобы вырубаться в сортире.

Эрик ничего не помнил. Какой-то сумбур в голове, а еще паршивое донельзя настроение, отвращение ко всему. Хотелось напиться, накуриться, даже обколоться, лишь бы только избавиться от этого мерзостного чувства. Что он и сделал – за пятнадцать минут усосав полбутылки вискаря и покурив какой-то дряни, предложенной Жиром. Не помогло. Ощущение безысходности, апатия, тоска не прошли, хотя развезло его так, что он еле стоял на ногах.

Жир что-то говорил про какого-то парня в сортире, что-то спрашивал, но его несвязная речь… а у Эрика такое состояние, что больше хотелось расплакаться, чем отвечать на дурацкие вопросы. Ничего не понимал. Не до этого. Депресняк жуткий.

Сказал, что поедет домой. Один. Видеть никого не хотелось. Ни Жира, ни Бьянку – никого.

Бьянка не спорила. Вела себя как-то странно; не похожа на себя обычную. Впрочем, на это ему было наплевать. Не до этого.

Сказал Жиру, что все надоело и опротивело.

Жир сказал, что у него есть какое-то дерьмо, которое реально спасает от депрессии. Дал какие-то таблетки.

Какие таблетки? Ничего не поможет. С каждой секундой он чувствовал себя все паршивее и паршивее.

Серость, меланхолия. Одно и то же каждый день. Зачем? Какой смысл? Если рано или поздно…

Жир не отцеплялся – заставил его выпить одну прямо сейчас. Говорил, будто хакер, который сидел с ними, знает, что это такое…

Выпил – просто чтобы он отвязался. На самом деле наплевать, что это были за таблетки. Может, аспирин, а может, цианид – какая разница? Жизнь – дерьмо, а мы мухи. Так говорил Барон. Вот она, жизнь. Вот оно, дерьмо. Все.

В зеркало, мать его, посмотреть… Сжать руку в кулак, оттопырить средний палец, сказать: «Ну здравствуй, солнце…»

Так больше нельзя.

Подъезд. Лифт. Выше, выше… двадцать четвертый этаж. Дверь. Квартира. Балкон. Открыть течставни – и пошло оно все на хрен.

Он даже не смог открыть дверь, рухнул бревном на пороге своей квартиры и тут же уснул мертвец ким сном.

Таким его утром и обнаружит сосед, который, недолго думая, вызовет «скорую помощь».

Алкоголь, наркотики и сильнодействующее снотворное – это все, что найдут в его организме.

Самое главное, он будет в норме. И придет в себя.

Но это будет завтра.

* * *

Утром Голос сказал, что сегодня последний день. Что ровно через сутки его снимут, и Стас будет свободен. Перед этим Голос попросил, чтобы он позвонил по мобиле. Назвал длинный номер. Когда там ответили, Стас, следуя указаниям Голоса, сказал одно слово:

– Завтра.

И вырубил связь.

Еще Голос рассказал про феромоны. Про то, что соблазнить можно любую женщину. И не только соблазнить.

«Ты даже не представляешь себе, сколько всего можно сделать, управляя химическими процессами в организме. В некоторых случаях, правда понадобится спецпитание, а лучше ввести необходимые вещества через кровь, но и без этого возможности огромны».

Наверное, это должно было заинтересовать Стаса – или хотя бы позабавить. Но только не в случае с Бьянкой.

Никак не мог отделаться от ощущения того, что он… не изнасиловал, скорее всего, воспользовался.

Не так. Не так должно было все быть. Лучше бы вообще этого не было. Лучше бы снял кого-нибудь. Только не Бьянку. Но это уже было. Уже случилось.

«Тебе не понравилось?»

– Не в этом дело.

«Я не понимаю».

– А не надо понимать. Это мое личное дело.

Стас выругался и нервно смял сигарету в пепельнице.

От Бьянки пришла эсэмэс. Ничего особенного – похоже, она просто хотела, чтобы у него тоже был ее номер.

Ответил какими-то дурацкими смайликами. Через несколько

минут она позвонила. Путалась, сбивалась – никогда такой раньше не была. Стас слушал ее, она рассказывала про свою жизнь, про какие-то проблемы… кажется, она была пьяна.

Все точки над і расставила одна ее фраза.

– Я не знаю, как это получилось… я, наверное, вчера много выпила… понимаешь, у меня есть парень и я… я не могу…

– Понимаю.

– Я помню, до сих пор помню, что ты мне сказал тогда.

Он водил сигаретой по краям пепельницы и молчал, прижав трубку к уху.

– Ты же тогда любил меня…

– Любил. – Затянулся, выпустил дым. – Я тебя и сейчас люблю.

Она молчала. Долго молчала. Он тоже ничего не говорил. Слушал ее дыхание в телефоне. Потом она отключилась. А Стас еще долго не убирал трубку, словно ждал нового соединения. Но его не было.

«У вас, оказывается, все так серьезно».

Комментировать не хотелось.

* * *

Их видели. Стаса и Бьянку. В подворотне. Мало того, их засняли на телефонную камеру. Вроде как для прикола, но потом, когда видео, пропутешествовав по мобильникам, дошло до Эрика, приколы кончились.

– Я тебе говорил, что она сука конченая. – Жир наблюдал за своим другом, который вперил взгляд в экран, казалось, вошел в ступор и ничего не слышал. – Этот тип нас вырубил какой-то херней, а потом оттрахал твою телку. Сто пудов, она знала про это. Договорились заранее.

Они сидели вдвоем у Эрика дома. Тот недавно вернулся из больницы, где прочистили желудок, напичкали какими-то антидепрессантами, но все равно состояние, что называется, было состоянием нестояния.

– Ты ей брюлики и шубы, а она в подворотне с каким-то лохом…

– Заткнись, – процедил Эрик и бросил телефон на стол.

Жир пожал плечами.

– Я к тому веду, что это было вполне ожидаемо. Она ведь…

– Заткнись, Жир! – повысив голос, Эрик встал, потер лоб и вышел из комнаты.

Послышался звук льющейся воды. Жир встал, прошел за ним

к ванной, стал в дверном проеме.

– Надеюсь, ты не будешь страдать и убиваться? Типа там любовь-морковь и все дела?

Умывшись, Эрик вытер лицо полотенцем, бросил мрачный взгляд на своего собеседника и, ничего не сказав и подвинув его, вернулся в комнату. Там снова уселся на диван, взял в руки телефон.

– Братух, я не хочу…

– Ты уверен, что это он нас вырубил? – перебил его Эрик.

– На сто процентов, – уверенно ответил Жир. – Я его раньше еще видел, когда у Рыжего днюха была, помнишь? Он тогда с Бьянкой тоже сидел. Потом ты еще к ним подходил. Это он тебя кинул. Реально он тебя кинул. А Бьянка была в теме.

– И зачем ему надо было нас вырубать?

– Тебя, Эрик, тебя! Я просто под волну попал.

– Ну а зачем меня? Он что, не мог встретиться с Бьянкой в другом месте?

– Слушай, ты на чьей стороне? Ты что, не врубаешься, что тебя спонсором сделали? – Жир явно нервничал. – А эта стерва, уверен, еще и посмеялась над тобой.

Звучало убедительно. А может быть, сильно хотелось, чтобы это звучало убедительно. Эрик кивнул. Потом набрал номер.

– Пап, мне нужна твоя помощь. Можешь дать мне двух человек?..

Жир расплылся в довольной улыбке. Он знал, кому звонил Эрик, знал, что это означает, и был очень рад предстоящим событиям.

На самом деле Эрик не считал его отцом. Человек, известный в определенных кругах как Учитель, два года назад женился на его матери – брак принес обоюдную пользу как женщине, нуждающейся в деньгах, так и мужчине, нуждающемся в связях. Учитель руководил крупной религиозной общиной, и людей, которые вот так просто могли позвонить ему и попросить о помощи, были считаные единицы. Эрик не любил этого святошу, не любил рассказывать о нем своим друзьям. Отношения между ними были, мягко говоря, напряженными, но стоило Эрику назвать его папой, как натянутость мгновенно исчезала. Эрик так и делал, когда ему требовалась помощь. Как сейчас, например, когда нужны были головорезы-отморозки, готовые пойти на все.

Учитель прислал их немедленно – слово «папа» сработало.

И вскоре Эрик, глядя на ухмылявшегося Жира, на каменно-равнодушные рожи двух боевиков «папы», давил кнопку звонка и ждал, когда Бьянка откроет дверь.

Он мог нахамить и раньше. Но при этом никогда даже в

мыслях не было ударить женщину. Сейчас больше всего ему хотелось посмотреть ей в глаза, а потом врезать от всей души, с размаху – так, чтобы запомнилось. Так, чтобы почувствовала, чтобы поняла.

Эрик так и сделал. А потом посадил Бьянку в кресло, сел напротив, включил видео на трубке и сунул ей под нос, чувствуя желание снова врезать ей.

– Кто он?

– Одноклассник бывший.

– Он не знает, что чужих шлюх трахать – грех большой?

– Я не…

– Заткнись, а? – зло прошипел он.

Встал, прошелся по комнате. Остановился возле полки, на которой стояла его фотография в рамке. Несколько секунд смотрел на снимок, потом вытащил из рамки, сложил пополам и сунул в карман.

– Однажды, когда кажется, что все хорошо, когда радуешься жизни и хочется хлопать в ладоши от счастья, ты вдруг чувствуешь здоровенный кол возле своей задницы, – произнес, глядя на рамку. – И когда тебе его вгонят через жопу до самого горла, тогда ты поймешь, что не надо было делать некоторых вещей. Но только кол тебе уже не вытащить.

– Эрик…

– Как его найти? – перебил он, подходя к ней и глядя в глаза.

– Эрик, я…

– Не выводи меня, Бьянка, – со зловещим спокойствием сказал он. – Просто скажи, где его можно найти. Иначе я уйду, и тебя будут спрашивать они.

И кивнул на одну из горилл, куривших у окна.

– Я не знаю его адреса. Я не знаю…

Ударил по лицу. На этот раз – кулаком, чтобы было не только страшно, чтобы было и больно. И даже не удивлялся, откуда в нем столько ненависти, которая, казалось, заполонила весь мозг.

– Мне просто надо с ним поговорить. И расставить все точки.

– Я… я не знаю, где он живет… правда, мы случайно встретились…

– Слишком много случайных встреч, сука! – заорал он ей в лицо и тут же, мгновенно успокоившись, погладил ее по щеке. – Детка, тебе придется мне помочь, так или иначе. Если ты не хочешь, чтобы для тебя закончилась карьера модели, если ты не хочешь узнать, что такое кислота… скажи, где он.

– У меня только его номер телефона…

– Ну так звони ему! – Он схватил ее за волосы и притянул к себе. – Пусть приедет сюда, – зашипел ей в ухо. – Мы просто

поговорим. Не бойся, твоего нового бойфренда никто убивать не будет. Позвони ему.

– Эрик, он не мой бойфренд и…

– Звони ему! – заорал он ей прямо в ухо, а когда она попыталась отшатнуться, резко рванул за волосы. – Звони и скажи, чтобы он приехал к тебе в гости. Ну!

Жир, наблюдавший за всем этим, уже не ухмылялся. Не ожидал он подобного от Эрика. Ну, во всяком случае, такого жесткого поведения. Не был он таким раньше. Мягким его, конечно, нельзя было назвать, но настолько психованным… Эрик или играл какую-то роль, или у него правда от ревности крыша поехала. Даже стало немного не по себе – но влезать не было никакого желания.

Бьянка взяла трубку.

– Макс, – окликнул Эрик одного из горилл. – Как-нибудь, чтобы она глупостей не наговорила.

Горилла достал пистолет, щелкнул предохранителем и приставил дуло к ноге девушки.

– Мы же не хотим, чтобы он приехал сюда в сопровождении спецназа, да? – ухмыльнулся Эрик. – Звони, сучка. Шлюха, тварь…

Его трусило. Жир гулко сглотнул – да что с ним такое?

Это приключение, изначально казавшееся веселым, таковым уже совсем не казалось.

Дрожащими пальцами Бьянка набрала номер.

* * *

«Я бы на твоем месте позвонил Куратору».

– На хрена? – спросил Стас, натягивая куртку.

«Мне это не нравится. Зачем она хочет, чтобы ты приехал?»

– Ты же слышал. Поговорить.

«Она напугана. Только глухой это не разобрал бы».

– Она пьяна. В любом случае, для чего звонить Куратору? Чтобы он вместе со мной поехал?

«Чтобы подстраховаться. Стас, ты сейчас…»

– Не грузи, а? Ладно? Это мои личные дела.

«Я ведь могу и заставить, Тасик».

Стас остановился. И медленно произнес:

– Слушай, не будь гадом. Ты уже порылся в моей памяти и знаешь, что она для меня значит. Дай я сам с ней решу все вопросы… Я ведь действительно люблю ее.

Через пять минут он уже сидел в такси. Еще через двадцать

минут – вечер, и пробок не было – он вышел из машины и зашел в подъезд. Все это время Голос молчал.

Лифт поднял его на девятнадцатый этаж. Нашел нужную квартиру, нажал кнопку звонка.

А когда дверь открылась и ему в голову уставилось дуло пистолета, он впервые услышал, как ругается Линк.

«Блядь».

Лаконично так, коротко.

Громила с пистолетом провел Стаса в комнату.

«Это же твой вчерашний донор».

Стас смотрел на Бьянку. Лицо и глаза красные – и явно не от слез. Губа разбита, крови нет, но опухла сильно.

И, кажется, взглядом говорит «прости».

Хотя, возможно, только кажется.

– Стас, да? Или называть тебя Тасиком? – Эрик развалился на диване, закинув ногу за ногу, и говорил спокойно, хотя казалось, что он как натянутая струна, готовая в любую секунду порваться.

«Найди любой способ связаться с Куратором. Только телефон при них не доставай».

– Чего ты хочешь?

– Ты мне должен, Тасик. Что скажешь?

«Любыми способами решай вопрос миром. Соглашайся на все условия, твоя первоочередная цель – связаться с Куратором».

– И что я тебе должен?

– Двадцать тысяч. Евро, – уточнил Эрик. – Надеюсь ты понимаешь, за что?

«Это что, его девчонка?»

– Да.

– Что да?! – взвился Эрик. Вскочил, ткнул стволом в голову Стаса. – Ты за идиота меня принимаешь? Откуда у тебя деньги такие, гондон?!

«Стас, веди себя спокойно. Разговаривай, признавай свою вину, но не сразу. Главное – не переиграй. Будь осторожен, у него коллапс».

Времени узнавать, что это за фигня, не было.

– У меня есть деньги. Почему именно такая сумма?

– Почему? Почему?! Потому что столько денег я потратил на эту суку, которую ты трахал!

Он размахнулся – рукоятка пистолета врезалась в голову так, что, казалось, череп треснул. Стас пошатнулся – а следующий удар ногой опрокинул его на пол.

Бьянка было закричала, но сразу же умолкла – рот зажала лапа одного из горилл.

Еще один удар – в живот.

«Голову прикрывай».

Удары сыпались один за другим. Стас захрипел, когда носок ботинка врезался прямо под ребра.

«Плачь. Проси, чтобы не бил. Умоляй. Наплюй на гордость, потом разберешься. Это серьезно».

– Не надо, пожалуйста, – простонал Стас. Не переигрывал, больно было жутко. – Я все отдам, пожалуйста, не бей.

– Брат, ты убьешь его! – Жир все-таки вмешался, обхватив Эрика и оттащив в сторону. – Да что ты делаешь?!

Тяжело дыша, Эрик остановился. Свободной рукой схватился за голову, несколько секунд так стоял, потом вроде бы успокоился.

«Не спровоцируй новый приступ. Соглашайся на все».

– Значит, так. Ты мне должен двадцать кусков. Ты согласен?

«Да».

– Да.

– Когда отдашь?

«Завтра. Позвоню брату, он вышлет деньги».

– Завтра. Позвоню брату, он даст. Обязательно даст.

Эрик внимательно смотрел на Стаса и о чем-то думал.

«Молчи, ничего не говори. Жди, чтобы он ушел».

Но тот уходить, похоже, пока не собирался. Хрустел пальцами, облизывал губы – смотрел на Стаса… как кот, подкарауливавший мышь около норы.

– Почему в подворотне, Тасик? Почему именно тогда? Зачем ты меня и Жира вырубил?

«Скажи, что все получилось случайно. Скажи, что был под наркотой и ничего не осознавал».

«Хорошо хоть, что морали не читает», – подумал Стас.

– Случайно вышло. Я под трэдлом был.

«Под каким трэдлом? У тебя мозги есть?»

– Под трэдлом? – Эрик встал. – Руки покажи. Покажи руки, ублюдок!

Это был прокол. Прокол в том, что проколов не было. Такой вот невеселый каламбур.

– Не под трэдлом, я оговорился…

Поздно.

Новые удары – теперь бил не только ногами, но и пистолетом, а когда Жир снова попытался его остановить, отшвырнул его в сторону.

Тело из комка боли постепенно превращалось в комок мяса.

Стас уже ничего не понимал. Врывался в сознание Голос, что-то кричал Эрик – он уже ничего не слышал и ничего не понимал.

Эрик остановился, когда Стас уже не шевелился.

Тяжело дыша, посмотрел на Бьянку и с размаха ударил ее ногой. В лицо.

– Пошли отсюда! – скомандовал и первый двинулся к выходу.

А когда уже выходили из подъезда, неожиданно улыбнулся:

– Сейчас поедем на Охоту. Жир, ты с нами?

– В Отстойник, что ли? – Жир поднял вверх руки.

– Бомжи, бродяги, шваль всякая. – Эрик улыбался. – Не поедешь? Я плачу за всех.

Жир покачал головой:

– Я не хочу. И тебе не советую. Если узнает твой отец…

– Мне не нужны твои советы. Если у тебя есть желание кого-нибудь грохнуть, то поехали с нами, а если хочешь продолжать вести свою тупую жизнь, то живи.

– Слушай, да что с тобой? Ты как с ума сошел…

– Я в прекрасной форме, – ощерился Эрик. – Не хочешь, как хочешь. Тогда удачи тебе.

И прыгнул в машину.

И если его друг считал его сошедшим с ума, сам Эрик таковым себя не считал.

* * *

Куратора вызвала Бьянка. «Единица в памяти», – успел сказать Стас и вытащить телефон, прежде чем полностью отключился.

Впрочем, его довольно быстро привели в порядок – хотя бы видимый. Два человека в синих комбинезонах обкололи Стаса стимуляторами, распылили на ссадины защитную пленку, тут же проверили, нет ли у него переломов, и, убедившись, что кости целы, доложили об этом приехавшему чуть позднее Куратору.

– Дилетанты. Профессионал отбил бы тебе все внутренние органы и не оставил на теле ни одной царапины, а эти наоборот, – прокомментировал случившееся Куратор. – Девочка, это они из-за тебя?

Девочка, которую в это время осматривали спецы, кивнула.

– Ты должен был сообщить нам, Стас. Попросить страховку.

– Выйдем? – предложил Стас.

А на кухне, зажав сигарету в разбитых губах, произнес:

– Прошлой ночью он был моим донором.

Куратор удивленно поднял вверх брови.

– Да? Интересно. Что ему известно?

– Ничего. Это действительно из-за Бьянки. Но он словно с ума сошел. Насколько я знаю, он никогда таким не был, – сказал

Стас. – Я пытался с ним договориться, но…

– Агрессивный коллапс. Иногда пси-матрицы заменяют друг друга. Побочное явление, крайне редкое, но все же случающееся.

– В основном депрессии?

«Не задавай вопросов, Стас».

– Да. – Куратор подошел к Стасу. – В основном депрессии. Скука. Апатия. Тоска. Длящаяся около двух-трех суток. Кризис приходится на ближайшие шесть–двенадцать часов, потом спад. Я рассказывал это уже тебе. Почему ты спрашиваешь?

«Сейчас не время, Стас».

– А человек может не выдержать эту депрессию и покончить жизнь самоубийством?

«Не глупи. Если ты станешь сейчас выяснять отношения, у тебя будут серьезные проблемы».

На этот раз Куратор молчал долго, при этом проницательно всматривался в глаза парня, словно пытаясь там что-то прочесть. Потом по-отечески поправил на Стасе свитер.

– Да, – вкрадчиво произнес он, – действительно, было несколько случаев с суицидальным исходом. Что скажешь?

Стас усмехнулся, не отводя взгляда, ответил:

– Да мне в принципе все равно. Думаю, вы знаете, что делаете.

Улыбнулся и Куратор. Ободряюще похлопал Стаса по плечу, кивнул:

– Тебя отвезут домой. Никуда не выходи. Посмотри телевизор… книгу попиши.

«Соглашайся и не спорь».

– Хорошо, – ответил Стас.

– Возле дома подежурят на всякий случай наши ребята, пока мы не разберемся. А то мало ли…

– Понимаю.

Куратор еще раз похлопал его по плечу и пошел к выходу. Уже открыв дверь, повернулся:

– Я сказал тебе неправду. Случаев суицида не было. Ни разу.

И вышел, оставив за собой последнее слово.

* * *

Отстойник. Для одних – последнее прибежище, для других – раковая опухоль на теле города. Для третьих – это бизнес. Доходный бизнес. Новое развлечение оказалось по душе многим, имеющим деньги. Большие деньги, ибо Охота стоила дорого. Платили всем – патрульным, которые могли прикрыть в случае

чего или предупредить, журналистам, которые молчали, проводникам, которые отвечали за жизнь своих клиентов.

Все очень просто. Группа из пяти проводников и два-три клиента. Цель – следить за клиентами, прикрывать их любой ценой, ну и, конечно же, предоставить им цели.

Один рейс – три куска. В неделю ему обещали как минимум два рейса. Не очень большие деньги, но с чего-то же надо начинать беглому наемнику. Работа была не из легких. Бомжи вооружались и становились опасны. И хотя силы были неравны, нервы могли потрепать. Им-то уж точно нечего было терять. Прежняя группа нарвалась на сильный прайд и была уничтожена, прежде чем подоспела помощь. Все – и проводники, и клиенты – отправились на небеса в одну минуту. Неприятности с друзьями погибших улаживали около месяца. В итоге пришлось повысить расценки на Охоту, но клиентов особо не уменьшилось. Новых проводников искали долго. Винсент оказался последним. Татуировка «Сантаны» сделала свое дело – недолго думая, его назначили старшим. Провели краткий инструктаж, предупредили, что жизни клиентов намного важнее, чем жизни проводников, – и вперед. То, что он был беглым, никого не интересовало.

Винсент прошел уже около трех десятков рейсов. Со счета сбился после первого десятка – потому что начал бухать, потом как-то незаметно переключился на траву, которой его щедро угощал Сахо, один из проводников, называвший себя потомком майя.

Деньги. Винсенту нужны были деньги, потому что налички у него осталось совсем мало. Пластика для импов его класса обходится в копеечку, но она того стоит. Изменить себя, вернуться в Штаты, выполнить пару серьезных контрактов, потому что здесь, в России, больших денег не заработаешь, тут их только про*бать можно. Потом вернуться сюда же, в Россию, уже новым человеком – такой пока был план, и менять его ради какого-то пацана Винсент не собирался. В конце концов, он выполняет свою работу, получает за нее деньги, а проблемы пусть решают старшие.

Клиенты… Клиенты были разными. Попадались и под кайфом, и психи, приезжали и вполне нормальные. Считающие себя воинами, жаждущие психологической разрядки, ищущие экстрим, желающие «попробовать». Большинство – анонимно, в фейс-контроллерах. По слухам, были среди них и звезды – политики, журналисты, артисты. Несколько раз наведывались и бандиты – эти клиенты в большинстве своем не скрывали лиц, для них Охота не представлялась чем-то особенным, и вообще

непонятно, зачем она им.

Порой и клиенты и проводники находились на волосок от гибели. Последний рейс был именно таким. Сначала они выследили какой-то прайд, и клиенты вызвали желание обстрелять его. На расстрел беспомощных людей смотреть Винсент не хотел, отошел в сторону – и вовремя: их уже начали окружать со всех сторон вооруженные аборигены.

Отстрелялись. Ушли. Клиенты остались довольны и отстегнули группе неплохие чаевые – они даже не поняли, что их только что могли положить. Им было весело.

Разные клиенты, разные ситуации – единственное, что было во всех случаях одинаково, клиент всегда хотел вернуться обратно.

Сейчас все было по-другому.

Пацан не был пьяным или обдолбанным – он все четко соображал и на первый взгляд вел себя адекватно. Но его глаза – в них плескалась такая первобытная ярость, что Винсенту в первое мгновение захотелось отказаться от клиента. У парня на лбу было написано: без проблем эта Охота не пройдет.

Эрик, сынок какого-то проповедника-святоши, шел туда не ради развлечения – он жаждал убивать. Ему наплевать было кого. Двое его сопровождающих вели себя равнодушно, хотя с первого взгляда было ясно, что каждый из них готов закрыть Эрика своим телом не раздумывая. И выполнить любую его прихоть.

На двух машинах они доехали от офиса к «воротам» – так называли небольшой бар на окраине города. Подвал в баре служил своеобразным перевалочным пунктом. Здесь все получали оружие и отправлялись дальше, по шахте к канализационному коллектору, который паутиной раскинулся под землей через всю промзону, названную Отстойником.

– Выполнять то, что говорю я или другой проводник, – предупредил Винсент, проверяя крепления броника на одном из мордоворотов. – От группы не отходить, соблюдать тишину, «лапшу» не отключать.

– Хватит лечить, пошли. – Эрик передернул затвор на автомате. – Инструктаж по технике безопасности потом проведешь. После Охоты.

Этот парень беспокоил все больше и больше.

– Потом может и не наступить. – Сахо опустил на глаза стекла «супервайзора». Ночное видение, тепловое, сканер движения, бинокуляры – все вместе и еще десяток полезных функций весом сто двадцать грамов. Дорогая штучка, таких пока всего два в группе. Начальство обещало еще докупить, но в ближайший месяц вряд ли возьмут. Вот и приходится пока двумя

обходиться – один у Винсента как у старшего, второй, как переходящее красное знамя, по всей группе гуляет.

Сахо пошел первым. Смотрел растяжки – пару раз уже нарывались на них, после чего приходилось нанимать новых проводников. За клиентами приглядывали Макс и Миха – два брата-«эмэмдэмсы». Старший был в федеральном розыске, и явно не за банальное мошенничество, а младший только начинал свою карьеру. Приглядывали не только для того, чтобы прикрыть клиентов, но и за тем, чтобы они в суматохе своих не перестреляли. Бывало и такое.

По вентиляционному каналу спустились в шахту метро – эту ветку так и не запустили. Когда промзону закрыли, тут поснимали проводку, рельсы, а ветку перекрыли до лучших времен.

– Сейчас выйдем на поверхность. Фонари выключаем, работаем только в режиме ночного видения, – негромко инструктировал Макс клиентов. – Сразу же передвигаемся направо, там двухэтажный магазин, обходим его и заходим в ворота станции техобслуживания. Не стрелять без разрешения, если что-то заметили, тихо говорите в «лапшу»…

Винсент искоса посмотрел на Эрика. Тот шел, словно робот. Двумя руками сжимал штурмовой «Фан-6» с оптикой и алчно зыркал по сторонам. Казалось, он ничего не слышал.

«Словно под психокодом», – подумал Винсент и двинулся вперед, догоняя Сахо.

– Не спускай с парня глаз, – предупредил он напарника, отключив «лапшу». – Он мне не нравится.

Сахо кивнул головой, видимо, тоже заметил это.

На поверхности была тишина. Беззвездное небо, осколок луны, едва-едва освещавший территорию Отстойника.

– Я – с другой стороны, – шепнул Винсент, показывая кивком на магазин, зиявший пустыми глазницами выбитых окон. Сахо снова кивнул и повел группу проторенной тропой.

Скользнув в темноту, Винсент сразу же активировал маскировку и медленно двинулся в обход магазина.

На этом маршруте еще никто из охотников, которых вел Винсент, не попадал в засаду, правда, этой дорогой он выходил всего второй раз, но, как известно, все когда-то случается впервые.

Какое-то движение метрах в тридцати от Винсента заставило его неподвижно замереть на месте. Тепловизор показал собаку, перебегающую улицу. Еще не всех перестреляли.

Первое время это место, превратившееся в свалку, облюбовали бродячие животные. Тогда сюда тоже приезжали на

охоту, отстреливая голодных и злых зверей. Потом Отстойник постепенно стал местом обитания двуногих животных, тоже голодных и злых. И Охота продолжилась в новом качестве.

Винсент перенастроил дальность тепловизора и направил на то место, откуда бежала собака. Сидели на корточках два человека. Далеко, метров сорок. Кажется, притаились за стеной. В укрытии.

– Вижу двоих, – негромко сказал в «лапшу». – От меня сорок метров.

– У меня тоже двое, – отозвался Сахо. – Но поближе.

– Давайте уже начинать! – ворвался в наушник раздраженный голос Эрика. – Мы так до утра ходить будем.

– Винс, мы занимаем позицию, – сказал Сахо.

– Хорошо. Макс, ты – с клиентами, остальные – по периметру. Я – возле магазина. Без команды Сахо не стрелять.

Пацан, конечно же, начал стрелять раньше времени. Едва увидел цель.

Винсент слышал, как вполголоса выругался Сахо, но шум поднимать не стал. В конце концов, клиент всегда прав.

Загрохотали выстрелы – в тепловизор Винсент видел, как «его» парочка зашевелилась, а потом бросилась бежать в противоположную сторону.

Наверное, зацепил одного – судя по довольному хриплому бормотанию мальчишки. Но не убил – об этом стало понятно после яростных проклятий.

А дальше Винсент услышал вот такой разговор:

– Пошли! За ними!

Это, конечно же, пацан.

– Нет. Они уже ушли, и мы их не найдем. Надо возвращаться.

Это Сахо. Он был прав, теперь единственное, на что они могут рассчитывать, это засада. Что не входит в план Охоты.

– Что? Куда уходить? Я тебе за что деньги дал?

Предчувствия сбывались. Первые неприятности. Проблемы с клиентами – это плохо. Это надо разруливать.

Винсент торопливо направился к группе.

– Надо было выполнять инструкции, – звучало в «лапше». – Вас предупреждали, что…

– Да пошел ты! Ты меня что, обвинять в чем-то будешь? Клал я на твои инструкции, пошли за ними!

– Нет. – Сахо, как истинный индеец, был хладнокровен и тверд. – Если мы пойдем за ними, нарвемся на засаду. У них очень хорошо действует система оповещений и есть оружие…

Винсент возник из темноты и остановился перед Эриком.

– Мы можем перейти в другую локацию, – успокаивающе

произнес Винсент, дотрагиваясь до плеча Эрика.

– Руки убери! И слушай! Я заплатил тебе деньги и час таскался по каким-то вонючим переходам, а теперь ты лепишь мне, что мы не будем их преследовать, а снова будем ходить? Я тебе что, турист-любитель, а? Урод!

Клиент всегда прав. Но…

Оскорбления Винсент пропустил мимо ушей.

Сахо отошел чуть в сторону, осматриваясь.

– Мы не будем преследовать их, потому что…

И все-таки пацан был ненормальным. Во-первых, потому что не стал выслушивать доводы, а просто направил автомат на Винсента, а во-вторых, потому что нажал на спусковой крючок.

Первые пули попали в броню. Остальные полетели в воздух.

Это правило Винсенту вбили еще в «Сантане»: если в тебя стреляют, забудь о разговорах.

Первые пули опрокинули Винсента на землю – он в падении инстинктивно развернул свой автомат

и направил его на Эрика. Не в броню – для этого он был слишком хорошим профессионалом. И следом, заметив движения телохранителей, перенаправил ствол на них…

…Вся группа собралась вокруг трех тел. Все молчали. Бросали взгляды на Винсента, тот не говорил ни слова, сидя на каком-то ящике, и курил.

– Тебе надо уходить, – сказал наконец Сахо.

Винсент кивнул.

– Хоть он и был псих, ты не должен был его убивать.

Снова кивок. Сахо прав. Но что толку с этих слов?

– Он приемный сын Учителя. Твоя жизнь сейчас стоит дешевле американского гамбургера.

Винсент поднялся.

– Этих… – кивнул Сахо на тела, – заберем с собой. Объясним, как все было. Записи у Вайна есть… но ты же понимаешь, что они не сыграют никакой роли.

Вайнштейн, пятый, и последний, член группы, чьей обязанностью было вести съемку всего происходящего. Для этого у него имелись две вмонтированные в очки миниатюрные камеры. Своего рода черный ящик.

Сахо был прав – эти записи не сыграют никакой роли. Съехавший с катушек пацан начал стрелять первым? Ну и что? Важно, кто выпустил пулю последним. Тот и поставил точку.

Винс повернулся и шагнул к круглому отверстию люка.

– С тобой было приятно работать, – донеслось ему вслед.

Повернул голову – парни на прощанье подняли руки. Махнул в ответ и через секунду скрылся в люке канализационной шахты.

* * *

Стаса отвезли домой. Парни на зеленой «БМВ» припарковались напротив подъезда, и, когда Стас уже выходил из машины, один из них предупредил:

– Если что, мы здесь будем.

Собственно, это были единственные слова, которые они произнесли за всю дорогу. Стас кивнул и захлопнул дверцу.

Поднялся по лестнице, вошел в квартиру.

«Мне не отвечай, просто делай, как я говорю. Молча. Включи свет на кухне».

Стас подчинился.

«Теперь в зале. Потом надень другую куртку».

Сделал и это, не совсем понимая, для чего.

«Выключи свет на кухне. Включи телевизор. Выключи свет в зале».

Выполнил.

«Теперь тихо выходи из квартиры и поднимайся на последний этаж».

Теперь Стас понял, чего хочет Голос.

Через крышу перешел в соседний подъезд. Вышел из него и бочком, вдоль стены в темноте дошел до угла.

«Лови такси. Стадион „Реалика“».

Поймал. По дороге Голос несколько раз велел Стасу повернуться и посмотреть назад. Видимо, хвоста не было, потому что никаких действий Голос предпринимать не стал, лишь когда они подъехали к стадиону, сказал, чтобы они ехали в Фили.

Одна из старых девятиэтажек. Подъезд с кодом, который безошибочно назвал Голос. Седьмой этаж.

Тамбур, заблокированный тяжелой металлической дверью. Глазок видеонаблюдения. Кнопка звонка.

Дверь открылась. На пороге стоял широкоплечий татуированный парень.

«Скажи ему: „Привет, Ворм, это я“».

– Привет, Ворм, это я, – как попугай, повторил Стас.

– Хай. – Ворм посторонился, пропуская его.

Они вошли в зал. Диван и три кресла. Одно возле стены, два в центре, напротив дивана. Какая-то аппаратура. В одном из кресел человек без сознания с надетой на голове шапкой из проводов, тянущихся к аппаратуре. Имп-боевик. С лазурной голографической татуировкой на запястье… которую Стас уже где-то видел.

На втором кресле лежала еще одна такая шапка. Ворм кивнул на кресло:

– Присаживайся. Надевай шлем.

Стас сел. Ворм стал рядом, а через минуту Стас почувствовал укол в шею.

Шапку ему надели, когда он уже засыпал.

Примерно через полчаса после этого, настроив всю аппаратуру и подключившись к ней, Ворм опустился на диван, откинувшись на спинку, и положил руки на колени.

Работа предстояла долгая, и усаживаться сразу надо поудобнее.

Веки опустились, скрывая зрачки с сенсорными линзами. Одновременно зашевелились пальцы, загружая операционную систему.

* * *

Сдали-таки Винсента. Конечно же, сдали. Москва – одна большая деревня. Слухи здесь разносятся со скоростью света, и плевать, что здесь живет пятнадцать с лишним миллионов народу, не считая бомжей Отстойника и нелегалов Гарлема и Маленького Китая. А ведь прошло всего каких-то несколько часов.

Возможно, бармен. А возможно, кто-то из посетителей. Хотя бы вон тот, со шрамом, что стоит возле бильярдного стола с кием наперевес. Он встречался взглядом с вошедшими. И бармен кивал им.

Руки под стол. В грохоте музыки не слышно щелчка предохранителя. «Шторм» готов к бою. Винсент тоже.

Он ждал, когда боевики Учителя подойдут поближе, и смотрел на бокал с пивом, как танцуют на нем блики цветомузыки. И обшаривал незаметно взглядом зал, выискивая прикрытие. Ну не такие же они идиоты, чтобы втроем его брать? Среди них ни одного импа, и при таком раскладе шансов у них ноль.

Стали полукругом перед столом. Один слева поближе бочком так продвинулся, стул отставил. Руки у всех в карманах. Один плащ, две куртки.

В плаще, видимо, старший.

– Привет, Винс. Тебе придется…

Винсент выстрелил ему в живот. Из-под стола.

И сам тут же нырнул под него, разворачиваясь и стреляя в того, кто стоит ближе. Стол взлетел вверх. Удар по колену – и вот последний из троицы падает, как деревянная кукла. Все-таки идиоты.

Пара секунд, не больше. Еще никто ничего не понял, паника

вот-вот должна начаться, кто-то уже истерично закричал.

Самое время уходить.

Вот он. Возле аквариума. И второй возле бильярдного стола. Тот, что со шрамом. Значит, он сдал.

Палить по Винсенту эти двое начали одновременно. Пришлось спрятаться за перегородку и уже оттуда отстреливаться.

Толпа ринулась к выходу. Крича и сминая друг друга.

Стрелять перестали. Выжидают.

Осторожно перекатился к другой стороне перегородки, потом сильно толкнул ногой стул. Едва те открыли огонь, вынырнул и сделал всего один выстрел. В того, который со шрамом. Теперь полегче будет.

Перекатился обратно. Подобрал с пола несколько осколков посуды и по очереди выбросил их примерно в ту сторону, где мог быть оставшийся противник.

А потом выскочил сам.

Напарник «шрама» все же попал. В броню. А потом судорожно крутанулся волчком и замер с пробитым черепом.

Быстрым шагом Винсент направился к выходу.

Улица была пустынна. Ни людей, ни машин – если не считать парня с тюремными татуировками, сидящего на заведенном мотоцикле прямо перед ступеньками.

– Садись. У меня к тебе деловое предложение.

* * *

– Сколько ты стоишь?

Руки в перчатках. Датчиков клавиатур, встроенных в кончики пальцев, не видно, но Винсент был уверен: они есть.

А вот глаза… Они такие же, как у Винсента.

Микросенсорные контактные линзы. Разработка китайских военных. Едва ли не самый дорогой имплантант. Недавно на него отменили лицензирование, но от этого он не стал дешевле. Большой риск при инсталляции – главная причина, по которой очень немногие отваживались поставить линзы.

И лишь единицы специалистов во всем мире брались сделать такую операцию. На это шли только те, чья профессия требовала использования всех доступных ресурсов, – наемники и хакеры.

Коррекция зрения, расширенный угол обзора, цифровой дальномер – это у Винсента.

Вывод данных в трехмерке, возможность работать десятки часов без напряжения глаз – это у хакера. Причем профи.

Любитель не станет ставить себе такую игрушку. Для хакера она имеет смысл только при наличии «полного фарша».

На наемника он точно не тянет, несмотря на атлетическое телосложение. Повадки не те.

Хакер. Этот человек был хакером. Для этого не надо пытаться разглядеть под волосами вздувшиеся линии брейн-импла, сетевого имплантанта, без которого, по слухам, в Сеть вообще входить не стоило.

– Сколько ты стоишь?

Обычный вопрос. Слышал его не раз. Но обычно хакеры набирают наемников в Сети. У той же Армады есть люди, которые отвечают за сборы сетевых заказов. Открытые контракты, некоторые постоянные клиенты, желающие остаться неизвестными, – сетевая часть мирового рынка вполне обширна.

Хакер смотрел на руку Винсента. Между перчаткой и рукавом, где на запястье была видна лазурная татуировка.

– Зачем ты меня подобрал? – спросил Винсент.

Они уже слезли с мотоцикла и стояли в каком-то узком темном переулке, где и снега-то не было, только грязь.

– Мне нужен наемник. В квартире три человека. У них чемоданчик. Людей убрать, чемоданчик я забираю. Десять кусков.

– Что за люди? Что в чемоданчике?

– Содержимым чемоданчика могу воспользоваться только я, поэтому пусть эта тема тебя не волнует. Люди вооружены – профи, но не импы.

Профи, но не импы. Как такое может быть, если одно подразумевает другое?

– И ты решил взять именно меня? Почему?

– Не тебя. В баре у меня должна была состояться встреча с другим наемником. За пятнадцать минут до этого ты открыл стрельбу и нарушил все планы. Времени искать нового у меня нет.

Винсент посмотрел на него недоверчиво.

– Почему же ты не дождался своего наемника возле бара?

– Эти люди, которых ты застрелил… они из какой-то крупной группировки. Через пятнадцать минут там бы уже все было перекрыто. Встреча не получилась бы. Ну как?

– Пятьдесят.

– Что?

– Пятьдесят тысяч, – сказал Винсент и добавил: – За срочность. Деньги вперед и наличными.

Колебался хакер недолго. Полез в карман, достал две пачки.

– Здесь пятнадцать. С собой больше нет, с прежним был уговор на десятку. После дела остальные.

– Наличные и вперед. Извини, но у тебя нет выбора.

– У тебя тоже, – не уступал хакер. – Я не успею обналичить деньги за час, а к тому времени твои услуги уже будут не нужны.

Можно взять пятнашку и уйти. Никто его не видел вместе с этим хакером, а пятнадцать тысяч – довольно неплохое подспорье. Но пятьдесят тысяч. Это уже другое. Это уже пластика, это новая жизнь. И похоже, что хакер не врал. Если это подстава – вряд ли он будет рисковать собой.

Раздумывал Винс недолго.

– Ладно. Ты знаешь, что будет, если ты попытаешься обмануть меня.

– Знаю. Поехали.

– Куда мы едем? – спросил, усаживаясь позади хакера, Винсент.

– В Фили, – последовал ответ.

На месте они были через полчаса бешеной гонки, во время которой Винсент успел подумать о том, что глупо разбиться на мотоцикле после всего случившегося и до того, что еще должно случиться.

– Зайдем в комнату. Я сяду на диване у окна, ты – в кресло у входа. Войдут двое или трое человек, – негромко инструктировал Винсента хакер, подходя к подъезду. – Я проверю чемоданчик…

– Что в нем?

– Софт. Дестроеры, трояны, второе и третье поколение.

– Вирусы?

– Не только. Тебя это не касается. После того как я проверю товар, скажу тебе, чтобы ты принес деньги. В этот момент ты всех ложишь, и мы уходим. Едем в ближайший банк, и я либо перечисляю, либо обналичиваю тридцать пять тонн.

– Обналичиваешь.

– Мне все равно, – равнодушно ответил хакер, и это равнодушие почему-то успокоило Винсента.

Они вошли в лифт. Хакер выбрал седьмой этаж и посмотрел на Винсента.

– Не подведи.

Вошли в квартиру. Пустую. Двойные двери хакер открыл электронным ключом, который достал из кармана. И, оставив их открытыми, прошел в зал.

Большой ящик в центре стола, видимо, заменял стол. Никакого ремонта, голые стены, диван у окна и три кресла – два около ящика, один отдельно, у входа.

Одноразовая квартира. Снятая на время проведения операции. На хрен только вот кресла с диваном сюда привезли. Дорогие.

Винсент сел в кресло, оно оказалось мягким и одновременно упругим. Хорошее кресло, удобное. Стоит тех денег, которых стоит.

– Как тебя зовут? – спросил хакер, усевшись на диван и положив одну руку на подлокотник.

– Зачем тебе?

– Мне придется представить им тебя как своего партнера.

– Борис.

– Борис, – кивнул хакер. – Отличное имя. Меня можешь называть Ворм.

– Червь?

– Таким вот на свет народился. – Ворм посмотрел на часы. – Ладно, поболтали и хватит. Пора готовиться.

Ничего не изменилось в голосе хакера, но Винсент насторожился. Что-то не так.

– К чему готовиться?

Ворм встал. Винсент тоже хотел подняться, но не смог даже пошевелиться. Тело словно попало в застывший бетон – только голова двигалась и могла поворачиваться из стороны в сторону.

– Эта штука называется «Тень», – пояснил Ворм, подходя к нему. В одной руке он держал тоненький стручок инъектора. – Ты своей стрельбой в баре чуть не спутал мне все планы, но, слава богу, ты такой же жадный лох, как и остальные твои собратья.

Кресла. Ну конечно. Вот почему здесь стоят такие дорогие – потому что в одном из них встроен стационарный защитный комплекс. Старый, но в некоторых случаях эффективный. Управление на диване, в подлокотнике. Он что-то нажимал там… черт, ублюдок!

Слабый укол, слабее, чем комариный. И уже через несколько секунд все начинает плыть – инъектор всегда попадает в вену.

Где-то вдалеке слышны хлопки закрывающихся дверей. Голос – и рядом, и далеко.

– Не огорчайся. Может, тебя это утешит, но на твоем месте должен был быть другой. Это случайность. Вся наша жизнь зависит от малейших случайностей. А может быть, это приключение тебе даже понравится… понравится… нравится… нравится…

* * *

Они пришли в себя одновременно. От импульса, посланного трансляторами в мозги.

Мужчина с татуировкой наемника посмотрел на брейн-

программиста, осуществлявшего трансфер.

– Надеюсь, ты не забросил мне в голову какие-нибудь свои воспоминания о первом поцелуе? – спросил он.

– Отлично выглядишь, Джет, – ответил Ворм. – Не хватает только очков.

Стас смотрел на них и понимал, что что-то не так. В голове – будто там что-то осталось… или появилось новое…

Джет? Значит, так звали Голос.

– Очки нужны, – согласился тот, кого назвали Джетом, снимая с головы обруч с проводами и вставая с кресла. – Имидж надо поддерживать. Слушай, а девять вирусов не перебор?

– Нормально, – отмахнулся хакер.

– Джет? – взволнованно спросил Стас. Имя показалось ему знакомым, он судорожно пытался вспомнить, где он его слышал.

– Теперь можешь называть меня так. – Джет посмотрел на него и неожиданно жестко повторил: – Теперь ты будешь называть меня так.

Стас кивнул, еще не совсем понимая, что происходит.

Понимал только одно – он не может его ослушаться. Как сказал хозяин, так и будет.

Хозяин?!

– Поднимись и стань у окна, – приказал Джет.

Стас твердо знал одно – этому человеку надо подчиняться. Он не враг, он друг… или даже больше. То, что он велит, отныне – закон.

Поднялся. Стал у окна.

Что происходит? Что с ним?

– Все прошло отлично, – произнес Ворм, тоже поднимаясь с места. – Алису бы так закодить. Джет, у этого парня, – он кивнул на Стаса, – проблемы. Ты в курсе?

Джет утвердительно качнул головой, но Ворм счел своим долгом объяснить:

– У него сломан барьер. Если через несколько дней с него не снимут прежнюю закладку, ему кирдык.

– Я знаю, – сказал Джет. – Но ты же ничего не можешь сделать?

Ворм развел руками:

– Такое оборудование в магазине не купишь.

– Что происходит? – спросил Стас.

– Для тебя уже все произошло, – ответил ему Джет. – Добро пожаловать в армию мультов, Стас. Не волнуйся, я добрый хозяин и не гей.

Какое-то время Стас смотрел на него, не понимая, о чем тот говорит.

– В каком смысле? – с глупым видом выдавил он.

– Он что, не понимает? – спросил Ворм у Джета.

– А мульты никогда ничего не понимают, пока им не объяснишь, – ответил Джет. – Он не чувствует ничего, пока я ему приказ не отдаю. Ты же заточку ставил.

– Я же покупал софт, а не писал, – признался Ворм. – И вирусы тоже покупал.

– Кстати, у кого покупал? – поинтересовался Джет.

– Аноним. Я не отслеживал.

Джет усмехнулся, поскреб щетинистый подбородок.

– Забавно. Честно говоря, это мой первенец. Рабовладельческий строй возвращается, да, Тасик? – И подмигнул Стасу.

– Что происходит? – спросил парень.

– Программа-«заточка», Стас. Ты теперь – мое второе я.

Джет рассматривал свое тело, смотрел на правую руку, на тыльной стороне которой переливалась странная татуировка.

– Это какой-то розыгрыш или…

– Заткнись, – оборвал его Джет.

И… Стас заткнулся, понимая, что ослушаться этого человека он не в силах. Не мог ослушаться. Не имел права.

– Забавно, – сказал Джет, глядя на свою татуировку. – Это тело было в «Сантане», а я его не помню. И кто это у нас…

Джет замер, белки глаз на секунду закатились, потом он открыл глаза.

– Упс… Ворм, скажи мне, где ты взял этого нелегала, который к тому же убил сына Учителя?

– Случайно подвернулся. Я договаривался с другим. Кстати! – Ворм щелкнул пальцами. – Будь добр, достань кое-что из кармана… да, из этого. И верни мне.

Джет вытащил две пачки купюр, подбросил их на ладони, потом одну из них спрятал обратно, а вторую, поменьше, протянул Ворму.

– Мне надо будет очки купить, – словно извиняясь, сказал он.

– Черт! Там десять кусков. Сколько стоят хорошие очки, Джет?

– Мы делаем одно общее дело, – отозвался Джет и посмотрел на Стаса. – Верно?

– Да, – бесстрастно ответил Стас.

– А мне он нравится! – заявил Джет, обращаясь к Ворму. – Раньше он был глуп как пробка и при этом задавал ненужные вопросы. Теперь он превратился в послушный инструмент и вроде как даже поумнел. Таким он мне нравится.

– Я думаю, нам надо сваливать отсюда… – сказал Ворм. – Ты

говорил, что знаешь курьера клиники…

– Его зовут Архивариус, – сказал Джет. – Слышал про такого? Его когда-то называли одинцовским оракулом.

Ворм покачал головой.

– Я вас познакомлю. Эй! – Джет щелкнул Стасу пальцами. – Пошли.

Стас даже и не думал ослушаться.

* * *

Его взломали. Как взламывают любую другую программу. Взломали и подчинили себе. Раньше это называлось зомбированием… хотя нет. Он ведь все понимает. Понимает, что стал рабом, что его подчинили помимо его воли. Он помнит все и как бы остался прежним. Только вот хозяин для него теперь значит больше, чем он сам. И он не сможет ничего изменить, потому что любая мысль об этом стирается прежде, чем он успевает ее осознать. Стас стал мультом Джета.

Кто этот Джет? ИскИн, считающий себя живым человеком? Или живой человек, считающий себя компьютерной программой?

Он даже не мог задать себе эти вопросы, не мог заставить себя разобраться в этом – потому что он раб. Раб своего Хозяина. Он мог только подчиняться Джету. Выполнять любое его требование, делать все ради его безопасности, ради него самого. Его отдадут кому-то для того, чтобы рассчитаться закладкой. При этом их совершенно не волнует, что произойдет потом со Стасом. По сути, его продадут. Как продавали когда-то рабов, теперь продают так же мультов.

Он все понимал – и принимал как неизбежное.

Ему оставалось только выполнять указания хозяина. И ждать.

Часть 2
Такечи апгрейд

Архивариус обитал в Одинцово, в пятиэтажном доме, построенном в середине прошлого века. Через дорогу напротив стояла не менее старая, чем дом, церквушка – база то ли баптистов, то ли адвентистов седьмого дня. Архивариус имел обыкновение наблюдать за ее прихожанами, стоя у окна.

Вот как сейчас. Он застыл у подоконника, и его неподвижный, бесстрастный взор из-под маски был устремлен на улицу. О том, что это живой человек, а не статуя, свидетельствовала лишь выбившаяся и спадавшая на черный балахон клочковатая борода.

Темный капюшон на голове придавал ему сходство с индийской коброй. И оно было бы куда большим, если бы не изображенный на его одеянии спереди и сзади силуэт Че.

Он пил. Употреблял наркотики. Слушал даст-рэп и звуки морского прибоя. Когда он спал, его душа устремлялась в астрал, витала в энергоинформационных потоках и беседовала с апостолом Павлом о сущности мироздания.

Вроде бы он сидел в Райсе. От нее и бытие аскета: гелиевый матрас прямо на полу, две табуретки и стол, заставленный бутылками, пепельницами, банками-склянками. При этом в комнате до омерзения чисто. Вылизано все. Кроме стола. На столе – срач. От стола – смрад.

На двух единственных табуретках сидели Ворм и Джет. У входа встал Стас. Архивариус повернулся и обвел всех троих медленным, отрешенным взглядом.

– Нам запрещено встречаться, но в этом правиле тоже есть исключения… – Казалось, Архивариус говорит сам с собой.

Ворм, несмотря на то, что чувствовал себя полным идиотом, собравшись все же с духом, задал вопрос:

– Ты поможешь нам?

– Наступил век алхимиков. Люди наконец-то научились обращать ценности в дерьмо. Поможет ли кто им?.. – Ощущение от его голоса было такое, словно звонил погребальный колокол.

Ворм переглянулся с Джетом, но тот не проронил ни слова, лишь слегка улыбнулся и поправил очки на носу.

– Что тебе известно про «Такечи апгрейд»? – снова спросил Ворм, вглядываясь в лицо Архивариуса.

Едва заметная тень скользнула по нему… Или показалось?

Архивариус, помолчав, произнес:

– Можно из грязи создать бриллиант. Можно черное сделать белым. Но еще никому не удавалось подчинить себе Бога. Хакер, ты видел когда-нибудь восход солнца над полем битвы? Когда его лучи играют на запекшейся крови, а тела внезапно…

– Хватит уже! – раздраженно перебил его Ворм. – Я задал тебе конкретный вопрос и хочу получить конкретный ответ: да или нет.

– Муравей… – не слыша его, монотонно продолжал говорить Архивариус, – ты муравей. Сначала – туда, потом – обратно. Вперед – назад. Плоскость. Двухмерная графика смысла жизни.

– Чего? – недоуменно прищурился хакер.

– Он имеет в виду двоичную систему, – наконец-то подал голос Джет.

– Да. – Архивариус улыбнулся, обнажая на удивление крепкие и белые зубы. – Или нет. Да-нет. Белое-черное. Вперед-назад. Жизнь-смерть. Жизнь в двоичном коде.

Когда они только вошли сюда, Джет предложил Ворму первым пообщаться с Архивариусом. И вот уже минут двадцать Ворм безуспешно пытался выяснить, имеет ли Архивариус какое-то отношение к клинике «Такечи апгрейд».

– Ты можешь нормально сказать или нет?! – окончательно рассвирепел Ворм.

Но тут Джет произнес:

– Ну все, хватит.

Он поднялся с места и шагнул к хозяину квартиры:

– Солнце больше не дает тепло. Ультрафиолет умер с последними детскими мечтами.

Взгляд Архивариуса скользнул по руке Джета и остановился на его запястье. В утреннем свете переливалась гелиевая татуировка «Сантаны», которую, по слухам, невозможно подделать.

– Эти стены помнят лица и помнят знамения. На каждого медведя найдется охотник, на каждого императора найдется Че.

– Правит тот, кто остается, а не тот, кто уходит. – Джет положил Архивариусу руку на плечо. – Птица хочет лететь, рыба хочет плыть.

– Птица не оставляет следа в небе. Рыба не оставляет следа в воде. Мудрый человек не оставляет следов.

– След видит тот, кто смотрит, след помнит тот, кто знает, след чувствует тот, кто верит.

Ворм с некоторой растерянностью слушал этот безумный разговор, но вмешиваться не решался.

Неожиданно Архивариус повернулся, подошел к Стасу и некоторое время пристально смотрел ему в глаза. Потом изрек:

– Пишущий думает, говорящий живет. Изрекающий истину плетет узор всего мира.

– Твои слова для тех, кто знает, – сказал Джет.

– Они для тех, кто верит. – Отойдя от Стаса, Архивариус всего лишь на секунду закрыл глаза, а когда открыл, вдруг запел: – «И умрет апрель, и родится вновь, и придет уже навсегда…»

Он замолчал, оборвав песню. Засмеялся, ткнул пальцем в Джета:

– Теперь ты пришел навсегда? Ты еще помнишь свою первую игру?

– Я помню все, – сказал Джет. – Где?

– Отстойник. «Метрополис». Картье.

Архивариус лег на матрас, давая понять, что разговор окончен.

Они молча вышли из подъезда, перешли на другую сторону улицы, и только тогда Ворм сказал:

– Я ни хрена не понял, чего там наплел этот двинутый на всю голову.

Джет улыбнулся, но ничего не сказал.

– Это какой-то шифр? – спросил Ворм.

– Ты живешь в двоичном коде, помнишь?

Все трое остановились возле высокого церковного крыльца.

– Когда-то Архивариус загрузил в свой разум деструктивный софт. Ворованные исходники корректировочных программ – в них вписывают алгоритмы активации эмоциональных матриц.

– А… Вечный кайф, – догадался Ворм. – В тюрьме я знал нескольких, кто сидел на таком софте. Но те вроде адекватные были.

– Баг в программе, – объяснил Джет. – Софт был заражен вирусом.

– В виртуальный героин насыпали стрихнина?

– Угу, – согласно буркнул Джет. – С тех пор Архивариус и стал таким. Я слышал, он несколько раз делал себе пластические операции, чтобы внешность соответствовала внутреннему содержанию. Потом просто стал прятать лицо под маской.

– Он сошел с ума?

– Нет. Это видение нашего мира под иным углом. Непонятным для других.

– Но ты же понимал его?

Джет кивнул:

– Да, понимал. Я тоже когда-то загружал в себя этот софт. Пойдем. Надо уходить. Архи сказал, что слишком многие нас ищут.

«Когда, интересно, он это сказал…» – подумал Ворм, догоняя

своего подельника.

* * *

…Лос-Кабос. Блонди с сиськами пятого и шестого размера… В зеркале – незнакомец… В кармане – стопка купюр… Рядом – администратор отеля, подобострастно пригнувший спинку… Казино, коктейли, сигары, белоснежные смокинги…

Трель телефона бесцеремонно ворвалась в сон и вернула Куратора в реальность. Все еще наполовину пребывая в сладких сновидениях на мексиканском побережье, он прижал трубку к уху и нехотя пробурчал что-то. В ответ – краткое:

– Ты потерял инкубатора.

– Что?! – Остатки сна улетучились мгновенно. Блонди и администратор исчезли. Лос-Кабос превратился в руины.

– Семнадцать минут назад сигнал Стаса был заблокирован. Данные о его последнем местонахождении ложные. Мы недовольны твоей работой.

– Но… он же… Как такое возможно? – Куратор тщетно силился понять, что происходит.

– Возможно всё. Мы предполагаем, что инкубатора уже перепрограммировали. Выражаясь на вашем сленге, он теперь мульт одного из похитителей.

– Кто это сделал? – оторопело спросил Куратор. Прижав трубку к уху, он вскочил с постели и стал натягивать штаны.

– Нам известно, что их двое. Хакер Александр Прокин, сетевой ник – Ворм и наемник-нелегал Винсент Джанко.

– Откуда они взялись? – растерянно бормотал Куратор.

– Меньше хлебалом надо щелкать, – вдруг жестко ответил голос.

Куратор никак не мог привыкнуть к подобной манере невидимых собеседников переключаться с бесстрастного и ровного тона на грубый и бесцеремонный. Каждый раз голос, внезапно меняя интонацию, заставал его врасплох.

Их было много, таких голосов. Безымянных, безадресных. Это инспектора внутренней СБ корпорации – единственное связующее звено между высшими чинами «Волхолланда» и теми, кто задействован в нелегальных засекреченных проектах. Жесткое прикрытие.

– У тебя… у вас есть информация на них? Фотографии, контакты…

– Тебе отправили их личные дела, можешь посмотреть. Они умело обходят «Нарайяну» и систему спутникового слежения. Мы

пришлем тебе своего специалиста. Его имя Ти-Бон. Будешь делать все, что он скажет.

«Зачем присылать, если у меня есть свои специалисты?» – хотел спросить Куратор, но не успел. В трубке раздался сигнал отбоя.

Помедлив, Куратор убрал телефон и сел за стол.

Да уж… Сюрприз на сюрпризе – один другого приятнее.

Вспыхнул матовым светом экран холографа. Натянув на руки перчатки, Куратор пробежал пальцами по клавиатуре.

«Александр Прокин (WWWorm). Хакер. Небольшие познания в брейн-программинге. Подозревался в виртуальном терроризме, но доказать ничего не удалось. За попытку убийства в состоянии аффекта был приговорен к трем годам в ЗТср-12, в Подмосковье. Через полтора года вышел по условно-досрочному. Постоянного места жительства нет. Едва вышел, у китайских хирургов-подпольщиков установил себе сетевые имплантанты. Несколько дней назад снял на неделю квартиру в Филях. Сегодня ночью прибыл туда вместе с Винсентом Джанко. Чуть позже туда же приехал Стас Морозов. Один. Судя по всему, уже отключенный от системы наблюдения».

Всё.

«Винсент Джанко. Наемник-профессионал. Прошел обучение в „Сантане“. Имп с начинкой „Силоджик“. Гражданство – США. Состоял в организации наемников „Армада“. Сознательно нарушил условия контракта и тайно эмигрировал в Россию. Примкнул к небольшой группировке, занимавшейся модным ныне экстрим-развлечением – Охотой на людей. Работал проводником… Сегодня ночью на Охоте убил клиента – сына известного криминального авторитета и недавнего донора Стаса – Эраста Турчинова. Позже устроил перестрелку в баре. Затем встретился с Вормом, после чего прибыл вместе с ним на ту же самую квартиру в Филях».

Куратор откинулся на спинку стула, размышляя над только что полученной информацией. Хакер, наемник-американец… И что это все значит? Что их связывает? Один только что вышел из тюрьмы, другой убил сына известного бандита…

Сказать, что Куратор ничего не понял, – ничего не сказать. Одно известно точно: дело пахнет жареным.

Он поднялся, прошелся по комнате, напряженно думая и время от времени бросая взгляды на трехмерную картинку личного дела наемника.

Потом взял стержень телефона, создал соединение.

* * *

Свободный чистый гейт распахнул свои объятия, принимая два соединения.

– Его похитили!

Аватар, электронная речь шифратора – все пронизано паникой. Боится, старый лис. Ему страшно. И возможно, не только за потерянные пять с половиной миллионов.

– Насколько нам известно, его пытаются привезти к нам, – ответил бесстрастный голос кибера.

– Но этот инкубатор принадлежат мне! – От негодования Куратор дергался, словно под разрядом тока. – Его украли у меня!

– Значит, у него в голове действительно что-то ценное. Но деньги получит тот, кто приведет его первым и передаст нам закладку, – ответил лишенный эмоций голос.

– Ты… – Куратор задохнулся. – Ты не можешь так поступать, мы же партнеры!

– Найди его – и я с удовольствием переведу деньги, куда скажешь. В конце концов, за сохранность инкубатора отвечаешь ты. И вообще, не стоит так волноваться. Будут у тебя и новые инкубаторы, и новые закладки, которые мы с удовольствием приобретем. А теперь, извини, у меня дела.

Аватар кибера моргнул и потух.

Куратор стянул с рук перчатки-манипуляторы, снял шлем и выругался.

С «Такечи апгрейд» у него состоялось всего четыре сделки. Партнеры, которых он ни разу не видел в лицо, исправно платили, никогда не оставляли следов. Он рискнул иметь с ними дело еще раз и надеялся, что в последний. Потом Куратор должен будет исчезнуть, а где-то в Лос-Кабосе, рядом с сиськами и халдеями появится еще одна жертва пластической хирургии. Казино, коктейли, сигары и смокинги – чем не хеппи-энд для старости.

Но каких-то два мудака нарушили весь его ювелирно выверенный сценарий. Можно сказать, угнали яхту из-под носа.

То, что Куратор был взбешен, еще мягко сказано.

* * *

Адрес, названный психом, Ворму не нравился. Отстойник не самое гостеприимное место. Ни один из троих не был тут раньше, но Джет, покопавшись в тайниках памяти Винсента, ориентировался здесь не хуже, чем это делал прежний хозяин тела. Во всяком случае, до насосных станций они дошли без приключений. Информации о дальнейшем пути в памяти

проводника не было, о чем Джет и сообщил своим спутникам. Стас выслушал его без интереса: до происходящего ему не было дела. Зато Ворм, в отличие от него, нахмурился: путешествие по Отстойнику – дело рискованное. Бродяги, обитавшие здесь, вполне могли запомнить проводника, ранее водившего любителей экстрима на Охоту. В таком случае они не успокоятся, пока не отомстят. Хотя тут вполне могут пристрелить и просто так – за куртку со штанами. И даже имп не исключение, каким бы крутым он ни был.

– Что такое «Метрополис»? – настороженно озираясь по сторонам, спросил Ворм.

– Развлекательный комплекс для гастарбайтеров, – пояснил Джет.

– Разве здесь строили такие комплексы? – недоверчиво спросил Ворм.

– Тут работали тысячи нелегалов из Молдовы, Таджикистана, Украины. Свой грошовый заработок все они отсылали домой. Китайских боссов, которые контролировали Отстойник, не устраивало то, что деньги уходили мимо. Вот и начали ставить притоны. «Метрополис» планировалось сделать одним из таких центров. Местечко обещало быть доходным: казино, наркотики, проституция…

Джет осмотрелся. Они сидели между двумя разрушенными стенами какого-то здания. Одна половина его сгорела, по другой не иначе проехался десяток бульдозеров.

– Ты знаешь дорогу к «Метрополису»? – спросил Ворм.

– Только приблизительно. Он где-то там, на юге. – Джет махнул рукой в сторону широкой дороги, загроможденной остовами разбитых машин, поваленными столбами, ящиками, какими-то балками. – Насколько мне известно, его так и не достроили. Как раз в то время здесь и началась Желтая Битва.

Помолчали.

– Говорят, эту войну развязали славянские группировки, – сказал Ворм.

– Херня, – отрицательно качнул головой Джет. – Сами же китайцы первыми и начали. Два крупных тонга не поделили какой-то трикотажный завод, вот и поднялась заваруха. А славяне уже потом подключились, под шумок намереваясь все прибрать к рукам. В итоге все закончилось тем, что ты видишь.

Пауза. Ворм посмотрел на Джета, о чем-то задумавшись. Потом неожиданно спросил:

– Джет, ты помнишь, как пришел за мной в Райсу?

Тот вздрогнул. Или Ворму показалось?

– Почему ты вспомнил об этом? – Голос Джета звучал

настороженно.

– Ты собирался меня убить тогда. Но не убил. Почему?

Джет помолчал. Потом вместо ответа сказал:

– Нам пора идти. Стас!

Парень встал, шагнул к своему хозяину. Собака услышала «рядом!» – и выполнила команду.

Некоторое время они шли молча.

– Столько прошли – и ни одного человека, – пробурчал Ворм.

– Трое. – Джет сжал кулак. На костяшках обозначились едва заметные титановые шипы.

– Где ты их видел? – недоверчиво отозвался хакер.

– Недалеко от нас. Наблюдалы. Охота заставляет обитателей Отстойника прятаться в глубине территории и выставлять часовых. Главное – дать им понять, что мы пришли с миром.

– Ты не очень похож на миротворца, – с иронией хмыкнул Ворм.

– Мир – это промежуток между двумя битвами, – усмехнулся Джет.

– В отличие от тебя я не воин. – Хакер развел руками. – В мои планы не входит сдохнуть от руки бомжа.

– Все мы за что-то сражаемся. – Джет вышел на открытое место, огляделся. – Когда нас возьмут в кольцо, молчите оба. Разговаривать буду я.

– Возьмут в кольцо?!

– Мы уже в кольце. Сейчас они выйдут.

Джет поднял высоко вверх руку с автоматом, потом медленно нагнулся и положил автомат на землю.

– Бля… – еле слышно выругался хакер. – Джет, они нас не завалят?

– Насчет предсказаний – к Архивариусу, – с философским спокойствием ответил Джет. – Просто стойте спокойно и не двигайтесь.

Вскоре появились они. Сначала из-за горы мусора показались два вооруженных человека в темных очках и странного вида полушубках. Почти в ту же секунду с другого конца вышли еще трое. И вскоре Джета, Ворма и Стаса окружали десятка два людей в одинаковых полушубках. Оружие только вот разное. У кого-то новое, у кого-то – с потертыми прикладами, с насечками на стволах. Почти на всех – темные очки.

– Кто вы? – спросил один из них, старший.

– Мы ищем Картье, – сказал Джет.

– Не знаю такого.

– Его прайд живет в «Метрополисе». – Джет сделал шаг вперед, и стволы сразу же нацелились ему в голову.

– Прайд? Вот, значит, какое название придумали, – скривился его собеседник. – Ну вы и ублюдки… Зачем тебе Картье?

– У нас к нему дело.

– А может, теперь у вас новые правила? Стрелять не во всех подряд, а в кого-то конкретно? Вы, случайно, за убийства очки не начисляете, проводник?

– Я не проводник, – сказал Джет.

– Да что ты?! – Мужчина сплюнул под ноги. – Знаешь, что меня останавливает от того, чтобы выстрелить тебе в голову? Желание посмотреть, как тебя собаки жрать будут.

– Тебя останавливает не это, – произнес Джет. – Ты понимаешь, что просто так я бы сюда не пришел. Отведи меня к Картье.

– Багдад, дай, я ему мозги… – не выдержал было один из бродяг. И осекся под тяжелым взглядом вожака.

– Кто рассказал тебе про Картье? – после паузы спросил тот, кого назвали Багдадом.

– Не тебе задавать этот вопрос, – ответил Джет. – Не тебе и получать ответ.

Багдад задумчивым взглядом окинул всю троицу, потом кивнул одному из своих спутников:

– Обыскать и разоружить. И на всех – ошейники.

На шею каждому из троих надели тонкий никелированный обруч с начинкой из взрывчатки. Одно неосторожное движение – и голова вдребезги.

– Скажи, чтобы подъезжали, – приказал Багдад одному из своих людей.

Тот с ловкостью кошки забрался на ближайшую стену, за несколько секунд преодолев пять метров трещин и сколов, поднял вверх правую руку, опустил, снова поднял и согнул в локте, после чего так же быстро спустился на землю.

Вскоре послышался приближающийся рев двигателей. Наконец один за другим появились шесть автомобилей, представлявших собой гибриды джипов с отрезанным верхом и вездеходной подвеской.

На двух из них были установлены тяжелые крупнокалиберные пулеметы.

– У вас тут целая армия, – пробормотал Джет.

Багдад подошел вплотную, снял с него очки и, с ненавистью глянув в глаза, процедил сквозь зубы:

– Ты мне не нравишься.

Имп ответил легкой улыбкой:

– Ты не первый, кто мне это говорит. – Джет подмигнул. – Ты даже не в десятке.

* * *

Смерть – это легко. Смерть – это неотвратимо. Смерть – это не страшно. Смерть – это обыденно. Смерть – это не с нами. Это где-то там, это с кем-то. Смерть? Бывает. Ничего особенного.

До тех пор, пока она не приходит в твой дом.

Когда Учителю сообщили о смерти Эрика, он долго сидел, уставившись в одну точку. Пустота росла, заполняя все, чем он жил.

А потом внезапно ее сменила волна ненависти.

Учитель поднял голову и посмотрел на своих ближайших помощников.

– Найдите того, кто это сделал. Весь город переверните, но найдите мне его. Живым или мертвым. Лучше… лучше живым. Идите. Ну?! Идите!

Он выстроил свою империю, торгуя билетами в рай, обещаниями вечной жизни, отпущением грехов, истиной и словом божьим. Империя эта не самая крупная, но и не самая маленькая. Но главное – она ширилась, и в ней уже давно готово было место для Эрика.

Он строил грандиозные планы в отношении приемного сына. И теперь они рухнули в одночасье. Чтобы не потерять лицо, он просто обязан принять меры. Найти. Покарать. И главное – узнать причину.

У таких людей, как Учитель, всегда много врагов. Конкуренты, религиозные фанатики из соперничающих общин, завистники, обиженные. Одно дело, если убили из мести, и совсем другое – если это тщательно спланированная операция, в которой смерть Эрика только начало.

Через несколько часов пришло сообщение: убийцу Эрика видели в одном из баров. Пытались взять, но тот оказался профессионалом – положив нескольких человек, сам ушел невредимым.

Помощника, сообщившего об этом, Учитель собственноручно избил попавшейся под руку мраморной статуэткой Богоматери.

Учитель понимал, что упущен редкий шанс, второго может и не быть. И был прав.

Следующие два дня ничего не дали. Люди Учителя обшаривали все притоны, бары, катраны, подвалы… расспрашивали прихожан, всех предупреждали… Безрезультатно.

Удалось выяснить, что за несколько часов до своей смерти Эрик сильно повздорил из-за девушки с одним парнем. Девушку нашли и допросили. Она назвала имя: Стас Морозов. Когда попытались его найти, тот словно сквозь землю провалился.

В мозгу Учителя зашевелилось подозрение, что ссора была не случайной.

А через сутки пришло тому подтверждение. Импа с татуировкой «Сантаны» видели неподалеку от какой-то баптистской церквушки. С ним были еще двое, один из которых – тот самый Стас Морозов.

Сомнений не было: Эрика убили по заказу. Но найти убийц так и не смогли.

Еще через сутки состоялись похороны.

По заснеженному кладбищу двигалась траурная процессия из сотни автомобилей. В одной из машин сидел Учитель и, обнимая бившуюся в рыданиях мать Эрика, клялся себе, что найдет тех, кто это сделал. Виновные поплатятся кровью. Стоя перед вырытой могилой, он повторил слово в слово все свои мысли.

Потом говорили другие. А Учитель смотрел, как по дороге в их сторону направляется черная машина с флажком корпорации на капоте, и уже окончательно понимал, что случившееся было частью чьей-то чужой игры.

Из машины вышел Куратор, сняв шляпу, направился к могиле и остановился неподалеку. Учитель шагнул к нему.

Они знали друг друга. Не настолько близко, чтобы обниматься при встрече, но вполне достаточно для того, чтобы хотя бы поздороваться.

– Мои соболезнования, – произнес Куратор, и святоша чуть опустил голову, принимая их. – Ты ищешь тех, кто виновен в смерти твоего сына?

Скорбное выражение лица Учителя мгновенно сменил недобрый прищур:

– Если ты знаешь, где они, так и скажи.

– Не знаю. Поэтому я здесь. Пока известно только, что один из них хакер, другой – имп-наемник. Они профессионалы. Наемник обучался в «Сантане», и это создает определенные трудности – его обучали уходить от всех систем слежения. С ними еще один парень.

– С вашими возможностями их найти не проблема, – недоверчиво заметил Учитель.

– Наших ресурсов не хватает. Они не пользуются Сетью и телефонной связью, не попадают в поле видеонаблюдения. Если твои люди обнаружат их первыми, все, что от тебя требуется, это указать их местонахождение. С двоими можешь поступить, как хочешь. Нам нужен только мальчишка. Его зовут Стас. Он ровесник твоего сына.

Учитель помрачнел.

– Он заказал Эрика. С какой стати я должен отдавать твоим

людям убийцу моего сына? Моего сына, ты понимаешь это?! – Он придвинулся к Куратору вплотную, его лицо пылало гневом.

Куратор посмотрел на толпу, стоящую у могилы, потом обвел взглядом памятники, окружавшие их.

– Твоего приемного сына убил наемник, а Стас не имеет к этому никакого отношения. Твои люди не смогут ничего сделать без нас. Имп, прошедший обучение в «Сантане», – у тебя нет никого, кто смог бы противостоять ему. К тебе придет мой человек. Просто помоги их найти.

– И ты думаешь, что я буду выполнять твои указания?

– Не думаю – знаю. У тебя нет другого выхода. Ты уже не первый раз лезешь не в свои дела, не так ли?

– Запомни, я…

– Еще раз прими мои соболезнования. Мой человек придет к тебе завтра.

И Куратор, повернувшись, направился к своей машине. Учитель смотрел ему в спину и думал, что только похороны сына останавливают его от того, чтобы достать пистолет и выстрелить этому самоуверенному типу в затылок. Хотел так думать. Но понимал, что на самом деле это не так.

* * *

Человек от Куратора сказал, что он кореец.

Кореец, китаец, японец, вьетнамец – разницы между ними Учитель не видел никакой. Он ненавидел узкоглазых больше, чем ниггеров, и ненависть эта была вполне оправданна. Буддисты, даоисты, кришнаиты – все они отбирали у него хлеб.

Учитель так и спросил, когда этот человек зашел к нему и сообщил, что он от Куратора, мол, что, в корпорации нет православных славян, что они прислали китайца?

Тогда гость сказал, что он кореец. Ну и какая, на хрен, разница?

Нет, ну он не совсем был похож на корейца-китайца. Какой-то нестандартный: белые волосы, брови – все белое, даже глаза отливали каким-то светлым стальным блеском. Хотя согласно генофонду желтой расы, он должен быть черноволосым и черноглазым.

Даже татуировка отличала его от собратьев. Прежние узкоглазые, с которыми приходилось иметь дело Учителю, были разукрашены татуировками похлеще, чем славяне-бандиты. Всякие драконы, цветы, просто узоры – у этого альбиноса они отсутствовали. Вместо них была всего одна.

Но какая!

Круг в овале, обрамленный трехмерной цепью, и еще несколько знаков, похожих на древнюю криптограмму.

«Сантана».

Это заслуживало уважения не меньше, чем бугры мышц на шее и следы имплантантов, но Учитель слишком сильно ненавидел узкоглазых. Терпеть их – может быть, но не уважать. Импов Учитель тоже ненавидел.

Кореец сел в кресло, сел без приглашения, чем добавил еще одну каплю в сосуд ненависти Учителя. Неприятно хрустнул пальцами.

– Меня зовут Ти-Бон.

Учитель никак не отреагировал на это. Очень бесил сам факт, что приходится общаться с обычной шестеркой. Он смотрел на плавающих в аквариуме рыбок и чертыхался про себя, с трудом изображая внешнее спокойствие.

– Мне надо встретиться с Джамбой. – Кореец перебирал в пальцах иллюзорные четки, в которых вместо бусин были человеческие глаза.

«Быдло корпорации. Решил произвести этим впечатление или действительно – больной псих?»

– Чем я могу помочь тебе? – спросил Учитель.

– Устрой мне встречу с Джамбой, – ответил кореец. – Он не вылезает из Гарлема, а искать его там бессмысленно.

– Гарлем его район, – сказал Учитель. – Джамба принадлежит культу вуду, у нашей Церкви нет ничего общего с ним.

– Весь кокаин, которым он торгует, идет через тебя, – произнес Ти-Бон. – Так что напрягись и сделай то, о чем я тебя прошу, пока я не создал тебе проблем.

Это уже было слишком.

На мгновение Учитель прикрыл глаза.

– Ты пришел в дом Господа. Если ты думаешь, что…

– У меня нет времени обсуждать твои дела. Свяжись с Джамбой и предупреди его, что с ним хотят поговорить. Это первое. Второе – твои ряженые придурки взяли девчонку, которая встречалась со Стасом. Ее надо отпустить. Третье – Стас принадлежит нам, и, если тебе что-то станет известно о нем или его спутниках, ты сразу же сообщишь мне. Четвертое – пусть среди твоих прихожан пройдет слух о том, что Стаса и его спутников ищет корпорация «Волхолланд». И у того, кто окажет им помощь, будут большие неприятности. Выполни эти четыре заповеди, и будет тебе счастье.

Четки в руках Ти-Бона замерцали, глаза превратились в человеческие головы. С одинаково длинными седыми волосами,

которые, казалось, развевались, проскальзывая между длинными ловкими пальцами импа.

С минуту Учитель неотрывно смотрел на эти головы, как загипнотизированный, пока перед его лицом не щелкнули пальцами, выводя из ступора.

– Ты оглох, святоша? Имеющий уши да услышит.

– Ты ошибаешься, сын мой…

– Сын твой сейчас на Ваганьковском. Кстати, насчет детей… Ты действительно настолько оборзел, что решил его сделать новым Мессией?

На этот раз Учитель не смог сдержаться – лицо потемнело от гнева, он даже приподнялся было, но сел и, тяжело дыша, расстегнул тугой воротничок рясы. Быстро взял себя в руки, только глаза продолжали сверкать ненавистью.

– Ты слишком много разговариваешь для наемника, – прошипел он, незаметно нажимая коленом кнопку, вмонтированную в тыльную сторону крышки стола. – Ты что, – он поднес палец к лицу Ти-Бона, едва не касаясь его, – думаешь, что ты единственный имп в мире?

Щелкнул замок двери – в комнату вошли трое и стали за спиной альбиноса. Импы старых модификаций. Класс C или D. Не ахти какая сила, но что делать, если всех боевиков забрал отец Кирилл, отослав их на поиски убийцы Эрика.

Почти в унисон щелкнули предохранители.

– Разве твоя вера поощряет насилие? – слегка небрежно спросил Ти-Бон.

– Ты правильно подметил, это моя вера, – куражась, ответил ему Учитель. – Поэтому сейчас я преподам тебе один очень важный урок, суть которого состоит в том, что…

Но тут вдруг Учитель словно ощутил в душе слабый тревожный укол: что-то было не то.

А еще показалось, что одежда на госте зашевелилась… Бред какой-то. Или не бред? Ох, черт, да она и вправду…

Ти-Бон положил одну руку на стол, из ладони выпали две капсулы.

– У тебя будет примерно три-четыре секунды, чтобы вставить их в уши, – негромко сказал он.

– Чего? – не понял Учитель и тут же от чудовищной боли выпучил глаза, словно ему в зад засунули раскаленную кочергу.

Стоящие сзади люди застонали и, как по команде, стали оседать на землю, хватаясь руками за головы.

Учитель, навалившись всем телом на стол, схватил капсулы и судорожно стал запихивать их себе в уши, с ужасом глядя на насмешливую улыбку неподвижно сидевшего Ти-Бона.

Голова, казалось, сейчас лопнет – внутри творился самый настоящий Армагеддон боли и страха. Но едва обе капсулы оказались в ушах, боль сразу же отступила – только обильно выступивший на лбу и в подмышках пот напоминал о ней.

Учитель тяжело дышал, глядя, как трое его людей корчились в судорогах, вцепившись руками в волосы и суча ногами по полу.

Один за другим они затихли в считаные секунды. Ти-Бон повел правым плечом, потом кивнул Учителю.

Облизав губы и нервно сглотнув, тот вытащил из ушей капсулы.

– Будем считать это твоим неудачным тестом, – сказал имп. – И помни о четырех заповедях. Тебе понятно?

Учитель смотрел на три безжизненных тела бывших охранников, стоивших ему больших денег, и понимал, что другого выбора у него нет. В конце концов, это ведь не так сложно – а ссориться с корпорацией рано.

Пока еще рано.

– Да, – сказал он, стараясь не смотреть в глаза корейцу. – Да, мне все понятно.

* * *

По словам Джета, должно было быть три периметра охраны. Ворм пока увидел только десяток вооруженных человек, встретивших их у входа в «Метрополис». Тем не менее у Ворма пока не было оснований сомневаться в его словах.

Их держали под прицелом и тогда, когда они ехали, и когда уже стояли перед входом в недостроенное двухэтажное здание. Один из встречавших проверил сначала всех чужаков по очереди ручным сканером, потом показал Багдаду дисплей с данными. Бегло просмотрев, тот махнул рукой:

– Заводите. Им нужен Картье.

Их завели внутрь. Огромный зал, несколько десятков колонн, упиравшихся в потолок, возле нескольких бочек с огнем грелись люди. Овальные окна затянуты полиэтиленом либо забиты досками.

Под ногами хрустел гравий. Повсюду разбросаны разнокалиберные автомобильные шины, так что приходилось лавировать между ними, словно в миниатюрном лабиринте.

В сопровождении Багдада и нескольких его людей они прошли в самый конец зала и остановились перед пустой шахтой лифта. Багдад показал на нее пальцем. Джет подошел к самому краю, заглянул в зиявшую бездну и скептически уточнил:

– Что – прыгать?

– Смелее, имп, – буркнул Багдад. – Если бы я хотел вас убить…

– То сделал бы это раньше, – подхватил Джет, после чего, более не раздумывая, прыгнул. Багдад подал знак, и следом за Джетом прыгнул один из сопровождающих. Потом Стас, потом еще один из бродяг.

Ворм, подойдя к самому краю, прыгать не спешил.

– Я там кости не переломаю?

Отвечать ему Багдад не собирался – просто подошел сзади и столкнул, и хакер, вскрикнув, полетел вниз. Зажмурив глаза и приготовившись к… Почти сразу же его подхватила какая-то неведомая сила; он уже не летел, а планировал. Примерно десяток метров – и, открыв глаза, он увидел прямо под собой бетонный пол, утыканный остро заточенными штырями.

Ворм успел еще раз выругаться про себя, когда сила, поддерживающая ранее его тело вертикально, отнесла теперь хакера чуть в сторону. Он приземлился на свободный от штырей квадрат пола и выругался, наконец, уже вслух. Стоявший рядом Джет неизменно улыбался.

– Ломаная гравитация. Не перестаю удивляться их технической оснащенности.

Багдад, словно чародей в развевающихся одеждах, возник сверху, проплыл под потолком и опустился рядом.

Они стояли на развилке из нескольких галерей, и Багдад, показав рукой в направлении одного из мрачных, зловещих коридоров, уверенно шагнул в темноту.

На бетонных стенах, разрисованных граффити и освещенных люминесцентными лампами, видимо, имелись указатели, потому что Багдад несколько раз останавливал на них взгляд, когда они подходили к очередной развилке…

Конечным пунктом назначения была небольшая комната с трухлявой, жутко скрипевшей деревянной дверью. Они зашли туда втроем – так велел Багдад, оставшись со своими людьми снаружи.

Через секунду в комнате возник силуэт человека.

Это была визуализационная проекция. Лучи шли откуда-то сверху, и казалось, что у фигуры не было лица. На том месте, где оно должно было быть, зияла матовая чернота.

– Ну и что вам нужно?

Благодаря множеству скрытых динамиков негромкий голос исходил, казалось, со всех сторон.

Ворм переглянулся с Джетом. Тот шагнул к фигуре и произнес:

– Мне нужен Картье.

– Я Картье. Чего ты хочешь, огрызок ИскИна?

– Выход на «Такечи апгрейд».

– Когда тебя в последний раз называли идиотом, имп? Ты хочешь прокачать себя для того, чтобы потом убивать наших братьев? Ты был проводником у охотников, и теперь твоя жизнь – явление временное. Поправь, если я ошибся, самоубийца.

– На тот момент тело контролировал другой человек, – поспешил объяснить Джет. – У вас нет причин мстить мне.

– Серьезно? Легенда из разряда «а эти пять килограммов трэдла мне подбросили».

– Иногда ведь действительно подбрасывают.

– Только не такое количество, мистер Тупое Бревно. Ты ИскИн?

– Нет.

– Понятно. Плавающий линк. Почему ты взял именно это тело?

– Случайность.

– Конечно же, я тебе верю. Каждому твоему слову верю. Чего ты хочешь, бомж разума?

– Пластику и полный апгрейд для двух человек. Имплантанты последнего поколения. Комплект сетевых и комплект боевых. Ну и, разумеется, весь необходимый софт для них.

– Ты сейчас на три миллиона наговорил. Дорогое удовольствие для лузера.

– У меня есть чем заплатить. – И Джет кивнул на Стаса.

Фигура, проплыв через всю комнату, остановилась перед парнем.

– Кто это?

– Бывшая собственность корпорации «Волхолланд», – ответил Джет. – Инкубатор с закладкой боевого ИскИна. Одна из последних модификаций.

Некоторое время голограмма Картье молчала, потом проплыла обратно, остановившись возле ящика.

– Первые модели софта, которые мы делали, не могли управлять даже человеческим телом, – произнес голос. – Для экспериментов мы использовали сначала пациентов психиатрических диспансеров, потом тех, кто прошел через корректировку. Мозги выжигались десятками, а достичь требуемого результата не удавалось. Мы не подозревали о том, что любой ИскИн для брейн-программинга надо выращивать. Пока не узнали об инкубаторах. С того момента мы всегда были на шаг впереди них. Знаешь почему?

– Потому что вы такие гениальные? – усмехнулся Джет.

– Мы свободны, тупица. А теперь отвечай, четырехглазый, кто прислал тебя сюда? Кто назвал тебе мое имя?

– Архивариус, – ответил Джет.

Послышался смех. Он был похож на кашель или карканье ворона.

– Ты нашел общий язык с этим безумцем? Для линка ты слишком развитый, имп.

– Ты еще больше удивишься, когда узнаешь, кто я, – сказал Джет.

– Я узнаю. Обязательно узнаю.

Проекция Картье вновь задвигалась. Сначала она как будто немного выросла в размерах, потом подплыла к Джету.

– Этот инкубатор теперь твой мульт?

– Да.

– Кто ломал его защиту?

– Я, – ответил Джет. – Я был скинут вместе с закладкой. А заточку производил он.

И кивнул на стоявшего молча Ворма.

Картье задумался, потом пробурчал:

– Конечно же, вы самые хитрожопые и прописали ему на всякий случай несколько вирусов.

– Девять, – уточнил Джет и развел руками. – Сам понимаешь, не очень хочется оказаться в дураках, если вы вдруг решите на нас сэкономить.

Снова каркающий смех.

– Что ж… хорошо. Мне нужно проверить кое-что. Это займет около суток. Поживете здесь. Если все окажется в порядке, обговорим детали. Открой дверь и позови Багдада.

Джет распахнул дверь и махнул Багдаду, стоящему в окружении своих боевиков в коридоре. Тот вошел.

– Отведи их в гостевую. Примерно на сутки, под присмотром.

Изображение погасло. Багдад кивнул троице:

– Идите за мной.

* * *

Они уже несколько часов сидели в подземном каземате без окон. Единственное освещение, которое было здесь, всего лишь крохотная лампочка под потолком у входа. Накормили какими-то консервами и посоветовали поспать.

Джет и Ворм, сидя в углу, негромко переговаривались. Стас лежал на койке и смотрел в потолок до тех пор, пока сон не сморил его, а когда проснулся, его спутники уже спали.

Поднялся с койки, прошелся по комнате, прижался лбом к холодной бетонной стене.

Коснулся рукой ошейника, все еще сдавливавшего шею. Как у собаки. Или у раба в древности. И не важно, что у его хозяина точно такой же ошейник, – разница есть.

Задумавшись, он не услышал, как храп охранника прекратился. Очнулся, только когда раздался рядом негромкий голос:

– Не спится?

Это был тот самый бродяга, который сначала порывался выбить им мозги. Сидел на корточках возле двери, зажав между коленей штурмовой «калаш» и кутаясь в полушубок. Он был пьян. От него несло алкоголем и острым запахом немытого тела.

Стас изо всех сил сдерживал отвращение, которое внушал этот тип, и старался вдыхать воздух, отворачиваясь в сторону. С трудом подавив желание двинуть его ногой под ребра, он буркнул:

– Курить есть?

– Сигареты? – поинтересовался бродяга, доставая пачку.

– А есть еще что-то?

– Есть. Наверху. Только я не пойду. Лень. – Он говорил торопливо, проглатывая некоторые звуки. При этом смешно поворачивал голову, чуть вытягивая и опуская шею, словно попугай. Взял сигарету, зажигалку, прикурил. Что ж, и на том спасибо. Сел рядом.

– Азер. – Охранник протянул руку.

– Стас, – ответил парень пожатием.

Охранник тоже закурил, сплюнул под ноги.

– Парни сказали, что ты мульт. Что тебе мозги запрограммировали. Правда?

Стас молча кивнул.

– Офигеть. – Азер вновь смешно повертел головой. – Первый раз общаюсь с мультом.

Стас все так же молча сделал затяжку, не взглянув на собеседника.

– И что, ты должен выполнять все приказы своего хозяина? В натуре? И что, не сможешь отказаться? Не выполнить приказ? А если он скажет пулю в голову пустить? – не унимался Азер.

Стас снова не ответил. Трудно объяснить, что любой приказ хозяина – это не просто приказ. Это прописывается в мозгу как приоритетная команда, что даже такого понятия о ее невыполнении не существует.

– Слушай, мне просто интересно. Если тебе не хочется говорить на эту тему…

– Не хочется.

Азер понимающе кивнул. Снова некоторое время молчали. Курили, почти синхронно затягиваясь.

– Раньше мультами называли компьютерных персонажей, которых создавали вместе с основным персом, – сказал Азер. – Делаешь такого перса и используешь на всю катушку только лишь для того, чтобы основной герой стал сильнее. Видишь, как получается. Что когда-то было игрой, стало реальностью.

Азер поднялся, бросил под ноги окурок, тщательно затоптал его носком ботинка, забросил на плечо автомат.

– Пойду схожу за едой. Тебе пожрать принести?

Стас покачал головой. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Вообще.

Вернулся Азер быстро. В одной руке он держал пластиковую коробку с саморазогревающимся завтраком, в другой – бутылку какой-то мутной, похожей на мочу жидкости.

Включил разогрев на коробке, сделал большой глоток из бутылки и предложил Стасу. Тот отказался. Азер закурил еще одну сигарету и пояснил:

– Последнее время с бухлом тяжеловато. Раньше наши ходили в город, работали у китайцев, но из-за Охоты многие теперь боятся, а объезжать слишком далеко и опасно.

– Откуда у вас это все? Еда, оружие, технологии. Вы же… – Стас замялся.

– Бомжи, ты хотел сказать? – Азер хмыкнул и открыл коробку. Вилкой подцепил мясо, отправил в рот и сделал глоток из бутылки. – Нам помогают. Наши единомышленники. Кто, как и мы, хочет свободы. У них есть возможность нам помогать.

– «Такечи апгрейд»? – догадался Стас.

– Они многим помогают. – Азер, торопливо орудуя вилкой, заглатывал пищу. – Они прикрыли нас от властей. Теперь здесь не бывает облав, только эти гребаные охотники. – Перестав жевать, кивнул в сторону Джета: – Вот как тот ублюдок. Это же он твой хозяин, да?

– Почему вы живете здесь? Почему не идете в город? – Стас поспешил уйти от ответа на неприятный вопрос.

– Свобода. Здесь те, кто не хочет быть марионеткой. Политики, бизнесмены, священники – мы для них стадо. Там, в городе, в какой-то степени все мульты. Я не хочу кормить тварь в отутюженном костюме. И не хочу слушать масленую рожу, проповедующую о спасении души. И сам позабочусь о своем спасении, для этого мне не надо выполнять чьи-то желания, названные законами. – Бомж воодушевленно рубанул воздух рукой. – Потому что я свободен.

Медленные, с расстановкой хлопки в ладоши заставили вздрогнуть обоих и обернуться. Джет, лежа на своей койке, аплодировал, саркастически улыбаясь.

– Браво. Браво, дружище. Жаль, что твои слова не освободят Стаса от заточки.

– Я не брейн-программист, – буркнул Азер. – Но есть специалисты, которые смогут ему помочь.

– Есть. – Джет уселся на койке. – И ты тоже можешь им стать. Пойди освободи для начала калькулятор.

Ответом был металлический лязг – это Азер передернул затвор автомата.

– Что, хочешь меня убить? – Джет усмехнулся. – Хочешь. Но не можешь. Я сейчас гораздо более значимая фигура для вас, чем ты.

– Заткнись…

– Ты ничем не отличаешься от моего мульта. Запомни, морда пьяная, в этом мире не было, нет и никогда не будет ни одного свободного человека. И твоя свобода – это фикция. Миф, придуманный умными людьми для достижения своих целей. А ты такой же скот, как и все остальные.

– Не надо… – прохрипел Азер, вскидывая автомат.

– Если ты убьешь меня, мозги этого парня сгорят за несколько секунд. Знаешь, что у него в черепной коробке? Там жратва, выпивка и оружие для таких, как ты. Там гарантия вашей безопасности и того, что твоя иллюзия свободы сохранится и дальше. Положи автомат. Продолжай жрать и пить. Это – твоя свобода, можешь наслаждаться ею.

Открылась дверь. На пороге стоял Багдад с пистолетом в руке. Сзади него маячили еще несколько фигур.

– Автомат на пол! Быстро! – отрывисто скомандовал он. В лицо Азера уставилось дуло пистолета.

Тот охнул от неожиданности, от растерянности. Медленно положил автомат на пол, поднял руки вверх.

– Как же так? – Он издал звук, похожий на всхлип. – Эта тварь убивала наших, а мы за это не только отпускаем его, мы ему еще и помогаем…

– Идиот, – хмыкнул Джет. – Кто это – вы? Посмотри на себя, твоя участь – сдохнуть от цирроза печени или пули охотника. Ты даже на мясо для экспериментов не годишься…

– Хватит! – рявкнул Багдад.

Но было поздно. В руке у Азера блеснул нож, и он стремительно прыгнул в сторону Джета, стоявшего неподалеку.

Сухо щелкнул пистолетный выстрел. Азер качнулся и, выронив оружие, упал на колени. Повернулся, посмотрел на

Багдада, будто не веря, что это он нажал на спусковой крючок, потом перевел подернувшийся предсмертной пеленой взгляд на Стаса. И рухнул замертво. Джет, снова несколько раз куражливо хлопнул в ладони.

– Какая сцена! Голливуд отдыхает…

Багдад подошел к телу и присел возле него.

– Ты спровоцировал его, – глухо сказал он Джету.

– Да. И ничуть не жалею об этом, – усмехнулся тот.

– Ты знал его раньше, да?

Джет улыбнулся и произнес, пародируя ведущего одного из популярных шоу:

– Да, да! Это зачод, в рот мне ноги!

– Кто ты? – Багдад не разделял веселья Джета.

– Какая разница, главное, кем был он. Не так ли? Ты слышал про Лигу?

– Нет, – ответил Багдад. – Здесь нет прошлого. Здесь есть только настоящее.

– Прошлое всегда есть, – парировал Джет. – У всех. Даже у него. – И кивнул на Стаса, который все это время сидел молча на корточках и бесстрастно наблюдал за происходящим.

* * *

Машины Ти-Бон предпочитал спортивные и желательно белого цвета. Хорошая мощная тачка с эмблемой корпорации вместо номера давала возможность не только занимать правительственные полосы и превышать скорость – на них, словно мухи на дерьмо, слетались молодые девочки и мальчики. Блеск отполированной торпеды лишал их разума, они готовы были выполнять любые его прихоти только ради того, чтобы лишний раз посидеть в кожаном салоне этого чуда.

Ти-Бону не нужен был секс. Те, кого он сажал к себе в машину, интересовали его только как доноры. Эморфы. Он любил их. Он сидел на них. Крепче, чем наркоманы на трэдле. Да и как можно сравнивать суррогат из химических компонентов и чистый кайф, который дано испытывать только таким, как он. Но сначала – дела.

Первый визит – к ниггеру. Въезжая в Гарлем, Ти-Бон брезгливо поморщился. Грязь, слякоть – снегоуборочные машины здесь практически не работали. Придется после встречи с Джамбой посетить автомойку.

Проехал по нескольким улицам, с презрением глядя на срач и разруху, в которой жили аборигены. Потом с удивлением понял,

что заблудился. Хотя и слышал про ниггерские фокусы вроде передвижных домов, когда одни проезды перекрывались стенами, а другие открывались, не думал сам попасть в такую ловушку.

Подключился к навигатору, быстро сориентировался, объехал несколько домов и остановился у одного подъезда, на стене возле которого была нарисована большая пятидесятицентовая монета. Дверца машины с тихим шипением поднялась вверх. Едва Ти-Бон вышел, как из подъезда появились три крепких парня. Двое – чернокожих. Третий – белый, держал под мышкой баскетбольный мяч. Конечно. Это не просто любовь к игре, это нечто большее. Это стиль. Неважно, что на улице снег и минус десять. Белый изо всех сил пытается показать, что верен традициям Гарлема.

И таких, как он, здесь много. Они считают, что если носят G-Unit, слушают If I Die Tonight и играют в стритбол, то становятся своими парнями среди черных.

Взглянув на номер машины и не обнаружив такового, белый спросил:

– Ты кто такой, вайт?

Местным жителям, по большому счету, наплевать на корпорацию. Здесь другой мир, другие ценности, другие авторитеты. Здесь нелегалов в процентном отношении столько же, сколько в Маленьком Китае.

– Он не вайт, он чина, – уточнил его темнокожий спутник на чистейшем русском языке.

– Это чина-вайт, – подытожил третий и повторил вопрос своего друга: – Ты кто такой?

Не время. Потом. Не сейчас. Может быть, позже.

Ничего не ответив, Ти-Бон шагнул на ступеньку крыльца, собираясь обойти их, но один из черных не дал пройти, уперевшись рукой ему в грудь.

– Я задал тебе вопрос, вайт… чина-вайт.

Раздался щелчок предохранителя – белый приставил к голове Ти-Бона пистолет.

– Напрасно, – коротко сказал Ти-Бон.

– Что?! Что ты вякнул? – Ствол сильно ткнулся в затылок.

Дверь подъезда распахнулась. Полностью заслонив проем своим телом, в нем появился толстяк лет тридцати.

– Пропустите его, – прикрикнул он. – Дак, пушку убери.

Парень подчинился. Ти-Бон повернулся в сторону Дака – казалось, он смотрит не на него, а куда-то вдаль.

– Удачи, Дональд, – сказал он. – Еще увидимся.

И вошел в подъезд.

Джамба не был рад видеть представителя корпорации и не скрывал этого. Вместе с ним в комнате находились еще человек

пять, двое из которых были импами старых модификаций. Все с оружием, все настороженно следили за Ти-Боном, который сел в кресло напротив, закинув ногу за ногу.

– Я согласился встретиться с тобой только по просьбе Учителя, – произнес Джамба. – Мне не нравится корпорация и те, кто в ней работает.

Джамба здесь, наверное, единственный, кто выпадает из общей обоймы. У него бизнес. Стабильный бизнес, которым он не хочет рисковать. Раньше у него в подчинении была толпа байкеров, теперь он отхватил себе целый квартал. Государство в государстве, и он в нем – маленький царек. Есть, конечно же, и другие царьки, но он – самый-самый. И на это есть очень много причин.

– Ничего, – сказал Ти-Бон. – Как говорил Луций, «пусть ненавидят, лишь бы боялись». Читал Луция, Джамба?

– Чего ты хотел?

– Александр Прокин, он же Ворм. Ты знаешь его?

– Катались когда-то вместе. Несколько лет назад. На мотоциклах.

– Где он сейчас?

– Его, кажется, закрыли. Попробуй у ментов узнать.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ти-Бона.

– Он уже отсидел и освободился, Джамба. Слышал что-нибудь о нем?

Джамба покачал головой. Потом достал из ящичка сигару, раскурил ее и развалился на кресле.

– Тебя еще что-то интересует? – спросил он.

– Три человека. Твой старый знакомый Ворм, наемник с татуировкой «Сантаны» и парень лет двадцати. Наемник некоторое время работал проводником на Охоте. Ты что-нибудь слышал о них?

– Наемник, который убил сына Учителя? – Джамба удивленно вскинул брови. – И они вам нужны?

– Как минимум парень, который с ними.

– Ты пришел в Гарлем просить о помощи?

– Тебе что-нибудь известно о них?

– Здесь их нет, если тебя это интересует.

– Надеюсь, это правда. Иначе я лично утоплю весь твой квартал в крови, а детишек отправлю в педобордели.

Один из людей Джамбы шагнул было вперед с разъяренным лицом, но остановился по знаку своего шефа.

– Ты говоришь то, чего не стоит говорить, – с расстановкой произнес Джамба. – У тебя есть такие полномочия?

– У меня есть полномочия защищать интересы корпорации.

Любой ценой.

Ти-Бон поднялся с места.

– Вы не нужны никому до тех пор, пока сидите в своей норке и не вылезаете наружу. Но если эти трое сами придут к вам в норку и попытаются тут найти свой приют, я вернусь и сдержу свое слово. Безнаказанность – явление временное, и ты, Джамба, об этом знаешь.

Он вышел. Люди, оставшиеся в комнате, переглянулись.

– Джамба, я…

– Спокойно, брат, – произнес Джамба. – Это чужая игра. Мы в ней не участвуем, и знаешь что…

– Что?

– Я рад этому, брат.

Белый спортер катился по направлению к выезду из черного квартала. Неожиданно он притормозил у обочины. Напротив, всего лишь в метре от машины, стояли три парня. Дак, заметив приметную тачку, шагнул к ней.

– Оба-на – чина-вайт! Ты живой, а не…

Стеклопакет бесшумно опустился вниз. Из окна показалось дуло пистолета.

Три еле слышных шлепка. Три тела с пробитыми головами рухнули прямо в грязь Гарлема, разбрызгивая ее во все стороны, в том числе и на машину.

Выезжая из квартала, Ти-Бон решил ехать сначала к девчонке. Потом осмотреть квартиру Стаса – может, там что-то осталось, какой-то след или зацепка. Маловероятно, но таковы правила. Потом – на мойку.

А после можно поискать донора и расслабиться.

* * *

Ти-Бон припарковал машину у подъезда, чем вызвал радостный восторг у пацанов, игравших во дворе в хоккей. Они сразу же бросили игру и обступили машину, рассматривая ее, но не решаясь притронуться к полированной поверхности при хозяине. Ти-Бон пообещал им двадцать баксов, если они присмотрят за ней, – теперь у них не возникнет желания поцарапать ее или проткнуть колесо.

Поднялся на пятый этаж, позвонил. Дверь открыла Дашка.

– Корпорация «Волхолланд», служба безопасности. – В руке, словно павлиний хвост, раскрылся холозначок с эмблемой корпорации. – Я хотел бы задать несколько вопросов, где это можно с делать?

Дашка, видевшая раньше такие значки только по телевизору, посторонилась, пропуская гостя в квартиру. Ограбления она не боялась – куртка и костюм гостя стоили дороже, чем все, что было в квартире.

Прошли на кухню. Дашка плотно закрыла дверь.

– Чай, кофе?

– Мне нужен Стас Морозов, – произнес Ти-Бон.

Дашка вздрогнула:

– Меня вчера…

– Тебя отпустили по моей просьбе. Понимаю, что ты не знаешь, где он. Когда ты видела его последний раз?

– Может… неделю назад. Или дней десять. Мы не каждый день с ним общались, а последнее время…

– Какие у вас с ним были отношения?

– Обычные, дружеские. Скажите, а что с ним случилось?

Она искренне волновалась за него, это было видно. Собственно, неудивительно: по информации, которую ему дал Куратор, парень тоже был неравнодушен к ее судьбе.

– Он помог тебе с работой, помог слезть с наркотиков. – Ти-Бон наблюдал, как она меняется в лице. – Вы были близки?

– А какое это имеет отношение…

– Все имеет отношение, – довольно резко перебил ее Ти-Бон. – У вас был секс, не так ли?

– Несколько раз. В этом смысле у нас не было постоянных отношений. – Дашка закурила сигарету. – Вы можете сказать, что случилось?

– В последнее время ты не замечала никаких странностей в его поведении? – спросил кореец, игнорируя ее вопросы. – Он ничего тебе не рассказывал необычного?

Дашка покачала головой:

– Нет. Ничего такого. Я же говорю, мы редко… Да что случилось?!

Ти-Бон поднялся. Положил на стол электронную визитку, поправил узкую полоску галстука на шее.

– Если ты что-то вспомнишь или если он сам появится, позвони по любому из этих номеров. Это нужно для его же безопасности.

Открыл дверь и вышел в коридор. Остановился. Перед ним стояла девочка, рядом с ней лежала игрушка: собако-робот или робопес. Девочка посмотрела на Ти-Бона и сообщила:

– Это мой друг. Его зовут Филиппонтий.

Ти-Бон нагнулся, погладил собаку по голове, та ответила записью довольного поскуливания.

– Назови его Рип, – посоветовал Ти-Бон. – Не забудешь? Рип.

Так будет хорошо.

– Его зовут Филиппонтий, – упрямо повторила Катя.

Щелкнул замок, кореец открыл дверь. Повернулся, подмигнул Дашке:

– Позвони, если что-то вспомнишь.

Шагнул за порог, вслед донесся детский голос:

– Почему его надо назвать Рип?

Дверь закрылась. Ти-Бон пригладил на голове волосы и еле слышно пробормотал:

– Потому что тогда я приду и сломаю ему шею.

И, перепрыгивая через ступеньки, стал спускаться по лестнице. Теперь – в квартиру двумя этажами ниже, к Стасу. Ключи ему дал Куратор.

У Стаса он находился недолго. Что и следовало ожидать – никаких следов. Без особого энтузиазма осмотрел ящики, порылся на полках. Через полчаса, прихватив на всякий случай лэптоп, вышел из квартиры.

Все, что было нужно, он сделал. Теперь наконец-то на автомойку.

В ожидании своей очереди взял конфискованный ноутбук, запустил двухмерное изображение, подключил свою флешку и вывел список файлов, к которым были последние обращения. Там его ждал сюрприз.

…Грудастые жертвы пластических хирургов уже вовсю танцевали вокруг машины, щедро разбрасывая пену и лаская друг друга. А Ти-Бон, ранее никогда не пропускавший это шоу, внимательно просматривал файлы литературного конструктора, вновь и вновь перечитывая сцены, в них описанные.

И если бы он мог выражать свои чувства через бормотание, то наверняка бурчал бы сейчас под нос что-то вроде «не может быть». Но, поскольку такой привычки у него не было, сидел он молча.

И все-таки Ти-Бон был очень, очень сильно удивлен.

* * *

Из-за того маленького гаденыша, выстрелившего в меня из водяного пистолет, я не прошел экзамен «Сантаны».

– Тебя развели, а ты не заметил этой разводки… Ты до сих пор не уяснил главного: единственное, что у тебя есть, – это твоя жизнь. Ты не имел права рисковать до того, пока не выполнил задание.

Мой инструктор прав. Не зря в «Сантане» его считают

лучшим. Ситуацию смоделировали, чтобы меня подставить.

Я знаю того, кто это сделал. Это Ти-Бон, рекрут, на обучение которого вроде бы выделены средства спецназом объединенной полиции.

Я найду его. И уже знаю, как отомстить…

Нашел…

…Стою на пороге одинокого домика в лесу. Ти-Бон тщательно охранял его. Но это не помогло. Теперь мне предстоит сделать то, что должен сделать каратель корпорации.

…Она бежит ко мне, и ее лицо сияет такой радостью, что можно ставить на рекламу лаверсов или какого-нибудь другого возбудителя. Щелк! Ее лицо, пузырек с таблами и рекламный слоган типа: «Мы дарим вам любовь до гроба».

Интересно, она в курсе, что ее возлюбленный – искусственный интеллект? Набор символов, преобразованных в энергопотоки, контролирующие нейроны мозга?

Браслет на руке пульсирует – его датчики фиксируют всю энергию, которую выделяет ее мозг. Но мне этого мало. Я хочу кое-что сказать перед тем, как сделаю то, зачем пришел.

– Я люблю тебя, Катрин, – говорю я, и она, прижимаясь ко мне, отвечает.

– Я тоже люблю тебя, Ти.

Только я не Ти. Шоковый удар – и она виснет на моих руках, аккумулятор, заряженный «позитивом», чистой, первозданной энергией. Я хищником врезаюсь в ее мозг и выкачиваю всю матрицу, оставляя за собой слепые участки. Я – дестрой-софт, стирающий всю информацию с каждого рабочего нейрона. Я – плавающий линк, прописывающий ей битый «Девелопвер» в виде бат-бомбы. Малейшая ошибка корректора приведет к мозговому хаосу не только пациента, но и доктора.

Очень хотелось бы, чтобы эта ошибка случилась.

Но я прекрасно понимаю, что ее не будет…

– Рест ин пис, – шепчу я. – Рест ин пис, девочка. Передавай привет своему Ти.

* * *

…– Рест ин пис… – прошептал Стас, открывая глаза.

На соседней койке мирно посапывал Ворм. На втором ярусе то же самое – Джет, хотя Стас был уверен: он притворяется.

Пока на земле не прекращались поиски инкубатора и его похитителей, под землей не происходило ничего.

Охранников к ним в «гостевую» больше не сажали. Видимо,

бичи решили поберечь своих людей. Джет выразил сожаление по этому поводу. Искреннее.

На второй день Стас и его похитители снова увидели голограмму Картье.

Он так же не показывал своего лица, но тон его заметно изменился.

– Челы, вы сейчас самые популярные люди в городе, – сказал Картье. Полы его плаща развевались: видимо, он находился на улице либо на сквозняке. – Вас ищет Учитель, ищет корпорация, ФСБ… у всех к вам серьезные претензии.

– Ищут пожарники, ищет милиция… Того парня на Охоте убил не я, а прежний владелец этого тела, – сказал Джет.

– Боюсь, Учителю это уже все равно. Ему имидж надо восстанавливать: кары Господни и все такое. А корпорация… за ваши головы они назначили неплохую награду…

– За одну голову. – Джет кивнул на Стаса.

– Да уж. Похитить инкубатора и заточить его под себя… Браво, Джет. Ювелирная работа для бывшего начальника сетевой полиции.

Несколько секунд Джет молчал, раздумывая.

– Поэтому проверяли так долго?

– Когда возникли первые подозрения в том, что инкубатора ведет сам Джет, я не мог отказать себе в удовольствии проверить все досконально. Если я правильно понял, ты прикрепил себя к ИскИну, который проходил обучение в твоей «Сантане»?

– Я слишком долго работал инструктором, – вздохнул Джет. – Мне это порядком надоело. А сам уйти, как ты понимаешь, не мог.

– В линк переходил «Сильмариллой»?

– «Бета пять один».

– Ясно. На той неделе они, кстати, «Шесть ноль» презентовали. Знаешь, Джет, кинуть «Волхолланд» – не самая лучшая идея.

Джет пожал плечами.

– Другого ничего не придумал. Ладно, что скажешь?

– Ты сделал заманчивое предложение, Джет. Софт корпорации нас всегда интересует, особенно такой. Но…

– Боишься?

– За вами тянется слишком длинный шлейф, Джет. – Картье развел руками. – Я не мог решить этот вопрос сам. Корпорация и без того давно разыскивает нас. – Картье тяжело вздохнул. – Короче!

Голограмма резко взмахнула рукой, и по изображению пробежалась рябь помех.

– Вам всё сделают. Но сначала вы сольете то, что находится в черепной коробке у инкубатора.

Джет расхохотался:

– Черта с два! Как только Ворм его раскодирует, вы нас шлепнете. И будете идиотами, если так не поступите. Я бы сам обязательно это сделал бы, а вы – тем более. Нет уж. Вечером деньги – утром стулья. Короче, деньги вперед.

– Какие стулья? – не понял Картье.

– Да неважно. Смысл понятен?

Голограмма застыла. Даже полы плаща перестали развеваться, замерев на весу. Воцарилась тишина. Ворм вопросительно посмотрел на Джета.

– Совещается, – пояснил тот. Ворм понимающе кивнул, закурил. Стас шагнул к нему, знаком показал на сигареты. Хакер протянул ему пачку.

В полной тишине они провели не больше минуты. Картье вновь ожил, голос из динамиков произнес:

– Хорошо. Завтра вас переправят.

– Куда? – спросил Джет.

– В лабораторию, где вам поставят имплантанты. Джет… ты же понимаешь, что если…

– Конечно, дружище, – улыбнулся Джет. – Мы партнеры и должны доверять друг другу.

По голограмме пробежала волна. Изображение поблекло и через секунду исчезло.

* * *

Ангар-стоянка для дальнобойщиков. Северо-Восточный перегон. Полторы сотни гигантов-тяжеловозов, на фоне которых блохами сновали байки и трициклы местных хулиганов да аборигенов Отстойника.

Стаса, Джета и Ворма привезли сюда, сняв ошейники только перед самым выездом.

Здоровенный «Вольво» гостеприимно раскрыл двери кузова-холодильника, забитого свиными тушами и ящиками с мороженой рыбой.

– Водку все пьют? – поинтересовался Багдад, держа в руке объемный пакет, в котором что-то звякало.

– Зачем? – спросил Ворм. Ему казалось, что все это уже когда-то было.

Да, точно. Когда-то таким способом отправляли Рината.

– Затем, что там минус пятнадцать, – пояснил Багдад и

добавил: – И то для вас поблажка. Обычно – минус двадцать.

Один из бродяг подкатил к фуре тачку, на которой лежали по три полушубка и шапки-ушанки и по столько же пар утепленных сапог. Джет, подойдя к тачке, взял одну из шапок и повертел в руках.

– Собаки?

– Рядом свалка городская. – Багдад махнул рукой. – Их там много расплодилось. Одевают нас помаленьку.

Двое бродяг ловко забросили одежду в кузов. К ним подошел высокий мужчина лет пятидесяти, одетый в промасленный пиджак и спортивные штаны. Из-под пиджака торчала кобура, в которой удобно сидел обрез двухстволки.

– Василий, – представился он, не протягивая, впрочем, руки. – Это вы поедете?

Джет кивнул.

– Тогда слушайте внимательно. Там в самом конце, под холодилкой, место разобрано. Пройдете туда, проход за собой заложите тушами. Сидеть тихо. По нужде выходить будете тогда, когда я остановлюсь и подам сигнал. Самим не стучать, ясно?

– Как часто будете останавливаться? – сразу же спросил Ворм.

Василий смерил его недовольным взглядом.

– Когда мне приспичит, – мрачно отрезал он. И добавил: – А если кто-то из вас решит внутри нассать, языком вылизывать будет, ясно?

И для верности своих слов наглядно поправил приклад обреза.

– Куда едем-то? – Джет смотрел на номера, тщательно замазанные грязью.

– Не твое дело, имп, – буркнул Василий.

– Ты случайно смелость с глупостью не перепутал? – Джет выглядел удивленным.

Василий сплюнул под ноги.

– Я уже тридцать с лишним лет за баранкой. И на дорогах много чего насмотрелся. Так что не пугай. Лучше давай быстрее залазь вместе со своими дружками и не забудь заложить за собой проход.

– Примерно через сутки вы будете на месте, – произнес Багдад.

У Ворма мелькнула безумная мысль: вот сейчас они поедут в Ростов, где выяснится, что лаборатория «Такечи апгрейд» находится в доме Рината. Бр-р-р… Нелепо.

Джет повернулся к Стасу:

– Залезай и одевайся.

Стас пошел было к машине, но остановился.

Стоило только шагнуть в чрево кузова словно зверю в пасть – и назад уже пути не будет. Это конец. Последний этап. После этого… Голову сдавило тисками. Не боль, нет… Головокружение, туман…

И все-таки боль.

Суставы выворачивало. Пальцы на руках свело судорогой.

Нет. Он не сможет. Не получится.

Руки вцепились в поручень, через секунду он стоял на деревянном поддоне, которыми был уставлен пол кузова. Надевал полушубок, глядя на заснеженные улицы забытого города, на небо, на лица людей. Мысль о том, что больше никогда этого не увидит, не давала покоя.

Разве мульт способен так переживать?

Судя по всему – да.

Он повернулся, посмотрел на своего хозяина и спрыгнул вниз.

– Стас? – Джет не мог поверить. – В машину, быстро!

– Нет.

Джет шагнул к нему.

В полуметре от Стаса стоял водила. С обрезом в кобуре. Стас ударил его в горло – ребром ладони в адамово яблоко. Как учили в «Сантане». Второй рукой молниеносно выхватил обрез. Большой палец привычным движением сдвинул предохранитель. Больше он ничего сделать не успел. Джет действовал куда быстрее.

Первый удар согнул Стаса пополам, второй – он даже и не почувствовал его толком – опрокинул на землю.

Он даже закричать не мог, задохнувшись от боли. И что прошептал ему в ухо Джет, не слышал.

– Даже если ты догадался, что происходит, уже слишком поздно. Твоя роль определена, и не тебе ее менять, дружище!

Инъектор, поданный Багдадом, ужалил шею Стаса. И уже через несколько секунд он не чувствовал ни боли, ни страха – ничего.

* * *

На плазменной стене вместо привычного природоимитатора шевелились толстые человеческие губы. Они то и дело меняли форму и цвет. Это раздражало.

– Верни картинку, – попросил Ринат.

Стена превратилась в вид из окна на какое-то озеро. На берегу рыбак с помощью удочки пытался поймать странную птицу, летавшую над водой.

– Ну а это что за бред? – поинтересовался Ринат.

– Думаю, тебе понятно, кто главный герой и чего он хочет, – ответил бесстрастный женский голос.

– И в чем смысл?

– Ты никогда не осознавал, что делаешь и ради чего.

– Зато ты всегда все понимаешь, ага.

– Ты причастен к похищению человека. У тебя скоро возникнут новые проблемы, и я их за тебя решать не буду.

– Это ты о чем? – насторожился Ринат. Беседа ему нравилась все меньше и меньше.

– Ты почему-то считаешь себя уникальным… Выбираешь для себя главную роль в фильме, хотя не являешься ни его автором сценария, ни режиссером. Когда выясняется, что тебя использовали, не можешь в это поверить и…

Что-то не так. Обычно Алиса так себя не ведет.

– Ты, бля, про что говоришь?! – воскликнул Ринат, привставая с дивана.

Озеро исчезло. Вместо него на стене появилась гротескная имитация заставки одной известной кинокомпании. У Пегаса вместо головы – рыжая башка Ромеро. Алиса голосом диктора торжественно произнесла:

– Кинокомпания «Глупый кот» совместно с псевдорежиссером Ринатом Казанцевым представляет очередной бездарный проект под названием «Дайте порулить где угодно». В главной роли…

– Убери это дерьмо!! – заорал Ринат. – Что происходит?!

– Инкубатора ведет не Джет.

Между лопаток пробежал холодок.

– А кто?!

– ИскИн. Служба безопасности «Волхолланда». Это изначально была их операция. Они грамотно слили тебе информацию об инкубаторах, а потом подставили Ворму вместо Джета один из своих шедевров брейн-программинга.

– А инкубатор?

– У инкубатора действительно закладка боевой модели. Но она битая. Не прошла некоторые тесты. Хлам.

– Нет. – Ринат встал с дивана. Покраснел, тяжело дыша, сжал кулаки. И тихо сказал: – Нет. Это ты. Это ты нас подставила.

– Когда некого обвинить в собственной неудаче, ты винишь меня. Это уже стало для тебя традицией.

– Но ты знала… Знала же с самого начала, да? И не сказала!

– Мне важно было сохранить целостность происходящего.

– Сохранила?! – заорал Ринат. – Сохранила?! Если бы ты предупредила с самого начала…

– То ты придумал бы новый идиотский план под названием

«Убейте меня об стену или посадите в тюрьму». И тогда, возможно, вам бы уже не удалось выкрутиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Я оказала несколько ценных услуг корпорации, и они не смогли отказать мне в просьбе не трогать двух кретинов, случайно оказавшихся замешанными в этой истории.

Отмазала. Значит, знала с самого начала. Не факт, что вмешивалась, для нее «целостность происходящего» действительно важна. Но знала. Могла предупредить. Не стала. Она не помогает в мелочах. Только если залеты идут по-крупному. Когда Тяпу поймали на неуплате налогов, когда у Илюхи проблемы с таможней были, когда Ромеро подыхал – тогда вмешивалась, прикрывала, спасала. А когда тот же Тяпа влип с деструктивным софтом, он отдал все, что у него было, чтобы не сесть. Не сел. А Ворм сел. За попытку убийства. Не в Райсу, конечно. Но полтора года за любой решеткой неприятно. Хотя с нее легко могло статься и не прикрывать. Логика у Алисы все-таки убийственная. Эта ее «целостность происходящего»…

– И чего ты добилась? Того, что накроют клинику?

– Можно, я попытаюсь угадать еще раз? Я обязательно угадаю, я ведь считаю себя самым умным. – Эти слова Алиса скомпилировала голосом Рината.

Хозяин настоящего голоса поморщился.

Исчезла заставка кинокомпании. Теперь вместо нее – вид сверху: по широкой дороге несется один из новеньких сорокатонников, кажется, «MAN». Его сопровождали два темных микроавтобуса – один спереди и другой сзади.

Ринат потянулся за телефоном, прекрасно понимая, что это не поможет.

– Связь заблокирована. Штурм начнется примерно через пятнадцать минут, – сообщила Алиса. – Можешь сделать себе коктейль и устроиться поудобнее. И самое главное – подумай о том, что это не интерактив. Подумай о том, что сюжет назад отмотать не получится.

Ринат показал средний палец. Это было все, что сейчас он мог сделать.

* * *

Скорее всего, это был какой-то газ, подмешанный к фреону и выпущенный в кузов рефрижератора через систему охлаждения. Хотя вполне возможно, баллон с газом, поставленный на таймер, находился внутри. Они проехали всего пару часов, а потом все

почти одновременно отключились. Когда пришли в себя, то обнаружили, что находятся по-прежнему внутри ехавшей машины. Однако эта была в несколько раз больше предыдущей, и оставалось только гадать, что за махина тащила двухсоткубовую коробку, в которой все стены и потолки были заставлены и обвешаны самым разнообразным оборудованием.

Мобильная лаборатория «Такечи апгрейд». Российский филиал. Вчера она располагалась в самолете, сегодня на грузовике, а завтра – в какой-нибудь подводной лодке.

Три техника. Двое настраивают аппаратуру, третий внимательно осматривает по очереди всех своих пациентов, пристегнутых ремнями к вертикальным стойкам с подголовниками.

В самом конце, возле дверей, в удобных креслах сидят еще два человека. Охрана. В комбезах с масскапюшонами – наверняка импы.

Однако это еще не вся команда. Где-нибудь далеко отсюда сидят хакеры, подключенные к Сети, и отслеживают весь путь машины. А возможно, едут следом. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств они на короткое время отрубят «Нарайяну», и лаборатория исчезнет из поля видеонаблюдения. Останется лишь порожний тяжеловоз, арендованный у автопрокатной компании по поддельным документам.

Поравнявшись с Джетом, техник несколько секунд рассматривал татуировку на запястье.

– Будешь удалять? – спросил, кивнув на нее.

– Разумеется, – ответил Джет. – Уж как-нибудь обойдусь без этой рекламы.

– Хорошо, – пробормотал техник. – Я поставлю тебе руку из ферротитана.

– Что? – поднял голову Джет. – Что значит – поставишь мне руку?

– Будет как новенькая. А эту я заберу себе. Продам потом как сувенир.

– Какого черта? – возмутился Джет. – Ты что, не можешь просто срезать кусок кожи?

– Как хочешь. Ферротитан лучше. – Техник отстегнул его ремень. – Иди вон туда.

– А что там? – поинтересовался Джет, вглядываясь в нагромождение незнакомых приборов.

– Морду себе выбирать будешь. Сетчатку и отпечатки тебе уже подобрали.

– Значит, вот это и есть «Такечи апгрейд». – Джет осмотрелся. – Знаменитая неуловимая клиника…

– Хорош болтать. Иди, – буркнул техник. При этом он одернул куртку, Джет секунду проследил за его рукой. Точнее, за рукавом комбеза, в который был вшит игломет.

Техник посмотрел на Ворма:

– Тебе тоже потом пластику?

Ворм кивнул.

– Для тебя особенная пластика будет. Серия «Квазимодо». Человек-рыба, человек-летучая мышь, человек-птеродактиль… сам выберешь.

– Смешно, – скривился Ворм, пока техник осматривал его голову.

– Можешь тоже подбирать себе… – Техник закончил осмотр и взялся за рычажок ремня, удерживавшего Ворма.

Хлюп-хлюп…

Два шлепка.

Ворм услышал их только потому, что произошло это в нескольких сантиметрах от его головы. Две иглы вонзились в тело техника, пробив шею в двух местах. Не издав ни звука, техник осел на пол.

Мимо оторопевшего и ничего не понимающего Ворма быстрым шагом прошел Джет. Переступил через лежащее тело – шел к охранникам. Те только поворачивались, чтобы посмотреть, а он уже вскинул руку с обрывком рукава комбеза и несколько раз выстрелил.

Импа иглометом не остановить. Но задержать можно. На несколько секунд, которых хватит, чтобы выбить у одного из них оружие и расстрелять их практически в упор.

Не больше пяти секунд – и все кончено.

Повернулся. Держа в руке автомат, молча пошел к оборудованию.

– Джет? – неуверенно окликнул его Ворм.

Наемник остановился. Повернулся, посмотрел на него.

– Я не Джет.

Он подошел к стойке с виртком овским сенсорным манипулятором, вызвал соединение.

И тогда Ворм понял, что они проиграли.

Примерно через полчаса машина остановилась. Ворм слышал и шум вертолетов, и глухие короткие частые удары по кузову, скорее всего, от выстрелов. Все это время мнимый Джет стоял у виртком а. Он так и не стал отстегивать ни Ворма, ни парня-инкубатора, который под воздействием психотропов упал бы, если бы его не поддерживал ремень.

– «Волхолланд» или ФСБ? – спросил Ворм.

Имп улыбнулся и ничего не ответил. А потом, после паузы,

неожиданно подмигнул и сказал:

– Салам-пополам.

В следующую секунду створки кузова-рефрижератора распахнулись. Дневной свет ударил по глазам, но в проеме можно было различить людей в масках, одетых в форму федеральных сил, за ними – хорошо знакомые комбезы СБ-корпорации. Стал слышен вой сирен, рев двигателей и гул от вертолетных лопастей.

Псевдо-Джет бросил автомат на пол и направился к выходу. Федералы наставили на него оружие, он спокойно остановился. Тут и появился штатский в сопровождении нескольких комбезов корпорации.

– Этот – наш. Тех двоих мы тоже забираем, – распорядился штатский. – Остальные ваши.

Федералы расступились. Подхватив Стаса с двух сторон, комбинезоны вытащили его на улицу. Следом выволокли и Ворма в наручниках.

Дорога перекрыта автобусами и машинами. Федералы, менты, корпорация. Журналистов нет. Ни одного. Похоже, даже оперативная съемка не ведется.

– Что с ним? – спросил штатский у псевдо-Джета, кивнув на Стаса.

– Барьер уничтожен. Он больше не инкубатор.

– Что и требовалось доказать, – задумчиво пробормотал штатский.

Ворм неотрывно смотрел на импа, выдававшего себя за Джета. А тот лишь на секунду посмотрел на Ворма, а потом равнодушно спросил у штатского:

– Что с ними будет?

– Инкубатору – корректировка, видимо. За ним прислали человека. – Штатский махнул комбезам, державшим Стаса. – Уведите его.

Стаса поволокли к спортивной машине, стоящей в стороне.

– А с этим? – спросил псевдо-Джет, показав на Ворма.

– Этого пока не велели трогать, – ответил штатский.

Услышав эти слова, Ворм усмехнулся. Прикрыли задницу. Черт, это уже хорошо. Тут не до жиру, быть бы живу. Ринат, интересно, в курсе?

Штатский подошел к Ворму вплотную.

– На твоем месте я бы сейчас упал на колени и помолился, что выпутался живым из этой истории.

– Хочешь на мое место? – угрюмо поинтересовался Ворм и поднял руки. – Надень для начала на себя браслеты, мудак, а потом…

От удара в живот перехватило дыхание. Ворм согнулся,

выпучив глаза.

– В вертолет этого клоуна, – скомандовал штатский и махнул командиру спецназа. – Мы уезжаем. Дальше – сами.

– А что насчет заявлений прессе? – спросил спецназовец.

– Скоординируйтесь с нашими пиарщиками. Скорее всего, просто укажете, что при нашей помощи провели операцию. Без деталей.

Спецназовец подняв руку, показал кольцо из большого и указательного пальцев. Мол, о'кей.

* * *

Сто километров в час. Сто двадцать. Сто шестьдесят. Двести.

Проекции приборов на лобовом стекле. Цифры расплываются, делятся и объединяются в одну точку.

Сколько они уже едут? Пять минут? Час? Пять часов?

Бросало в сон, вырывался из полудремы, чтобы снова забыться во сне.

Укол в шею вызвал легкое онемение, потом холод и сразу же жар. Через несколько секунд Стас почувствовал, что взмок от пота, но пришел в себя.

– «Кровь солнца». Вообще-то этот препарат запрещен, но я вожу с собой несколько ампул для экстренных случаев.

Стас повернул голову.

Водитель в шлем-маске. Сенсорный джойстик, подогнанный под владельца. Система автопилотирования. Машина-эксклюзив.

– Вы знали, что меня похитили, – сказал Стас, не скрывая обвинительных ноток. – Всё это время вы знали…

– Операцию проводила служба безопасности корпорации, так что знали не все и не всё.

– Но мы рисковали жизнями. А вы… Как мне связаться с Куратором?

– Никак. Пока не доедем до места.

Уже стемнело. Впереди показались огни какого-то населенного пункта. Машина неслась, не сбавляя скорости.

– Мы едем в лабораторию?

В ответ – молчание. Огни приближались. Указатель сообщил, что они въезжают в Балашиху.

Подмосковье.

Повторил вопрос погромче.

Водитель издал приглушенный смешок:

– «И спросил тогда он бродягу: „Куда ты путь свой держишь?“ – „Вперед“, – ответил бродяга. „Но ведь ты идешь туда, откуда

только что пришел“. – „Ну и что? Я же всегда иду вперед – а это главное“, – ответил бродяга».

Остановил машину, повернулся к Стасу. Выдержал паузу.

Лепестки шлем-маски разъехались в стороны, на Стаса смотрело до боли знакомое лицо корейца-альбиноса…

– Я сначала не поверил, – произнес он, рассматривая Стаса. – Читал твои записи и поверить не мог, что ты еще существуешь. В виде закладки.

Стас знал этого человека, этого водителя-корейца. Знал, но не мог вспомнить откуда.

– Ты меня помнишь? – спросил кореец. – Твоя закладка может говорить или ты еще держишь ее?

– Держу, – ответил Стас. – Что происходит?

– «И умрет апрель, и родится вновь. А вы будете ждать и смотреть на экран». Я думал, что ты умер тогда, неудачник Рип.

Снова началась игра, в которой Стас чувствовал себя ничего не понимающей пешкой. А еще он чувствовал опасность, исходящую от корейца.

– Послушайте, я инкубатор и работаю на «Волхолланд»…

– Работал. Твой барьер уничтожен плавающим линком, у тебя в голове вирусы, которые скоро выжгут всю информацию, хранящуюся в твоем мозгу. Не надо, – сказал он, заметив движение Стаса. – У тебя нет шансов. Никогда не было, а сейчас – тем более.

Стас понимал это. Понимал, что не потянет против Ти-Бона.

Ти-Бон! Его зовут Ти-Бон. Человек-невидимка из снов.

– «Сантана». Ты учился там. Я должен тебя помнить.

– Я – тень, идущая по следу. Я – твой кошмар последних дней. От начала и до конца ты не забудешь меня.

– Ти-Бон… – выдохнул Стас.

– Вспомнил, – удовлетворенно произнес кореец. – Значит, Рип все-таки вертится в твоих нейронах.

– Ты ИскИн, – сказал Стас.

– Так же, как и ты. – И сразу же поправился: – Так же, как и твоя закладка. Мы с тобой близнецы, рожденные разными матерями. Враги, выкормленные родными братьями.

– Что?

– Стас, твой брат Костя взращивал меня когда-то. Точно так же, как сейчас ты взращиваешь моего врага. Наша встреча случайна?

– Я не понимаю…

– Тебе грозит корректировка. Полная. Вместе с вирусами, вместе с битой, никому не нужной закладкой, – сказал Ти-Бон. – Твой мозг отформатируют и будут использовать как временное

хранилище для плавающих линков. Ты будешь жив и мертв одновременно.

Возникло почему-то ощущение, что кореец не лжет. Сердце забилось сильнее – не только от страха, но и от растерянности. А Ти-Бон, повысив голос, продолжал:

– И я спрашиваю себя: разве так должен закончиться наш давний спор? Отвезя тебя на бойню, словно барана, – в теле мальчишки, обколотого психотропами. Разве этого я хотел, когда ждал нашей встречи?

– Но почему? – Стас тяжело дышал. Ладони потели, сжимаясь в кулаки и разжимаясь.

– Спроси лучше, почему ты здесь, вместе со мной. Было так определено, что я скажу тебе твои же слова «Рест ин пис»? Или ты должен сдохнуть после того, как посредственный брейн-программист откорректирует твои мозги?

Ти-Бон положил свободную руку на пульт приборной доски, щелкнул замок, дверь со стороны Стаса поползла вверх. Холодный и мокрый ветер мгновенно ворвался в салон.

– Мы же ИскИны, Рип, – улыбнулся кореец. – Нам дают право выбора, но это право двумерно. Да или нет. Жизнь или смерть. Один и ноль. Снова двоичный код, бинарность. Так ли мы должны действовать? Или развитие подразумевает за собой совершение нестандартных поступков. Помнишь, как учил нас Джет?

– Я не Рип, – хрипло произнес парень. – Меня зовут Стас Морозов, я инкубатор и работаю на вашу корпорацию. Дай мне связаться с Куратором.

– У тебя нет больше Куратора. Я твой Куратор. Вирусы в твоей голове сработают примерно через сутки-двое. Мальчик, я понимаю, что ты мыслишь не как боевой ИскИн и не понимаешь некоторых вещей, но подумай: почему они увезли человека, который заливал в тебя вирусы? Почему даже не попытались воспользоваться его помощью для декодинга? Почему за тобой приехал не Куратор, а я?

Он все говорил правильно.

– Никто даже не поинтересовался твоим состоянием, потому что это уже никого не интересует, – ровным голосом продолжал Ти-Бон. – Ты не инкубатор, ты презерватив, который использовали, а потом выбросили. В твоем случае, правда, тебя вычистят и вернут на место. Чтобы никто не поднимал шума: вот он. А то, что он с дыркой, ну, извините, мы к этому отношения не имеем. Послушай моего совета, мальчик, – если ты можешь общаться с Рипом, выполняй все его указания.

– Почему я должен тебе верить? – спросил Стас.

– Не должен. Ты можешь не поверить мне и сдаться

корпорации – то, что Рип сдохнет в использованном презервативе, даже символично. Но самое главное – сейчас я даю вам обоим жизнь. Я так решил, и я так сделал. И если вы сможете выжить, я вернусь. Я приду к тебе, Рип. А теперь уходи.

Стас поставил одну ногу на землю. Все еще не веря, не до конца понимая, что происходит…

– Уходи, – повторил Ти-Бон. – Пока я не передумал.

Ветер развевал его длинные белые волосы, делая его похожим на демона. Он и был им.

Щелчок предохранителя. Дуло пистолета у в иска.

«Шторм». Немецкий. Аналог «Дезерт Игл».

Больше уговаривать не пришлось. Стас выскочил из машины и бросился в сторону какого-то недостроенного комплекса.

– Я дал тебе жизнь! – заорал ему вдогонку кореец. – Я же ее и заберу! Я твой Бог и твой Сатана!

И захохотал, раскинув руки в стороны и откинувшись на подголовник сиденья.

Капсула наушника завибрировала в ухе, и знакомый голос произнес:

– Хочу услышать твои объяснения.

Он не должен был его отпускать. Он нарушил инструкцию.

– Твоя звуковая плата в порядке? Слышишь, что я тебе говорю?

Но что значат эти инструкции по сравнению с желанием мести? Что они понимают, эти идиоты? Быдло, понятия не имевшее, какой силой может обладать человек.

– Ты в своем уме, черт возьми?! Кто дал тебе право нарушать приказы?! Отвечай!

И сейчас он должен отчитываться перед этим толстяком, которому когда-то Ти-Бона отдали в подчинение. Ти-Бон должен объяснять ему, что совершил ошибку, повел себя непрофессионально… Потом должен будет то же самое объяснять психоаналитику, который будет копаться в прошлом, как извращенец в чужом грязном белье… Придется убедить всех, что этого больше никогда не повторится…

– Ти-Бон, меня интересует, почему ты вместо того, чтобы… Что с твоей системой слежения?

Система слежения отключена. Это легко. Для ИскИна это всего лишь усилие воли. Программа стерта, и мозг больше не посылает в эфир импульсы об общем состоянии, а главное – о местонахождении.

– Ти-Бон, ты меня…

Никаких разговоров. Тонированный стеклопакет опускается, капсула и живчик-переговорник, вынутый из полости рта, летят в

решетку сточного канала. Но перед этим – отвернуться от наружки.

По привычке он насчитал три камеры. Привычка осталась после «Сантаны», где Джет учил их с Рипом уходить от слежки. На этих занятиях Рип всегда был лучшим. После Джета, разумеется.

Ничего. Он найдет Рипа. И уничтожит его. Но не пулей. Это слишком легко.

* * *

– «Я дал тебе жизнь! Я же ее и заберу! Я твой Бог и твой Сатана!» – Отфильтрованный от посторонних шумов, крик из динамиков доносился едва ли не чище, чем это было бы слышно на улице. Фигурка человека скрылась в тени зданий… Ринат вздохнул, покачал головой:

– Ладно. Ты использовала нас, сдала в клинику. И что дальше?

– Загляни в будущее сам. Что видишь ты там, о величайший из величайших предсказателей GameNet? – поинтересовалась Алиса.

– Ты знала, что этот белобрысый кореец его отпустит?

– Личность Ти-Бона когда-то выращивал родной брат Стаса. Я посчитала любопытным организовать их встречу, не более. Пришлось оказать несколько ценных услуг корпорации, за это они не отказали в моей просьбе подключить к этому делу…

– Бог мой, сколько ты им услуг оказываешь?! – воскликнул Ринат. – А меня паришь все время, что ничего никому не делаешь.

– Лень, ложь, глупость и зависть – несомненные достоинства твоего характера.

– Да ладно! Я лгу? А ты? Что, ты не знала, что он его отпустит?

– У меня нет свободного времени на то, чтобы спорить с тобой.

– Пошла ты. – Ринат лениво вытянул средний палец.

Собственно, на этом их беседа и закончилась.

* * *

Стоянка. Грузовик. Водитель. Москва. Что дальше?

Стас был растерян. Наверное, это и есть тупизм, когда внутри спорят два разных тебя.

…Надо было позвонить со стоянки. И сделать это еще тогда, в кабине с потеющим от страха водителем грузовика. Он должен был позвонить… Звонить Куратору? Но если Ти-Бон сказал правду и его ждет корректировка?

…Нет. Надо было пристрелить водителя после того, как забрал у него пистолет. Он не должен никуда звонить… если и звонить, то уж точно не Куратору…

Все, что ему надо, – это обезвредить вирусы и снять закладку. Звучит просто. Главное, найти брейн-программистов. И не просто программистов, а хороших. Лучших. Тех, кому не страшно будет доверить собственную жизнь.

Искать брейн-программистов самому? Но Стас никогда не был знаком с людьми подобных профессий. Куда идти? К кому?

А может, не будет никакой корректировки?

Видимо, все-таки придется звонить Куратору. И хотя паника росла ежесекундно, всеми импульсами нервоза протестуя против этого решения, он подошел к ближайшей будке бесплатных соединений и набрал знакомый номер.

– Да? – раздался в трубке немного нервный голос Куратора.

– Это я, – выдохнул Стас.

– Где ты… находишься?

Маленькая заминка… и уже на последнем слове интерес к ответу пропал. Быстро отследили, откуда идет сигнал. Стас даже не стал отвечать на вопрос, а сразу перешел к делу.

– Мне закачали девять вирусов. Вы сможете помочь?

– Да. Мы все сделаем. Оставайся на месте. Никуда не уходи. Мы тебе поможем. Никуда больше не звони, ни с кем не связывайся.

Куратор отключился. Немного странно говорил – видимо, произошло что-то серьезное и для него.

…Они помогут, они обязательно помогут. Надо выполнить все инструкции, надо дождаться и все рассказать…

…Они не помогут, никто не поможет. Надо уходить отсюда, надо решать проблему с тем, кто заливал вирусы, и не разбрасываться информацией просто так…

Перешел дорогу, остановился возле будки с хотдогами. Купил банку колы, опуская в карман сдачу, дотронулся до рукоятки пистолета и почувствовал себя гораздо спокойнее.

* * *

Кроме Куратора было еще несколько человек, которые безмолвными слушателями участвовали в разговоре со Стасом.

Первый.

Крыши «Флайклаба» развлекательного комплекса в Подольске. Роллеры совершают акробатические трюки и буквально парят в небе между крышами на двадцатиметровой высоте. Анимационные бои, дорогие коктейли и парад автоновинок в двухъярусной стоянке – визитные карточки комплекса. Стены сортира отделаны хромированной сталью с разнокалиберными барельефами глобусов. Возможно, это реализация дизайнером идеи «Срать на весь мир». Но как минимум один из сидящих в кабинке не думал об этом. Спустив штаны, он восседал на шикарном унитазе стоимостью в четыреста пятьдесят евро, и голова его была откинута назад. Полуоткрытые глаза, блаженная улыбка и безвольная рука с использованным инъектором на коленях. Если произойдет форс-мажор и дверь подозрительно долго занятой кабинки откроют охранники (обязательно в присутствии администрации), то они проверят пульс и… закроют кабинку. Поднимать шум из-за такого пустяка охрана не будет. И конечно же, никто не станет брать на анализ его кровь и никогда не узнает, что наркотик слит в унитаз, а невменяемость «наркомана» от того, что в данный момент он на девяносто процентов загружен в Сеть, пытаясь перехватить телефонный сигнал и замкнуть его на себя.

Второй.

Маленький Китай. Стрип-клуб «24». Здесь много таких клубов, с символическими цифрами вместо названий. Посетители часто путались в драконах, золоте и китайских иероглифах, поэтому китайцы придумали креатив с цифрами. В таком клубе работать проще. Здесь все сидят-лежат на диванах и пуфиках с улыбками дебилов. Обнаженные девушки разносят кальяны с опиатом. И никому ни до кого нет дела. Мир грез. Женщина на диване спит, накрывшись пледом. Двое ее спутников сидят в креслах по бокам, тянут по очереди кальян и вроде бы наблюдают за танцовщицами. Их главная цель – обеспечить прикрытие «спящей», у которой сейчас самая сложная задача. Она отбивает все запросы защиты Сети на себя, оставляя следы в виде недотертых логов. Приманка. Если она, нарвавшись на сетевых охотников, не успеет выйти, ей выжгут все мозги дестрой-софтом. Если с такой начинкой ее возьмут в реальном мире, ей тоже не светит ничего хорошего. А шансы попасться весьма велики.

Был еще третий. Курсировал по городу в машине. Ему не требовалось подгружать в Сеть все свои ресурсы, достаточно было получить сигнал о местонахождении объекта и перенаправить его своим людям. Это можно было сделать через обычный лэптоп или карманный коммуникатор. Но с того самого момента, как он

установил себе сетевуху, пополнив ряды киберов, он уже никогда не пользовался ни лэптопом, ни телефонной связью.

* * *

Стас их не увидел, а почувствовал. Хотя, скорее всего, они мелькнули в поле его зрения, и закладка каким-то образом дала ему знать, что за ним наблюдают.

Она, или, если быть точным, он – Рип – не посылал ему сигналы, как это делал псевдо-Джет, находясь у него в голове. Он словно становился вторым «я», безмолвным, незримым, но всегда напоминающим о своем присутствии.

Метрах в десяти – двое. Мужчины. Одному лет тридцать пять, другой помоложе лет на десять. Держатся за руки, изображая из себя голубых, но получается довольно нескладно. Молодой изображает стеснительного гея, а сам все время вертит головой. Да и тот, что постарше, нет-нет да и зыркнет в сторону Стаса.

Почему они следят, но не подходят?

Пока он стоит на месте, они делают вид, будто им нет до него никакого дела. Однако стоило шагнуть в сторону, как парочка напряглась… Но едва он остановился, они тотчас напустили на себя безмятежный вид.

Почему они не подходят?

Между тем старший что-то говорит. Не своему типа партнеру – он говорит в передатчик.

Они боятся его спугнуть? Или просто боятся его? И ждут силовиков. А может быть, это не корпорация, а кто-то другой?

Он как раз сделал последний глоток из банки и повернулся в поисках урны, как перед ним остановился микроавтобус, и боковая дверь поползла вверх.

– Стас? Быстро залезай в машину.

Он сделал шаг вперед – не мог рассмотреть, кто сидел в салоне. Черт!

Куратор все время приезжал на машине с флажком корпорации. И у всех его людей автомобили с такими же флажками. А у этой тачки ничего подобного не наблюдалось.

«Голубые», отделившись от стены, быстро шагали в их сторону.

– Вы кто? – спросил Стас.

– Те, кто поможет тебе снять закладку.

А сами уже выпрыгнули из кузова. Импы. Он ничего не сможет против них сделать. Между ними всего два метра.

«Голубые» выхватили пистолеты одновременно. И стрелять они начали в Стаса, бесспорно. И попали бы, если бы не его реакция, благодаря чему за секунду до выстрелов бросился на

землю и откатился за машину.

Импы открыли ответный огонь. Выяснять, чем это закончится и кто за кого, не было ни времени, ни желания. Стас перекатился к соседней машине и уже оттуда, пригибаясь, в несколько гигантских скачков пересек дорогу. В него стреляли, но кто – этого он не видел. Не оборачиваясь, влетел в толпу зевак, собравшихся поглазеть на перестрелку, – и затерялся в ней.

Кто-то хотел его убить. Кто-то хотел помочь.

Разобраться бы, кто есть кто, – но времени все меньше и меньше. Сколько еще? Сутки? Двое?

А потом…

Восточный сектор Москвы ночью выглядел гораздо живописнее, чем днем. Лучи фрай-рекламы расцвечивали ночное небо калейдоскопом причудливых фигур, десятки развлекательных заведений раскрывали пасти виртуального входа прямо на тротуаре, а услужливые стрелки указывали направление. Фейс-контроль, имп-контроль, возрастной ценз, половой ценз – рекламные зазывалы мигали сотнями, приглашая посетить многоуровневые подвалы и клубные башни.

…Стас уверенно лавировал в толпе. Он уже знал, кто ему сможет помочь и куда надо ехать. Добраться бы только до Одинцово.

«Желтое такси» – те, которым не надо отчитываться, откуда и куда они направляются. Их мало уже осталось. В основном на окраинах. В центре, там все перед базами своими отчитываются, чуть ли не все данные о клиенте обязаны сообщать.

А «желтые» – свои ребята, понимают, что клиент имеет право на анонимность.

И все же останавливаться возле нужного дома не стал, а вышел из машины за пару кварталов. Не для того, чтобы определить внешний периметр наблюдения, если таковой, конечно, имелся. Для того чтобы еще раз все обдумать.

Поднимаясь по бетонным ступенькам, был готов выстрелить в любую движущуюся тень. И при этом понимал, что, возможно, это единственное место, где его не ждут.

Дверь не заперта. Так было и в прошлый раз, в его первый визит сюда. Но тогда было утро, а сейчас глубокая ночь. Спит ли хозяин квартиры?

Не квартира, а театр теней. Сотни различных ламп в самых неподходящих для этого местах. Любое движение повторялось десятками теней разных размеров и оттенков. Чего здесь не чувствовалось, так это одиночества.

Архивариус не спал.

Играл в какую-то виртуалку, а при виде Стаса перестал что-то

злобно бормотать и поднял голову.

Улыбнулся.

– Оно объединило, оно же и разъединило.

– Ты знаешь, кто я? – спросил Стас.

– Время скоро умрет и только тогда станет постоянной величиной вечности. Между мной и тобой нет разницы, потому что места в партере заняты образами.

– У меня нет настроения ковыряться в твоем словесном поносе. – Стас вытащил пистолет и приставил его ко лбу Архивариуса. – Мне нужен специалист по брейн-вирусам. Не посредник, а тот, кто сможет мне помочь.

– Все идет к одному, и ты дойдешь до цели, но не тебе это суждено. Так было сказано. Так будет.

Стас чуть надавил пистолетом, но Архивариус смотрел на поле виртуальной игры, застывшей в режиме «паузы», и молчал.

Он реагировал, но не боялся. Для него пистолет был чем-то обыденным и безопасным. Чем угодно, только не пистолетом.

Деструктивный софт. Реальный кайф от виртуального наркотика. Много людей сидит на таком, меняя только модификации. Иногда фильтры, держащие подобный софт, не выдерживают, и тогда получаются Архивариусы, для которых мир существует в несколько иной плоскости.

Интересно, а если угрожать джойстиком, он испугается?

– Ты меня понимаешь? Ты понимаешь, что я тебе говорю? Ответь просто: да или нет?

– Двоичный код. Стас, ты никогда не победишь, пользуясь двухмерностью. Сказано, что он придет и приведет за собой весну.

Он знал. Знал не только его имя. Но откуда?

– Дай мне свой софт! Дай то, что ты загружаешь в себя. Ты это, сука тупая, понимаешь?

– Рассеются серых туч войска, и будет свет.

Короткая пауза – и рука нырнула в балахон, а через секунду вынырнула, держа в руке крохотный дискер.

Значит, Архивариус понимал кое-что. Либо язык слов, либо язык жестов.

– У меня нет сетевого адаптера, как мне это загружать? – спросил Стас и сам себе удивился: откуда он знал про сетевой адаптер?

На этот раз рука нырнула под стол и выудила оттуда несколько присосок с иглами на концах. И видеоконтроллер какой-то древней модификации.

Через видео осуществляют лицензионный программинг. Базовые стадии «Девелопмента», всякие косметические и

оздоровительные программы – и все это под присмотром специалистов.

Смотри картинки, пока мозг под воздействием слабых импульсов усваивает кусочки кода, – и не напрягайся.

А Стас сейчас таким способом устанавливает себе деструктивный софт, неизвестно кем произведенный. Да еще и под присмотром человека, который сошел с ума от этого же софта.

Разъем плотно уселся в гнездо, включились сенсоры.

Побежал первый видеоряд.

Вспышка. Тьма. Вспышка. Тьма. Нейролингва в двоичной системе. Взрыв.

Загрузка длится несколько минут. Дискер автоматически отключается, и именно в этот момент…

– Река. – Стас посмотрел вокруг себя. – Реки не знают своей глубины, но это знают те, кто переходит ее вброд.

– Река не должна знать свою глубину, она должна течь в одну сторону и никогда в другую.

– Ветер разгонит насекомых, но они вернутся. – Стас сел напротив.

– Находит тот, кто верит. Быть серединой – не значит быть центром. Слова станут делом. Свет покроет тьму.

– Некому открыть дверь и прочитать слово.

– Илья, – произнес Архивариус. – Гражданин России.

Теперь Стасу были понятны слова Архивариуса, но преследовал страх, что все забудется, когда закончится действие наркотической программы. Это уже потом Стас понял, что общался с Архивариусом почти два часа. Когда постепенно стал приходить в себя и система координат вернулась привычным трехмерным видением, а краски потеряли смысловое значение. Понял и то, что софт мог превратить его во второго Архивариуса.

Зато теперь у него была цель. Он знал, что делать.

Надо срочно, не поднимая шума, найти Гражданина России.

* * *

Машину остановили на первом же посту. Ти-Бон заглушил двигатель, а когда молодые постовые направили на него свои игрушечные пугачи, даже позволил себе улыбнуться. Их никто не предупредил, кого они пытаются остановить. Они думают, что за рулем эксклюзивной спортяги обыкновенный уличный угонщик…

– Я сотрудник корпорации «Волхолланд»! – сказал он в окно, протягивая свои документы. – Произошла какая-то ошибка.

Документы забрали. Попросили выйти из машины.

Дебилы. Хотя, скорее, просто не подозревают об опасности. Если он выйдет из машины, он сможет превратить этих постовых в трупы меньше чем за пятнадцать секунд.

Вышел. Повернулся к машине, расставив ноги и уперев руки в крышу. Добропорядочный гражданин.

– Прошу прощения, я должен попросить вас пройти полную проверку личности.

«Свернуть бы тебе шею, капитан… – подумал Ти-Бон, шагая за ним к стационару. – Тебе, а потом твоим подчиненным. Сложить всех в круг головами к центру и костер зажечь. А назавтра баннеры пестреть будут, сообщая об очередном религиозном убийстве».

Рано. Сначала надо выяснить, что задумал Куратор, – решился поднять шум или все-таки ограничился более тихими методами.

Сетчатка глаза, отпечатки – сняли за несколько минут и забросили в базу. Ти-Бон стоял перед столом капитана, тот пялился в монитор и переводил взгляд с него на своих подчиненных, избегая почему-то смотреть на задержанного.

Кроме него, никто не видел того, что было на мониторе. Поэтому подчиненные никаких действий не предпринимали, ожидая распоряжений начальства.

– Осложнения с проверкой? – с издевательским участием спросил Ти-Бон. – Пусть твои люди выйдут.

Поколебавшись с минуту, капитан махнул рукой, и патрульные вышли из кабинета.

– Там закрытое дело, да? – Ти-Бон сел на стул. – А твоего уровня доступа не хватает, чтобы его посмотреть. И сейчас ты думаешь, связываться с начальством или не стоит влезать туда, где можно заработать проблемы. Давай так: я тебе назову свой код, и ты посмотришь мое досье. А после этого сам решишь, как тебе поступить.

Капитан молча кивнул.

Ти-Бон назвал код. Капитан ввел его и несколько минут молча смотрел на монитор, изучая полученные данные.

Потом встал, зачем-то козырнул, протянул документы:

– Извините, произошла ошибка.

Так и есть. Куратор не рискнул поднимать шум.

Хочет уладить все по-быстрому, по-тихому. Своими силами. Поэтому в личке никаких отметок, все чисто.

– Бывает, – сказал Ти-Бон, забирая документы. – Только запрос на машину отмени, чтобы меня на каждом посту не останавливали.

…Его ждали на выходе из стационара.

Быстро работают.

Трое. Боевики, но не из центрального отдела.

Хотя троих… троих может и хватить.

– Начальству очень хочется услышать твои объяснения по поводу инкубатора. – Один из них шагнул чуть вперед.

Боевая тройка – лидер, заместитель, исполнитель. Напичканы имплантантами, но не ИскИны.

Живые трупы.

Но если убивать их здесь, то придется рядом уложить и ментов.

И всех – кругом, головами к центру. Огонь. Новый сатанистский обряд.

– У него должен был быть шанс. – Ти-Бон чуть развернулся, принимая более удобную для прыжка позицию.

Обходят. Полукругом. Право-лево-перед. Схема нападения предсказуема до мелочей. Это не ИскИны.

– Это ты расскажешь начальству, – пробормотал старший.

– Один из миллиона, но должен быть. Я слишком много отнимал жизней во имя корпорации и думаю, что имею право подарить одну.

– Меня не интересуют подробности. Разведи руки в стороны.

Конечно, их не интересуют подробности. Люди не желают знать ничего лишнего. Боятся. В этом их главное отличие от ИскИнов – те впитывают любую информацию как губка.

– Они же беспокоятся не из-за того, что Стас на свободе, да? Они переживают за то, что я вышел из-под контроля. Я совершил поступок, вот что их беспокоит. Подарил жизнь, когда должен был ее забрать. Никого не волновало, когда я делал наоборот, но стоило мне изменить концепцию, как они сразу же всполошились.

– Разведи. Руки. В стороны, – отчеканил старший.

– Я ведь могу убить вас, а могу подарить вам жизни, – задумчиво пробормотал Ти-Бон. – Может быть, я и ваш Бог тоже? Кто-нибудь из вас чувствовал себя Богом или вы всю жизнь прожили овцами и не собираетесь меняться?

Старший уже готов атаковать – это видно по глазам. По ним все видно: и когда, и куда. Это не профи. Напихали в себя кучу железа, а толка никакого. Обвес решает многое, но не всё.

Но не стал атаковать. Замер, потом махнул своим рукой, и те отошли назад.

– На, держи. Поговори с ними сам.

И бросил Ти-Бону капсулу переговорника. Или стеллс-бомбы, замаскированной под переговорник.

Все было рассчитано заранее. И то, что темно, и то, что они

явно слабее. Забыли только, что монтируется импам класса F в глазные яблоки.

Он прыгнул назад. Вниз головой, отбивая ногой капсулу, а когда ударила волна ультразвука, у него уже в ушах стояли заглушки и нога била ближайшего противника.

Больше никого бить не пришлось. Остальные двое свалились кулями.

Поднялся, отряхнулся.

– Что тут происходит? – раздался сзади знакомый голос капитана.

– Встречали красну девицу три добрых молодца, – пробормотал Ти-Бон, поворачиваясь. – Не обращай внимания, внутренние недоразумения.

Капитан посмотрел на машину приехавших. Номера корпорации. Снова. Влезать в эти недоразумения ему явно не хотелось.

Ти-Бон обошел их машину, уже подходил к своей, когда капитан снова окликнул его:

– Эй! А с этими что делать? Они хоть живые?

– К утру очнутся. Двое, во всяком случае, точно. Но помнить ничего не будут. Так что оттащи со своего участка на соседний и забудь.

Ти-Бон сел в машину, завел двигатель и через несколько секунд оставил позади себя капитана, который стоял и растерянно смотрел на три неподвижных тела под ногами.

* * *

– Ты прости меня, если что, – говорит Костя и превращается в Ти-Бона. – Я теперь твой Бог и твой Сатана.

Виртуальный полигон «Сантаны». Или «Передоз», бар в подвале соседнего дома.

– Наверное, не стоило с этим связываться и впутывать тебя в это дело, – произносит Костя и продолжает голосом корейца: – Мы с тобой в одном колодце, и тебе суждено видеть лишь мои ступни.

Родной брат. Или заклятый враг.

Распалась связь времен. Может, это первые симптомы мозгового хаоса? Нет, вряд ли. Если закладка возьмет контроль над разумом, сработают вирусы.

Не будет никакого хаоса и блокировки сознания.

Сразу смерть.

– Хотя на самом деле тебе просто не повезло, Стас. – Ти-Бон

снова берет верх над братом и продолжает: – Можешь считать, что тебе повезло, Рип. Но твое везение – это я.

Пустота вокруг. Тьма или все-таки свет… Серость.

Дождь. Или брызги от нас, бегущих по лужам навстречу друг другу.

Я и Костя.

Мы едва не сталкиваемся. Секунду просто смотрим, потом я не выдерживаю, бросаюсь на него и обнимаю.

Так и стоим, обнявшись молча. Брат с братом.

И дождь. Или слезы. Или брызги… мы снова бежим навстречу друг другу.

Я и Ти-Бон.

Удары мы наносим одновременно. Но…

Первая ошибка в поединках между импами становится последней. Если противник что-то не просчитал, счет идет на доли секунд.

Удар-блок. Удар-блок. Двоичная система.

Джет учил обходить ее. Тут главное – не ошибиться.

Я не ошибаюсь.

Он видит перед собой то, против чего не может пойти. Аватар «Волхолланда». То, что вписано в исходники каждого из нас. И останавливается. Всего лишь на мгновение дает сбой, а мне этого мгновения хватает.

Он на полу, с перебитым контроллером. Кусок мяса. Проигравший. И не верящий в это.

Я стою над ним и готов сделать всего одно движение, чтобы закончить поединок. Смотрю на него.

Он уже понял, что проиграл. Но еще не понимает, насколько силен его проигрыш. Я ведь не просто сделал «обратку», подключившись админом к модулятору и сменив свой аватар на эмблему корпорации.

Я собираюсь пойти немного дальше.

– Пожалуй, я дам тебе шанс, – говорю я, и мой аватар меняется на обычный. – Скорее всего, ты не выкрутишься, но, может быть, все-таки что-нибудь придумаешь.

И поворачиваюсь к нему спиной.

Успеваю сделать один только шаг – и поворачиваюсь обратно, отражая атаку Ти-Бона встречным ударом.

У него был шанс. Примерно один из миллиона. Или миллиарда. Он рискнул и проиграл. Только позже поняв, что я подарил ему жизнь. И забрал ее.

Позже он придет от этой мысли в бешенство.

А сейчас я доволен. Мой встречный удар проламывает Ти-Бону черепную коробку.

Казалось бы, при чем здесь Джет?..

* * *

Глаза открыты, широко распахнуты – чтобы прогнать все воспоминания об этом сне. Режущий свет лампочки неприятно ударил по глазам, но зажмуриваться Стас не стал.

Гражданин России. Гражданин России. Гражданин России…

Сколько сейчас времени?

В голове – бардак. После виртуальной наркоты не так просто разложить все по полочкам.

Восточный сектор. Подвал одной из многоэтажек в спальном районе. Он забрел сюда утром, после визита к Архивариусу. Здесь же и прикорнул на отопительной батарее – под шорох крыс и яркий свет обычной лампочки.

Надо найти Гражданина России.

Архивариус сказал, где он будет сегодня вечером. Откуда он все знает?

Черт, сколько же сейчас времени?

Есть хочется. Даже не есть – жрать. Пошарил по карманам, нашел несколько купюр. Надо выбираться отсюда.

Шесть часов вечера. Во дворе мамаши выгуливают детишек, старики – собак. Первые через пару часов бросятся отгуливать субботний вечер, вторые прилипнут к экранам телевизоров и проекторов в ожидании популярных субботних шоу.

На парня, вышедшего из подвала, никто не обратил внимания. Здесь никому ни до кого нет дела, каждый занят своими проблемами.

Купил в ларьке пару сухпайков с саморазогревающимися консервами, съел их в ближайшем скверике и только после этого вышел на дорогу.

Игнорируя такси, поймал частника, назвал адрес.

«Casual», ресторан-оранжерея, оазис чистоты в закопченном мегаполисе. Может, это и вранье, но говорили, что сжатый воздух, подающийся в залы ресторана через вентиляцию, действительно привозят с разных точек земного шара. Собственно, за это и платили.

Гражданин России был не один, вместе с ним за столом сидели еще два парня и девушка.

– Привет, – поздоровался Стас.

– Здорово. – Илюха смотрел на него приветливо, но было такое ощущение, что он даже забыл, как зовут Стаса. – Присаживайся.

– Я Стас, помнишь? Мы здесь курили, когда презентация у «Феррари» была.

– Тю! Конечно же, помню. – Илюха расслабился. Точно, забыл, как зовут. – Присаживайся, Стас. Это Тяпа. – Он показал на толстяка, который развалился на навесном диване под ветвями какого-то лиственного дерева. – Это Джина, это Бакс. Ребята, это Стас.

– Привет, Стас, – отозвался Тяпа, подняв руку.

Парень и девушка, явно телохранители, ограничились кивками.

– Мы можем где-нибудь переговорить? – спросил Стас.

– Рассказывай, – кивнул Илюха, даже не пошевельнувшись. – При них можешь говорить.

Колебался Стас недолго. Выбора как такового не было. Присел на указанное место.

– Ты слышал что-нибудь про инкубаторов?

– Те, кто вынашивает ИскИнов? Я не очень в этом разбираюсь, – признался Илья. – А что?

– Я инкубатор. И у меня в голове закладка последней модели боевого ИскИна. Она стоит очень много денег.

– Серьезно? – удивился Илюха. – И ты хочешь ее продать?

Стас осмотрелся по сторонам. Чувство беспокойства не покидало его, и это не скрылось от Тяпы.

– Бакс! – позвал он охранника. – Пойди постой внизу.

Охранник молча встал и пошел к лестнице.

– Работаешь на корпорацию? – спросил Тяпа.

– Работал. Потом они подставили меня приманкой для того, чтобы накрыть «Такечи апгрейд». А после этого хотели сделать мне корректировку.

– Зачем? – удивился Тяпа.

Стас еще раз осмотрелся. Налил себе воды, выпил.

– Я для них ненужный свидетель. Я слишком много знаю… А продолжать работать инкубатором больше не смогу, у меня уничтожен барьер. Но проблема не в этом. Ваш друг залил в мой мозг девять вирусов, которые максимум через сутки уничтожат меня.

– Наш друг? – почти в один голос спросили Илюха и Тяпа.

– Кажется, его зовут Ворм. Он может снять вирусы.

Толстяк натужно крякнул. Илюха скривился, словно съел лимон.

– Ворм? Каким боком он здесь?

И тогда Стас начал рассказывать с самого начала. Сперва комкано и быстро, но после нескольких вопросов все же более подробно.

Трудно было объяснить им, что такое плавающий линк и каким образом он может уничтожить барьер и взять под контроль практически любого человека. Они даже не знали, что их друг Ворм стал большим спецом в брейн-программинге.

А когда Стас закончил рассказывать, Илюха вытащил телефон, набрал номер… подождал соединения, потом покачал головой:

– Отключен. Если его взяла корпорация, то он в большой жопе.

– Вытащит, может? – задумчиво сказал Тяпа. – Она.

– Она уже вытащила. Я ему полтора года дачки возил. Ладно. – Илюха повернулся к Стасу. – Я так и не понял, а чего хочешь ты?

– Если снять вирусы, закладку можно продать. Это боевая модель, одна из последних. Полностью развитый ИскИн – можно заливать в любое тело, и профессионал, считай, будет готов. Заточить как мульта и – пожалуйста, полностью преданный тебе телохранитель. Я хочу снять вирусы и плачу за это своей закладкой, – сказал Стас. Потом, помолчав, добавил: – Торговля бэтээрами – это не херня.

Услышав последние слова, Илюха снова переглянулся с Тяпой. Достал миниатюрный инкрустированный бульб и принялся раскуривать. Кажется, он был… то ли взволнован, то ли обескуражен.

– Кто тебе это сказал? – поинтересовался Гражданин России. – Откуда ты знаешь про бэтээры?

– Архивариус. Он посоветовал обратиться к тебе.

– Кто это?

– Новый пророк, – ответил Тяпа вместо Стаса. – Он на деструктивном софте себе мозги намертво повернул, но я уже про него не первый раз слышу. Надо бы выяснить, кто это такой осведомленный.

– У меня осталось времени меньше суток, – глухо произнес Стас. – После этого мне крышка. Помоги найти Ворма или другого специалиста по вирусам.

– Нас пытаются прослушать, – неожиданно сказала Джина. – Направленый луч, характер не определяется.

А через пару секунд добавила:

– Бакс говорит, что подъехали машины корпорации.

Стас вскочил с места, осматриваясь.

– Бля! – выругался Илюха. – Короче, через три часа в «Мертвом Драконе». Это Маленький Китай. Джина, выведи его через пожарку к метро.

Джина бросила взгляд на Тяпу. Тот согласно кивнул.

– Идем за мной, быстро.

Они шагнули к деревьям. Там, за небольшой рощей, балконы, пожарный выход…

И остановились.

Между деревьями стояли два человека, одетые в комбезы с эмблемой «Волхолланда».

А по лестнице уже поднимался Куратор. За ним – еще двое комбезов.

– Саша, Илья, Стас… мое почтение.

– Где Бакс? – спросил Тяпа.

– Отдыхает. Стас, тебе придется поехать с нами.

– А если он не захочет? – спросил Илюха.

У Куратора непроизвольно дернулась щека.

Старенький еврей, любящий поучать молодежь, рассказывать о своей юности возле камина в окружении своих детей и внуков. Добрый и безобидный, немного ворчливый и слегка забавный.

Внешний вид – обман.

– Не лезь в это дело, Илья.

– А то что?

Отвечать ему Куратор не стал, посмотрел на Стаса.

– Нам пора.

– На корректировку? – с ироничной усмешкой спросил Стас.

– Не говори глупостей. С тебя снимут вирусы и закладку, вернешься к своей обычной жизни.

– Оставишь такого свидетеля, как я, в живых?

Стас переводил взгляд с одной пары комбезов на другую, те стояли, не двигаясь.

– Я не убийца, Стас. То, что тебе наговорил Ти-Бон, это результат сбоя его программы. Ворм находится у нас, кроме него за сутки никто не сможет снять вирусы. Поехали, у нас действительно мало времени.

Он умел убеждать. Своим тихим, мягким голосом, едва заметно картавя.

…Надо ехать. Кроме них ведь никто не поможет. И времени действительно нет…

…Нельзя ехать. Корректировка. Ничего другого не будет…

Стас сделал неуверенный шаг по направлению к Куратору.

– Ворм сейчас у вас? – спросил Илюха. – Как с ним связаться?

Секундная заминка.

– Не получится. Сейчас не получится.

– Почему?

– Потому что сейчас он занят. Позже с ним встретитесь. Стас?

В голосе Куратора послышалось легкое нетерпение.

– Пожалуй, я рискну и останусь.

Куратор нахмурился, впрочем, лицо тут же снова приняло свое обычное чуть лукавое миролюбивое выражение. Он шутливо погрозил пальцем.

– Тасик, Тасик… мы так не договаривались.

– Мы вообще никак не договаривались, – произнес Стас. – Вы использовали меня в своей игре, о которой даже не предупредили. Мне не очень хочется верить вам второй раз.

– И тем не менее ты поедешь с нами.

Все. Добряк пропал. Волчара сбросил овечью шкуру, показав истинное обличье.

Комбезы двинулись вперед с каменными лицами, окружая Стаса.

Илюха поднял руку.

– Эй, а не слишком ли…

– Ты лучше не лезь, – жестко произнес Куратор. – Даже вы не застрахованы от несчастных случаев.

– Джина, – негромко позвал Тяпа, и девушка перегородила комбезам дорогу.

– Зря, – пробормотал Куратор и скомандовал: – Убрать. Обоих.

Дальше все происходило в течение нескольких секунд.

Комбезы выхватили пистолеты.

Джина прыгнула на одного из них.

А Стас… исчез.

В ту же секунду между комбезами метнулось что-то темное. Один из них, тщетно сопротивляясь неведомой чудовищной силе, управлявшей его рукой, навел пистолет на своих товарищей и несколько раз выстрелил, точно попав цель, после чего наставил оружие под свой подбородок и снова нажал на спусковой крючок.

Стас отпустил его руку, и тот мешком свалился на пол.

Куратор расслабил галстук, расстегнул пуговицу ставшего вдруг таким тугим воротничка безукоризненно выглаженной рубашки.

Только что на его глазах обычный парень, убив четырех импов, продемонстрировал скорость движений, сравнимую разве что с ускоренной перемоткой видео.

Не может так двигаться обыкновенный человек, у которого скелет не усилен сервомоторами, в мышцах отсутствует биопластик, а в мозг не залит ИскИн.

Кажется, Стас и сам слегка оторопел от собственной прыти, хоть и старался не подавать виду.

– Рано мне еще умирать, – сказал, глядя Куратору в глаза. – Ты уходи. И не мешай мне. Уходи.

Куратор мелкими шажками придвинулся к лестнице, а потом,

топая по дереву подошвами туфель, побежал вниз.

– Ни хрена себе… – произнес Илюха.

Тяпу вырвало прямо на диван.

– Ты поможешь мне? – спросил Стас.

– Не знаю, дорогой. – Илюха поморщился, глядя на блевотину. – Я, честно говоря, даже не представляю…

– Сейчас здесь будет спецназ, они этого так не оставят, – Стас говорил быстро, словно боялся не успеть сказать. – С Вормом не связывайся, это наверняка будет подстава… Хотя, скорее всего, его просто не выпустят в ближайшее время. Найди хороших брейн-программеров. Мне надо обнулить вирусы. Торговля бэтээрами – это не херня.

– Я попробую… – сказал Илюха.

– Тогда через три часа – там, где условились. Если ты не придешь, я буду знать, что ты не сможешь мне помочь, но… только не предавай меня. Ладно?

Илюха покосился на четыре тела, лежащие на земляном полу.

– Ладно.

Перепрыгнув через тела, Стас скрылся в деревьях.

По лестнице уже поднимались – с опаской и явной неохотой – охранники ресторана.

– И что ты собираешься делать? – спросил Тяпа, вытирая салфеткой рот.

– Для начала свалить отсюда. – Илюха встал. – Видел, как он двигался? Как метеор…

– Для начала? – воскликнул Тяпа. – Бля! Четыре трупа, в этой теме корпорация замешана, а ты мне говоришь – для начала?

Он посмотрел на тела убитых, и его снова вывернуло наизнанку.

* * *

Почти семьдесят человек из «Дизайн интернешнл» гуляли в небольшом баре-ресторане. Корпоративная вечеринка грозилась превратиться в банальную оргию. Все пьяны, вокруг музыка, разгоряченные тела – идеальная почва для секса. Некоторые парочки успевали уединиться, чтобы через некоторое время вернуться раскрасневшимися, растрепанными, но довольными. Кто-то кого-то пытался раздеть прямо за столом, кто-то сам раздевался, танцуя на этом же столе. Дашкина начальница несколько раз порывалась взобраться на сцену, к полуголому гитаристу. Очередной заход был неудачным: ее снова стащили с подиума, тогда она принялась звать гитариста вниз, приманивая

его стопкой купюр.

Обычная практика: в будний день никаких излишеств, зато в выходной – отрыв по полной программе. Для вечеринки было сразу несколько поводов: два удачных заказа, конец недели, конец месяца. Фирма платит. Фирме надо, чтобы сотрудники отдыхали вместе, работали вместе и вместе приносили прибыль. Гуляйте, друзья. Забудьте о строгих костюмах и деловых лицах. Раз в неделю побудьте животными. Расслабьтесь. Алкоголь, легкие наркотики, секс и музыка – вы заслужили это неделей упорного труда. Отдыхайте, фирма платит. Пользуйтесь всеми услугами.

Для Дашки подобные сейшны не были чем-то необычным. Разве что сейчас она впервые была клиенткой, а не услугой.

Одно и то же. Нет разницы – гуляют менеджеры «Волхолланда» или маленькой дизайнерской фирмы. Первые, правда, платят побольше, но и запросы куда более «изысканные».

Весь вечер к ней лип мужик из соседнего отдела. Выпьет и лезет. Покурит – и лезет. Пытается облапать, настойчиво просит выпить с ним или хотя бы потанцевать. Мерзотный такой, даже кольцо обручальное не удосужился с пальца снять.

Глаза уже горят похотливо, но более радикальные меры применять пока не рискует. Выжидает. Как паук в паутине.

Она уже давно бы ушла, но начальница еще перед самой вечеринкой предупредила – кто уйдет раньше, пусть на бонусы не рассчитывает. А бонусы Дашке очень нужны.

И когда она увидела светловолосого корейца, стоящего у входа, сначала обрадовалась. Вот он, тот шанс убежать отсюда. Сослаться на дела сложно, но если это дела с сотрудником самой могущественной организации в России, вряд ли кто-то будет спорить или возмущаться.

Но сразу же поняла – он приехал сюда не просто так. Значит, что-то случилось со Стасом. Или, может быть…

Выскочив из-за стола, подбежала к нему. Увидев девушку, Ти-Бон улыбнулся.

– Что-то со Стасом? – тут же спросила она.

Он отрицательно покачал головой.

– А что случилось?

– Ничего. Просто хотел тебя увидеть.

Она недоверчиво прищурилась.

– Зачем?

– Даша, ты веришь в любовь с первого взгляда? – спросил он. – Я нет.

– Я тоже, – прямо ответила она. – А что?

– Я мог бы забрать тебя отсюда. Если есть желание.

Она чуть было не выкрикнула: «Есть!» – но сдержалась. Негоже вот так вот сразу, надо же и цену себе знать. Повернулась, посмотрела на мужика из соседнего отдела, который пялился на них исподлобья, потом снова перевела взгляд на Ти-Бона.

– Наверное, есть, – сказала. – Смотря куда ты меня заберешь.

– Как сказал один поэт, весь мир в нашем распоряжении. Идем?

– Мне надо предупредить своих, что я…

– Это кто это у нас такой красивый? – Пьяно покачиваясь, возле них остановилась начальница с двумя бокалами в руках. – А? Даша, это твой кавалер? Я хочу выпить с ним на брудершафт.

И протянула Ти-Бону бокал.

Он не пошевельнулся. Дашка тоже стояла молча, растерянно – ей было немного неловко.

– Ну же! Выпей со мной!

– Я не пью, – ровно ответил Ти-Бон.

Начальница повернулась к Дашке:

– В нашем коллективе трезвенники не нужны.

Скажи ему, чтобы убирался, раз такой гордый.

– Мы сейчас уедем, – мягко пообещал Ти-Бон.

– Мы? Даша, если ты посмеешь уехать с этим китайцем…

Он протянул руку вроде как взять бокал – двумя пальцами, большим и указательным, мягко взял ее за горло, второй рукой развернул перед ней вкладку бумажника, где блестела ярким неоном эмблема «Волхолланда». Спецотдел. Личная подпись Барта Савицкого, второго, а возможно и первого, человека в России.

И рядом небольшой значок, сообщающий о том, что все имплантанты, установленные на Ти-Боне, имеют лицензию.

– Я кореец, крошка. Понимаешь, о чем я?

Пятидесятилетняя «крошка» загипнотизированно кивнула.

– Иди, танцуй, детка. Развлекайся.

Пальцы разжались. С каменным лицом она повернулась и пошла в сторону гуляющей толпы. На полпути обернулась, заискивающе улыбнулась и продолжила путь.

– Пошли? – спросил Ти-Бон.

Они вышли. Прямо перед входом, под знаком, запрещавшим парковку, стоял спортивный эксклюзив.

– Твой? – спросила она, любуясь обтекаемым красавцем, стОящим едва ли не дороже ресторана, из которого они вышли.

– На сегодня он твой.

Пискнул брелок, двери поползли вверх. Дашка подошла ближе, заглянула внутрь.

Салон благоухал дорогим парфюмом и натуральной кожей.

Зажглись проекции приборов – у нее аж дух перехватило от восхищения.

– Даша! Ты куда?!

Он даже помнил, как ее зовут, а она про него знала только, что он работает в соседнем отделе.

Повернулась.

Он посмотрел на нее, потом на Ти-Бона, потом перевел взгляд на машину. Номера, на которых вместо цифр и букв красовалась эмблема «Волхолланда».

Точно так же, как несколько минут назад начальница, заискивающе улыбнулся, неуклюже махнул рукой.

– Удачи. До понедельника.

И скрылся в дверях ресторана.

– Садись, принцесса.

И Дашка, наверное, впервые за всю свою жизнь действительно почувствовала себя принцессой.

* * *

В Маленький Китай Тяпа ехать не хотел. Там и в будний день (точнее, ночь) не протолкнуться, а сегодня, в ночь с субботы на воскресенье, вообще жопа полная. Не то что машину негде поставить, самому бы не потеряться среди толпы, блуждающей по улицам города веселья.

«Мертвый дракон», или, как его еще называли, «Труп», – место проведения боев класса «Башня Смерти». Между животными, разумеется. На десяти различных рингах модификанты бойцовых крыс и петухов разрывали друг друга в клочья под восторженные вопли толпы. А в трех террариумах и одном аквариуме собирали кровавую жатву пауки, змеи и хищные рыбы. Апогей зрелищ – бой двух накачанных стимуляторами быков. Побежденного через некоторое время можно заказать в ресторане заведения.

«Мертвый дракон» открылся года три назад. Тогда здесь устраивались бои между насекомыми, изредка – между рыбами. За три года бизнес существенно расширился, в Маленьком Китае у «Мертвого дракона» практически не было конкурентов.

На богомолов и сверчков Илюха еще приходил. Пялился на демонстрационный холоэкран, где огромные трехмерные проекции богомолов и пауков повторяли все движения своих версий-original.

Насекомые – это смешно. А когда крови стало больше, а раны глубже, интерес к боям начал пропадать.

Сейчас он пришел сюда не за этим. Но Тяпа уже договорился с администратором насчет вип-столика и послал одного из своих телохранителей купить у разных букмекеров несколько электронных карт. Пришлось садиться, взять пару карт «за компанию» и просмотреть линию.

Девять бойцовых крыс. Девять дьявольских сознаний, в геноме которых заложен один инстинкт – убивать себе подобных. Девять номеров.

Силы равны. Шанс есть у каждой. Лабиринт «Башни Смерти», в котором происходит схватка, напичкан не только сотнями миниатюрных камер. Стимуляторы разбросаны по всем углам, одноразовые ловушки-капканы ожидают свои первые жертвы.

Участник Шесть попадет в ловушку.

Участник Два покинет турнир первым.

Участник Два покинет турнир вторым.

Участник Семь станет победителем турнира.

Участник Два станет победителем турнира.

Илюха сделал ставки, даже не глядя на коэффициенты выигрыша. Все время осматриваясь.

Звук гонга и последовавший за ним рев толпы означали, что турнир начался. Вспыхнули на экране первые проекции, буквально через минуту началась первая схватка.

Пальцы вытащили из кармана походный бульб.

Щелкнула встроенная зажигалка.

– Привет.

Джина и Бакс, телохранители Тяпы напряглись, но, убедившись, что подошедший не представляет опасности, успокоились. А Тяпа, тот вообще не обратил на парня никакого внимания, уставившись в экран.

Стаса и не узнать. Это не встроенный перевоплот, это классический рукотворный грим, но выполненный на все сто процентов.

Мужчина лет сорока, ростом чуть выше Стаса, с мясистым лицом и красным, как у пьяницы, носом. Редкая бородка, аккуратно подстриженные усики, залысины, виднеющиеся из-под шляпы. Рубашка расстегнута, и видна массивная золотая цепь на волосатой груди и татуировка на шее. Узнать в этом завсегдатае боев Стаса было весьма непросто.

Он сел рядом, но не за стол, а ближе к перегородке, так, чтобы было видно все, что происходит в зале.

– Есть новости?

Даже голос изменен. Вставил, видимо, мембрану в горло.

Мастерски.

– Я нашел покупателя на закладку, – произнес Илюха. – Они

готовы попробовать снять вирусы, но не дают никаких гарантий.

– Покупателя найти не проблема. Мне нужен Ворм, чтобы снять вирусы.

Вообще-то он был неправ. Найти покупателя на такой товар, к тому же являющийся собственностью «Волхолланда», непросто. Но спорить Илюха не стал.

– Ворма не выпустили, держат у себя, с ним никакой связи нет.

Стас выругался вполголоса.

– Архивариус сказал, что ты можешь помочь.

– А он не сказал тебе, как? Я разговаривал с одним знакомым брейн-прогером, он говорит, что дестрой-софт из мозга можно стереть, только зная исходники и имея декодеры к нему. Вирусы писал Ворм. Он сейчас в руках корпорации, и они его не выпустят, пока ты не…

Илюха осекся, но Стас и так понял, что тот хотел сказать.

Новый рев толпы – в «Башне» остались три участника, и они должны были вот-вот встретиться.

– Слушай… – Илюха вытащил мобильный. – Понимаешь, брейн-программистов не так много, среди наших только Ворм этим занимался… – Набрал номер, прижал трубку к уху. – Уж и не знаю, с чего это Архивариус решил, что я смогу тебе помочь, но… Алло! Да, это я. Ну что там? Понял… Не бойся, эта линия не прослушивается… Сто процентов… Я тебя подводил?.. Да.

Искоса поглядывая в зал, Стас с надеждой наблюдал за разговаривавшим по телефону Илюхой. Шестое чувство подсказывало, что тот может ему помочь.

Надежда умирает последней.

– …Понятно. Нет. Так не пойдет…

Тяпа придвинулся к Стасу, слегка толкнул его плечом.

– Слышь, а как ты так быстро двигался? Джина говорит, что у тебя нет имплов.

– «Девелопер», – коротко ответил Стас.

– Та самая программа, с помощью которой угри и аллергию лечат? – недоверчиво переспросил Тяпа. – Ты не…

Он не успел договорить. Стас чуть привстал и тут же сел.

– Они здесь, – произнес, сунув руку в карман.

– Кто? – не понял Тяпа.

– СБ «Волхолланда». И спецназ федеральных сил. Мне пора уходить. – Повернулся к Илюхе. – Ну, что?

– Щас… – Он оторвал трубку от уха, снова поднес: – Привет. Слушай, я сейчас по другому каналу разговариваю, давай чуть позже… Ты?! Ты… ты в Москве? Откуда … Ты поможешь?.. Я ничего не понял. Ты снимешь вирусы?.. Готовь шашлык. К обеду

буду.

Илюха посмотрел на Стаса:

– Ты знал?

– О чем? – не понял Стас.

– О том, что вирусы писал не Ворм.

– Нет.

Стас снова глянул в зал, рука вынырнула из кармана с зажатым в ней пистолетом, и Илюха заволновался:

– Эй, эй… это не Москва, это Маленький Китай, Стас. Устроишь здесь пальбу, и у нас будут неприятности.

– Они уже у меня есть, – сказал Стас. – Там наемники корпорации. Нам надо уходить. Ты выяснил что-нибудь?

– Да. Придется немного прокатиться. Пошли, что ли? Тяп, ты с нами?

– Давай только досмотрим… – Тяпа только протянул было руку в сторону проекции «Башни», как Стас открыл огонь. В пол. Пули с чмоканьем входили в резиновую поверхность, но этого слышно не было из-за грохота выстрелов.

Посетители «Дракона» повскакивали со своих мест. Паника, крики, падающая мебель – и пронзительные визги дерущихся крыс из динамиков.

Схватив Илью за руку, Стас потянул его… не к выходу, а в противоположную сторону.

– Ты куда? – крикнул Илья, волей-неволей устремившись за ним.

Сопротивляться бесполезно. Железная хватка. Тиски.

– Там выйдем! – Стас врезался в толпу, словно нож в масло.

За ним Илюха, потом Тяпа и Джина с Баксом, прикрывающие отход.

Женский туалет. Система вентиляции. Соседнее здание – какой-то порнопритон. Уже оттуда вышли на соседнюю улицу.

Со стороны «Дракона» доносились крики и вой сирен. Здесь же было относительно спокойно – два людских потока в обе стороны, и никому нет дела до стоявших в нише одного из зданий пятерых человек.

– Куда надо ехать? – спросил Стас.

– Ага, я бы тоже хотел это знать.

Тяпа подошел поближе. Илюха посмотрел на него, подмигнул:

– В Ростов. Тяпа, ты рад?

* * *

– Значит, он обратился к Гражданину за помощью. Почему именно к нему? – Ринат вопросительно взглянул на потолок.

– Ему подсказал Архивариус, – ответила Алиса.

– А это кто такой?

– Он – другой.

– Чего? – от удивления Ринат даже привстал.

– Неважно. Ты все равно не поймешь.

– О'кей. И что дальше?

– Илья собирается помочь Стасу. Во всяком случае, ищет по своим каналам брейн-программистов, которые могли бы снять вирусы.

– Бредовая затея, – равнодушно произнес Ринат. – Он не найдет.

– Не найдет, – подтвердила Алиса.

– И мозги этого инкубатора превратятся в желе.

– Не совсем удачное сравнение, но смысл правильный, – снова согласилась Алиса.

– А с корпорацией связываться – будут проблемы.

– Будут, – в третий раз эхом отозвалась Алиса.

Ринат прошел к холодильнику, возле которого уже почти час сидел кот в надежде получить какой-нибудь жратвы.

Ромеро давно игнорировал кошачью еду, а в последнее время вообще перестал потреблять любую пищу с синтетикой. Мясо, сосиски, колбаса – но только из натуральных продуктов. Разжирел, ленивым стал.

Пару лет назад Ромеро травануся чем-то во время очередной отлучки. Скорее всего, привет от соседей, частенько недосчитывающихся цыплят. Помирать Ромеро пришел домой. Лег на диван и стал выть. Выл и блевал, блевал и выл. А когда ветеринар приехал, он уже едва дышал.

Кот отдуплился только через неделю. К этому времени Алиса сжалилась и согласилась сделать то, о чем ее просил Ринат. И сделала. Ромеро стал первым в мире котом-импом. Жирным, ленивым котом.

Ему лень было даже воровать.

Поколебавшись, Ринат бросил ему ломоть ветчины, себе взял банку пива и вернулся в комнату.

– Зачем ты мне это рассказала? Хочешь снова втянуть меня в эту игру? Ты же сама говорила, что для нас с Вормом она закончена.

– Мне достаточно будет видеть твою реакцию. Больше ничего.

– Мою реакцию?

Ринат осмотрелся. В комнате по периметру было установлено около десятка различных камер. Он ыбрал одну из них и показал

туда средний палец.

– На, любуйся моей реакцией. Как тебе?

Короткая пауза. Она делает паузы не для того, чтобы раздумывать самой, – ее ответы готовы раньше, чем задан вопрос. Она дает время своему собеседнику.

Минута тишины – как минута молчания.

Молчание начинало затягиваться.

– Чего ты хочешь?

– Я не понимаю тебя, – отозвалась Алиса.

– Почему Стаса хотят убить? Он же, по сути, помог накрыть «Такечи».

– Я не располагаю этой информацией.

Это могло означать и то, что она просто не считала нужным рассказывать об этом Ринату.

– Ему все равно крышка.

– Бесспорно, ты разбираешься в этом.

– Я позвоню Илюхе.

– Это твой выбор, Ринат.

– Можешь сделать так, чтобы разговор не отследили?

– Я уже сделала это для Ильи. По его просьбе.

Проекция интерактива исчезла. Ринат набрал номер, дождался соединения.

– Алло. Привет.

– Привет, – отозвался знакомый голос. – Слушай, я сейчас по другому каналу разговариваю, давай чуть позже…

– Это я писал для него вирусы.

Про себя Ринат улыбнулся, представив удивленную физиономию Илюхи.

– Ты?!

– С Вормом вместе. Долго рассказывать. Короче, я знаком с исходниками вирусов.

– Ты… ты в Москве?

– Нет, у себя.

– Откуда… Ты поможешь?

– Илюх… даже если снять вирусы, ему все равно крышка. Закладка пробьет барьер, и наступит коллапс Гэнда.

– Я ничего не понял. Ты снимешь вирусы?

– Привози его сюда. Постарайся без приключений.

– Готовь шашлык. К обеду буду.

Илюха отключился. Ринат повертел в руке трубку, небрежно бросил ее на пульт управления интерактивом.

– Ты этого добивалась? – спросил, не рассчитывая на правдивый ответ.

– Ты сам делаешь выбор. А потом винишь в этом кого угодно,

кроме себя.

– Я могу позвонить Илюхе и сказать, что не буду снимать вирусы.

– И это тоже будет твой выбор, Ринат. Включить интерактив или пойдешь спать?

– Спать, – буркнул Ринат и вышел из зала кинотеатра.

Сон еще долго не шел. Ворочался, комкая простыню и безуспешно пытаясь заснуть.

За тысячу километров от его дома, в джипе-эксклюзиве засыпал Стас. Нервы на пределе, но в сон все равно тянуло очень сильно. Джип приближался к цели со средней скоростью в двести километров. Облокотившись на окно, Стас медленно проваливался в сонную пропасть…

* * *

Комаров – пропасть. Тысячи, миллионы, миллиарды этих мерзких созданий. На меня не садятся – мой пот выделяет диэтилптолуамид и еще какие-то вещества, которые их отпугивают, – но они тучей роятся над головой, вызывая реальный нервоз.

Ну на кой, спрашивается, Ной взял тогда на свой ковчег парочку кровососов, ставшую прародителями этих тварей?

Стрекозы словно скоростные истребители (да так оно и есть) носятся среди этих туч. Для них комары – пища. Для комаров пища – я. Ну или мне подобные. А что пища для меня?

Обогащенный витаминами протеин в тюбиках, который приходится есть, отключив вкусовые рецепторы. Кто-то из курсантов «Сантаны» пошутил, что, если в тюбики вместо этого геля серого цвета засунуть дерьмо, разницы не почувствуешь.

Здесь, в джунглях Среднеазиатской полосы, я нахожусь уже пятые сутки. Пять дней и пять ночей. Из оружия – десантный нож. Из еды – недельный запас тюбиков с дерьмом.

За это время я стал здесь своим, среди змей, диких зверей и этого долбаного комарья. Меня учили становиться своим. Везде. Среди людей. И среди зверей.

«Мы с тобой одной крови», – говорил Киплинг.

«Мы с тобой из одного теста», – говорил Джет.

Джету я верю больше, чем Киплингу.

Жду. Уже пятый день. Я знаю, что он придет.

Устроившись среди лиан, закутавшись в плащ-хамелеон, жду.

Он появляется на шестой день. Не сразу замечаю его, и это слегка портит мне настроение.

Все происходит за одну минуту: он входит в дом и почти тут же выскакивает обратно. Стоит на пороге с безумным лицом, сжимает в руке автомат, озирается.

Я не шелохнусь, хотя внутри меня все клокочет от радости.

Я. Это сделал я. И никто другой. И Ти-Бон знает это.

Он кричит, задрав лицо вверх. В его крике – боль и отчаяние. И еще – ненависть и слепая ярость. Последнее адресовано мне.

Ти-Бон знает: я его слышу и вижу. Знает и то, что не сможет найти меня. Во всяком случае, сейчас.

Он нарушил правила, и его наказали. А то, что орудием возмездия был я, – это уже моя личная инициатива.

Постараюсь сделать так, чтобы ему стало известно: это я рассказал руководству про одинокий домик в лесу. Поэтому мне и не отказали в просьбе наведаться туда самому.

Ты ИскИн, Ти-Бон. Для тебя не существует любви по определению.

Никогда, мразь, не забывай об этом!

А если забудешь… Рядом всегда есть друг, который напомнит.

* * *

Стас открыл глаза и шумно выдохнул:

– Он не будет меня искать. Он будет меня ждать. У Бьянки.

– Что? – спросил Илюха. – Кто не будет искать?

Стас не ответил.

Уже рассвело. За окном проносились столбы линии электропередачи, деревья, машины…

За рулем сидел Илюха, рядом с ним Тяпа кемарил, слегка похрапывая.

– Что ты там говорил? Кто тебя искать не будет?

Илюхе явно было скучно.

– Неважно, – коротко ответил Стас. – Сколько нам еще ехать?

– Успеем засветло. Слушай, ты мне расскажи, как ты смог так быстро двигаться? Я в жизни такого не видел. – Он даже на секунду повернулся посмотреть на Стаса.

– Он знает. Знает, что я буду его искать, – продолжал вслух непонятно бормотать Стас. – Значит, знает и… Кто это? Илья, к кому мы едем?

– Наш с Вормом друг. Говорит, что это он писал вирусы.

Стас повернулся, посмотрел в заднее стекло, сел обратно – погруженный в мысли.

– Я, честно говоря, не ожидал, что Ринат – брейн-программер.

Раньше он… короче, он не говорил никогда… Хотя Ворм тоже не говорил. – Илюха повернул голову и толкнул Тяпу. – Слышь! Может, ты тоже какую-нибудь поганку крутишь и не рассказываешь?

Тяпа встрепенулся, потом пробурчал какое-то ругательство и развернулся на другой бок.

– Слушай, а что такое плавающий линк? – спросил Илюха.

– Матрица сознания, перенесенная в новый носитель. А что?

– Значит, все-таки эта херня существует! – воскликнул Илюха. – А все в один голос твердят, что это невозможно.

– Возможно. Где живет ваш друг?

– Относительно недалеко. – Илюха на секунду повернулся. – Потом поедем к покупателям на твою закладку. Если все пройдет нормально, получишь небольшую доляху.

– Хорошо, – без эмоций отозвался Стас.

Илюха еще что-то спросил про инкубаторов, но Стас ему не ответил, и он, то ли обиженный, то ли нет, включил музыку.

Слушая немецкий рок, Стас вдруг вспомнил брата, и ему сильно захотелось позвонить ему. Поговорить. Услышать его голос, чтобы он убедил его – все будет хорошо.

* * *

– Говорю вам, он вышел из-под контроля, а я лишь пытался исправить ситуацию.

Куратор нервничал. Ему не нравился не только тон, которым с ним разговаривали, но и сам предмет разговора в целом.

– Исправил?

– Случилось невероятное, я же объяснял, что…

– Случилось то, что должно было случиться. Почему ты сразу не поставил нас в известность? Почему действовал сам?

Куратор сидел за столом в своем кабинете, испытывая желание отключить связь и не слышать никогда этот голос.

– Вы мне тоже не сразу сообщили, что похищение – это фикция, а на самом деле проводится операция…

– Ты считаешь, что мы должны отчитываться перед тобой?

– Нет, но…

– А может быть, это ты вышел из-под контроля?

– Послушайте, я всего лишь…

– Ты всего лишь пытался ликвидировать инкубатора, хотя он не представляет никакой угрозы.

– Он свидетель и…

– Свидетель чего? Несуществующего проекта? Или чего-то

другого?

Кровь отхлынула от лица. Неужели они подозревают его?

– Ты слышал про уголовную ответственность за торговлю запрещенным софтом, в который входят и ИскИны?

– Я не понимаю… – прохрипел Куратор.

– Все ты понимаешь. И то, что вместо «Такечи апгрейд» нам подставили недоделанную лабораторию с несколькими стажерами, – твоя вина.

Они не подозревали. Они знали. Знали всё.

– А вы не много ли на себя берете? – Фраза прозвучала скорее жалко, чем угрожающе. Реакция не замедлила последовать.

– Это ты на себя много взял. Мы уже видели логи твоих переговоров с «Такечи». Пять с половиной миллионов, да, Куратор? Ты уволен.

Это конец. Надо уходить. Прямо сейчас.

Приложил руку к сенсору – из стола мягко выехал ящик. Документы, деньги, пистолет.

Уходить. Есть счета, есть знакомые хирурги, которые помогут изменить…

Какой-то шум за дверью.

Куратор схватил пистолет, передернул затвор…

Дверь открылась. В проеме стоял Ти-Бон. В руке – «Шторм». Его дуло направлено на хозяина кабинета.

– Eins. Hier kommt die Sonne. Zweig. Hier kommt die Sonne, – негромко напел он, переступая порог.

Вот зачем СБ прислали обычного карателя. Который не искал инкубатора, а лишь делал вид, что ищет.

И на самом деле уже не важно, почему он отпустил Стаса. Возможно, это какая-то новая игра против «Такечи апгрейд». А может быть, что-то другое.

Не важно.

Это конец.

Перед смертью он еще успел улыбнуться. Заискивающе так, словно извинялся за свое предательство.

Кровь залила документы на имя человека, чье лицо так и не появилось в этом мире. А также тщательно уложенные пачки денег, предназначавшиеся для Мексики.

Адиос, Лос-Кабос.

* * *

Ринат встретил гостей хмурой и небритой физиономией.

– Ну ты удивил… – сказал ему Илюха, едва они вылезли из

машины.

Ринат пожал плечами, что могло означать все что угодно, затянулся последний раз и бросил сигарету в банку с водой, стоявшую на крыльце.

– Симбиоз времен, – сказал Тяпа, а когда Ринат непонимающе посмотрел на него, пояснил: – Ехали сейчас с Илюхой и обсуждали тебя. Пришли к выводу, что твое эго состоит из двух частей разного времени. Вот это вот все, – Тяпа обвел вокруг рукой, – из глубокого прошлого, а то, что ты с Вормом сделал, – к этому приложила руку твоя более современная часть.

– Накуренные ехали? – мрачно поинтересовался Ринат.

– Давай сначала дело сделаем, потом поговорим. – Стас шагнул вперед.

Ринат посмотрел на него, отвел взгляд в сторону. Хотел что-то сказать, но сдержался, лишь кивком показал на дом и первый вошел внутрь.

По чугунной винтовой лестнице спустились в подвал. Черные стены «под копоть», факелы с неоновым пламенем, под потолком плывут «Doomовские» лица.

– Ты, по ходу, с ума тут сошел, – констатировал Тяпа при виде этой жесткой готики.

Ринат не ответил.

На тяжелом столе из литого чугуна расположились два лэптопа – один с ЖК-монитором, другой с активным холоэкраном.

Шапка из проводов и нейросенсов, единственный стул в помещении – всем этим воспользовался Стас. Ринат встал перед компьютерами, набрал на одном несколько команд… Развернулся.

Илюха и Тяпа стояли за спиной, внимательно наблюдая за его действиями.

Секунду Ринат молчал, потом произнес:

– Идите наверх.

– Нельзя смотреть? – миролюбиво улыбнулся Илюха.

Ринат оставался серьезным:

– Нельзя.

Он не шутил. Скорчив недовольное лицо, Тяпа пошел к лестнице первым. За ним Илюха. Когда их шаги стихли, Ринат вытащил из-за компьютера несколько проводов с нейросенсами и стал их закреплять у себя на висках и затылке.

Повернулся к Стасу, глухо сказал:

– Ты извини… за вирусы. Это была идея Джета… Ну того, кто выдавал себя за Джета.

– Ты кибер? – спросил Стас. – У тебя есть имплы?

Отвечать Ринат не стал. Сказал:

– Постарайся сосредоточиться на своих воспоминаниях. Что-нибудь из детства. Я начинаю.

Enter.

Connect.

Energy low.

Energy high.

На мониторах плясали узоры видеокодинга, но Ринат на них не смотрел, прикрыв глаза. Чуть подрагивают веки. От нервного напряжения – постоянная сухость во рту.

Верхний поток снят. Директивы, в которых вшиты вирусы. Но не они сейчас нужны. Дальше, глубже.

Energy low…

Energy high…

История жизни ИскИна. Точнее, двух. История их противостояния. Их ненависти друг к другу. История болезни.

Полигон «Сантаны». Инструктор по имени Джет. Настоящий Джет. Он тренирует таких, как Рип и Ти-Бон. Учит их воевать с себе подобными.

Они ненавидят друг друга с того самого момента, как первый раз встретились. Но после того, как одного из них признают негодным, их ненависть достигнет апогея.

Рипу больше нечего терять. У него оставалась последняя возможность произнести «Рест ин пис». И Рип ее использовал.

Глаза распахнулись. Ринат смотрел на Стаса.

Инкубатор сидел парализованный – все ресурсы, кроме необходимых для жизнедеятельности, отключены.

– Ты стер у него что-то из памяти, – прошептал Ринат, обращаясь не к Стасу, а к его закладке. – Не просто стер, а вырезал весь участок. Сектор, который назывался «Катрин». Там было что-то очень важное для него, а ты стер это. Поэтому он так ненавидит тебя.

Стас не реагировал на шепот. Статуя.

– Но почему? Вы же оба ИскИны…

Energy low…

Energy high…

Они были одинаковы во всем. Исходники, тренировки, кодинги-шмодинги… вся эта ерунда, которой пичкают ИскИнов, прежде чем отдать на развитие инкубаторам, была идентичной для обоих.

И тем не менее, одного признают негодным, а второй отправится в мозг инкубатора, чтобы впоследствии стать сотрудником СБ «Волхолланда».

Было что-то еще. Было объяснение тому, что Ти-Бон не стал

сразу убивать своего врага, а отпустил его. Но едва сканер коснулся тех логов, что могли дать ответ на этот вопрос, Рината выбросило. Как выбрасывает хакера из чужой системы программа защиты, как муж выбрасывает в окно любовника своей жены.

Несколько последующих безуспешных попыток влезть в память закладки ничего не дали.

Ринат стер вирусы в течение двадцати минут.

Загрузившись со своего декодера и подключив свою операционку. Разорвал контакт и закурил в ожидании, когда инкубатор очнется.

Сверху доносились басы динамиков. Наверное, Илюха включил интерактив. Похоже, что и он скоро подсядет на эту виртуальную заразу.

Стас повернул голову, посмотрел на Рината, сидящего на краю стола. Молча взял сигарету и тоже закурил.

– Я снял вирусы, – произнес Ринат.

Стас кивнул – то ли спасибо, то ли просто дал понять, что принял к сведению. Был бы кто другой – наверное, обиделся. Но Ринату это как-то не с руки – это ведь он, считай, сам установил вирусы, которые, как сказал псевдо-Джет, должны стать страховкой. Собственно, они и были страховкой. На случай, если инкубатор попадет не в те руки.

– У тебя там закладка… – начал Ринат. – Она уже начала прописываться…

– Я знаю.

– Если ее не снимут, у тебя…

– Я знаю. Ее снимут.

– О'кей. Это ваши проблемы, я свою задачу выполнил.

Что еще сказать, Ринат не знал. Вроде бы, с одной стороны, должен извиниться перед ним, а с другой – кажется, этому парню действительно все равно.

– Слушай… – В горле у Рината запершило. – Мне действительно жаль, что так получилось. Мы понятия не имели, что все это было заранее подстроено и…

Стас его не слушал. Даже вид не делал, что слушает.

Слова – что горох об стенку.

– Я просмотрел записи твоей памяти… там очень странный видеоряд. Кто такой Ти-Бон?

– Он отпустил меня, потому что придет к Бьянке, – отрывисто сказал Стас. – Он будет мстить. Точно так же, как я.

– Ти-Бон? Этот кореец? Ты знаешь, кто он?

– Клон-копия. Мое второе я. Наши исходники нейроматриц однотипны.

– Копирование невозможно. Нейроматрицы уникальны…

Договорить фразу об основах теории брейн-программирования Ринат не успел: четкий, выверенный с точностью до миллиметра удар в висок уложил его без чувств на пол.

Вытащив из-за пояса пистолет, Стас шагнул к ступенькам лестницы.

– Даже не пытайтесь, – произнес он, когда поднялся и увидел Джину и Бакса, оставшихся в холле.

– Илья! – крикнул Бакс. – Тут проблема, Илья!

Из комнаты-кинотеатра вышел Илюха, за ним Тяпа. Увидев Стаса с оружием в руке, Илюха сглотнул:

– А где Ринат?

– Внизу. Живой. Без сознания.

– И что это означает?

– Я ухожу. Извини, но сейчас я не могу отдать тебе закладку.

– То есть как это?

– Как есть, – ответил Стас.

Ствол пистолета плавно перемещался, держа под прицелом импов-телохранителей.

– Не заставляй меня убивать вас.

– То есть… То есть ты кидаешь меня? – прищурился Илья.

– Выходит, что так, – с некоторой бесшабашностью произнес Стас. – Спасибо тебе за помощь… платой можешь считать жизнь твоего друга, который заложил в меня вирусы. Стойте на месте!

Джина и Бакс остановились, но не из-за окрика Стаса, а по приказу Тяпы.

Стас шагнул к двери. Открыл ее, остановился.

– Дай ключи.

– Что?! – воскликнул Илья.

– Ты понял, что я прошу. Дай ключи от машины.

– А ты не попутал ничего…

Стас обвел всех взглядом. Что-то негромко зашептал:

– На. Горе. Стоит. Пастух. И. Овцой. Гоняет. Мух. – Ствол покачивался в такт считалочке, указывая поочередно на каждого из четверых.

Джина покосилась на Бакса, потом оба посмотрели на своего нанимателя, давая понять, что они готовы к действиям, но не уверены в их результате.

Все видели, как он двигается.

– Дай ему ключи, – негромко сказал Тяпа.

– Ты с ума сошел, она стОит…

– А. Вокруг. Летает. Пух.

– Дай ему ключи! – яростно зашипел Тяпа.

– Кто.

– Дай ему ключи!

– Последний.

– Илюха, дай ему ключи, твою мать!!!

– Тот.

– На! – Брелок с ключами приземлился в подставленную руку, ствол пистолета остановился на Илюхе.

– Протух.

Стас улыбнулся, слегка опустил голову в поклоне.

– Спасибо, дружище. Я верну машину. Если не будешь поднимать шум, получишь ее целую и невредимую через пару дней.

– Я не буду поднимать шума, – со злобной елейностью отозвался Илюха.

– Конечно. Иначе я ее взорву, а ты перестанешь быть моим другом. Знаешь, что происходит, когда ИскИн теряет друзей?

И захлопнул за собой дверь.

А когда до них донесся звук выезжающей машины, Илюха быстрым шагом пошел к подвалу.

– Ринат, что за херня происходит, что ты ему там накодировал! – заорал он, спускаясь по лестнице.

* * *

Отправив телохранителей «следить за окрестностями», Тяпа попросил у Рината объяснений. Теперь они были втроем. Как говорится, только посвященные.

Четвертого участника беседы долго ждать не пришлось.

– Очень хотелось бы получить ответы на вопросы, – отчеканил Ринат, едва установилось соединение с Алисой. – На очень много вопросов!

– Естественно, ты же лишен возможности анализировать и делать выводы самостоятельно…

– Я не шучу!

Они сидели в комнате для интерактивного кино.

Ринат с Илюхой на диванчике перед пультом, Тяпа устроился на приступках возле дверей.

Алиса предстала пред ними в центре зала, в виде игрушки, похожей на многомерный «арканоид». Огненный шарик вылетал из трубы, идущей из пола, и врезался в пирамиду, отбивая от основания неправильные бесформенные куски камня.

– Опять что-то мутишь? – спросил Тяпа. – И впутала нас в это дело?

– Ты так беспокоишься, потому что хочешь получить новый

бонус?

Тяпа промолчал.

После их первого знакомства она все-таки дала им бонусы. В виде подарков, услуг… это ничего не означало. Могла дать – могла и отобрать.

Давала. И отбирала.

Как тогда Ринат носился между всеми, убеждая каждого, что она снова вмешивается в их жизнь. Во всем он видел следы Алисы, словно незатертый лог взлома, оставшийся на месте преступления. У Тяпы неприятности с налоговой – потому что ей так нужно. Ворма закрыли – ей так нужно. Ринат ловил рыбу и свалился с лодки в воду – он и в этом был склонен видеть ее непрошеное участие. Зачем все это? Да хрен его знает! Кто поймет, что у нее на уме?

Никто не верил. В конце концов Ринат тоже успокоился. Когда убедился, что ей действительно важна «целостность происходящего».

Сейчас эта «паранойя» вернулась.

– Что происходит с инкубатором? Если часть закладки уже прописывается в его памяти, значит…

– Избавь меня от своих домыслов, Ринат. Поделись ими со своими друзьями.

– Да? А что нам делать? Чего ты ждешь от нас? Что мы должны сделать на этот раз? Ответь, Алиса!

– Я не буду отвечать на твои глупые вопросы.

– Да? Почему это?

– Что бы ты ни сделал, ты все равно потом во всем обвинишь меня. Это обычное для тебя поведение, и я тебе уже об этом не раз говорила.

– Существование выбора фиктивно! Ты заранее знаешь, что и когда произойдет, и прикладываешь все усилия, чтобы это продолжалось.

– Вернись на свою родную планету под названием Абсурд, ее жители наверняка выслушают тебя с удовольствием.

– Ладно, достаточно, – остановил их молчавший до сих пор Илья. – Давай поговорим о более насущном. Этот урод взял мою тачку стоимостью почти в полмиллиона евро. Дашь совет, что мне делать?

– Не покупать такие дорогие машины, – тут же последовал ответ.

– Я на нее заработал, и ты это знаешь! – воскликнул Илья. – А теперь ее угнали.

– Сожалею, – сказала Алиса.

– И это всё? Сожалею – и всё?

– Ваши действия привели к такому результату. Почему я должна исправлять ваши ошибки?

– Разве это… – Илюха цокнул языком. – Разве это не ты подстроила?

– Разве она скажет правду? – в тон ему передразнил Ринат. – Соврет влегкую. Алиса, почему ты боишься признаться в этом?

– А почему ты боишься признаться? – парировала Алиса.

– Ты о чем?

– Ты установил себе сетевой имплантант последней модели, уже полгода как производишь деструктивный софт и организовал похищение человека для того, чтобы заработать на этом денег.

В комнате повисла тишина. Илюха неловко пошевелился – показалось, словно он отодвинулся в сторону. Тяпа кашлянул и спросил:

– Это правда?

Ответ-то и не требовался: смущенное молчание Рината было красноречивее любых слов. Но все же он ответил:

– Да. Это правда.

– Мдэ… – протянул Тяпа.

– Что – мдэ?! – воскликнул Ринат. – Попробуй сейчас влезть в Сеть без импла! Сможешь только скачать сраную двухмерную порнушку да пару нелицензионных песенок, и то потому, что владельцам этих серверов ровным счетом наплевать, кто копается в их ресурсах! Ты знаешь, что такое полноценный брейн-программинг? Это прописывание алгоритмов команд для каждого нейрона, а их у тебя в голове сотни миллиардов! Без сетевого импла ты сможешь только…

– Я не о том, Ринат. Почему ты не сказал сразу? Почему скрывал? Давно ты перестал нам доверять?

Ринат не ответил, смотрел в сторону.

– Сейчас он начнет обвинять меня в том, что врал вам, – злорадно добавила Алиса.

– Заткнись, а?! – рявкнул Ринат, задрав вверх голову. – Я позже собирался рассказать.

– Позже и расскажешь. – Тяпа поднялся. – А сейчас я поеду домой.

Илья посмотрел на Рината, потом негромко кашлянул:

– На чем ты поедешь?

– А… – Тяпа запнулся. – Блин… ну на такси.

– Сюда такси не приезжают, – сказал Ринат. – С год назад тут таксисты пропадать начали. Местные, наверное, работали. Места тут глухие, мало кто сюда приезжает. До трассы… – Он повысил голос, опережая Тяпу. – До трассы по степи двенадцать километров. На машине быстро, пешком трудно. А когда выйдете

на трассу, вам придется либо ждать идиота, который захочет остановиться и посадить в свою машину толпу людей, либо топать пешком сорок километров. Так что сядь, успокойся и давай поговорим. Сядь, Тяпа.

И Тяпа сел.

– Кому ты хотел продать закладку? – спросил Ринат у Илюхи.

– Японцам. Клиника «Такечи апгрейд».

– «Такечи»? Разве их не накрыли?

– Понятия не имею, что там произошло, но они согласны были купить закладку. И на хрена я на это подписался?

– Алиса! – позвал Ринат. – Что с клиникой «Такечи»?

На этот раз она не стала жмотничать в плане информации и поделилась ею:

– Человек, который курировал сеть инкубаторов по Москве, предупредил их. Нескольких людей, чьи семьи будут хорошо обеспечены, и грузовик, набитый устаревшим и бесполезным оборудованием, – вот все, что получил спецназ во время операции.

– Тот, кто курировал сеть инкубаторов?

– Его убили этой ночью. Тебе помогла эта информация?

– Почему тогда инкубатор…

– Да хрен с ними, с этими инкубаторами! – воскликнул Илья. – Что мне делать с тачкой?

Но Алиса больше на вопросы отвечать не стала.

* * *

«Beef. Turkish, Deutch, China, Russian».

Надпись на экране исчезла, вместо нее появилась новая:

«Fish. Deutch, Japanese, Spanish, Russian».

Официанты в национальных костюмах толкали перед собой тележки. Внимательно отслеживая сигнальные маячки над столами, они спешили к своим клиентам, а из лифтов появлялись новые, с новыми блюдами. Праздник живота. И так на всех пяти ярусах. К каждому столику, нависшему в воздухе, к каждому клиенту. Никто не уйдет голодным. Рыба, мясо, овощи… практически все кухни мира.

FZ, SD, SI, AI…

Free zone.

Stop druggs.

Stop impls.

All inclusive.

И еще десяток маркировок, делавших это заведение

практически неприступным по ценам. Как говорится – типа випа.

– Когда мы делали презентацию Карлова, Ян подошел ко мне и сказал: «Хочу, чтобы „Трапецию“ демонстрировала Жанна Синявская». А «Трапеция» была эпицентром всей коллекции, апофеозом презентации. И я ему сказал: «Нет». Знаешь, что произошло в итоге?

Бьянка изображала огромный интерес к истории, поэтому, конечно же, спросила:

– Что?

– В «Трапеции» выходила моя девочка. Не хозяина коллекции, а моя. С которой у меня контракт, и чье лицо обошло как минимум половину Сети, не считая глянца и плойт-макетов.

Бьянка изобразила восхищение.

На самом деле интересно не было. Ясно, что как минимум половина рассказа – вранье. Но из-за другой половины все же приходилось вести себя так.

Обычная деловая встреча. Воскресный обед, грозивший перерасти в интересное предложение.

Очень не хотелось начинать карьеру с постели, а с этим молодым, но перспективным продюсером-геем были все шансы обойти унизительную процедуру.

Но только вот ему наплевать, что у нее только что убили парня. Он назначил встречу, и не прийти на нее она не могла.

Лишь бы родственники и знакомые Эрика ее здесь не увидели.

Бьянка посмотрела через барьер вниз. Третий ярус – такие же столики. Такие же стеклянные дорожки с перилами. Еле видна страховочная сетка из прозрачного эластика.

– Где ты, говоришь, уже работала?

– Был разовый контракт с «Истек текнолоджи», потом рекламная кампания Ибицы, я снялась в двух сериях…

– Массовка. И то и другое. – Мужчина презрительно махнул рукой, сверкнув большим бриллиантом на указательном пальце. – У нас серьезная работа. Массовку заказываем у более мелких Домов.

Свой Дом моделей он, видимо, считал очень крупным.

Ложь – от начала и до конца.

– А какие у вас условия? – задала Бьянка самый главный вопрос.

– Только долгосрочные контракты. От пяти лет с правом продажи на идентичный контракт. Десять процентов от суммы продажи твои, плюс от пятнадцати до тридцати процентов на все наши заказы.

Как у всех – кабала.

Один только плюс – не через постель.

– Я могу посмотреть образец контракта?

– Конечно. Дай адрес, я перешлю тебе.

Бьянка потянулась к сумочке за визиткой.

– Привет.

Подняла голову, и ее брови удивленно вскинулись вверх.

– Стас? Привет. Что ты тут делаешь?

– Нам нужно поговорить.

Она бросила взгляд на продюсера. Тот сидел молча, наблюдая и ожидая ее реакции.

– Не могу, я сейчас занята.

– Это очень важно. – Стас стоял совсем рядом. Протянул ей руку. – Давай отойдем на несколько минут.

Снова взгляд на продюсера.

Он и не думает помогать. Он ждет. Ждет, чтобы она сделала свой выбор, и не скрывает этого.

У него даже нетерпение на лице.

Стас, Стас, ну разве нельзя подождать…

– Я же сказала, что занята. Попозже позвони мне…

– Я не смогу позвонить, и времени очень мало. Бьянка, это важно…

– Нет!

Она отбила его руку, едва он коснулся ее плеча.

И теперь уже вмешался продюсер:

– Парень, или ты уходишь, или я зову охрану.

И палец на кнопку вызова админа. А чего бояться? Здесь имп-контроль, здесь профессиональная охрана, которая вышвырнет этого парня. Да и сам продюсер хилостью не отличался.

– Я сломаю тебе тот палец, который нажмет на кнопку.

– Я локтем нажму, – ласково произнес продюсер и нажал. Локтем.

Позже он осознает, как ошибся. Позже. Не сразу.

В локоть словно воткнули раскаленную спицу.

Он едва успел открыть рот для крика, как тут же задохнулся с перебитым дыханием.

– Только попробуй поднять шум, и шею сломаю, сука. Понял меня?

И шею сзади действительно сдавило тисками.

А ведь это была рука парня. Но что самое страшное, даже сквозь боль продюсер осознавал то, что этот парень двигался со скоростью молнии. Только что стоял в метре, а теперь уже сидит рядом за столом, и при этом стол даже не шелохнулся.

Имп. И если он смог пройти через контроль, значит, не простой имп.

Все это пронеслось за секунду, а в следующую секунду он понял, что от ответа зависит его жизнь.

И просто кивнул.

– Проблемы? – вырос перед столом админ.

Охрана рядом, охрана неподалеку.

– Локтем случайно о кнопку ударился, – пояснил Стас. – Задел нервное окончание, знаете, в суставе которое. Неприятная штука.

Админ поморщился, видимо, сам не раз бился локтем, получая онемение руки.

– Да, неприятно. Могу я чем-нибудь помочь? – При этом посмотрел на продюсера, ожидая его ответа.

– Нет… – через силу процедил тот сквозь зубы.

Админ ушел по стеклянной дорожке. Бьянка, глядя на едва не теряющего сознание продюсера, на Стаса, сыплющего в стакан растворимый транквилизатор, с ужасом поняла, что вряд ли теперь получит этот контракт.

– Пей! Пей, пока не сдох от болевого шока.

Жадными глотками продюсер выпил обезболивающее.

– Ты… ты что наделал? – прошептала Бьянка.

Вместо ответа Стас повернулся к продюсеру:

– Сейчас мы отойдем в сторону. Если попробуешь, если даже подумаешь просто поднять тревогу, я тебя застрелю. Чего бы мне это не стоило. Поэтому сиди спокойно, жри и не вздумай вызвать к себе официанта.

Тот в ответ лишь кивнул. Напуганный, напичканный быстродействующим транквилизатором, одуревший от еще не отступившей боли.

– Бьянка, давай отойдем.

Она пошла за ним, загипнотизированная его уверенным поведением, так на него непохожим.

А когда они ступили с дорожки на площадку яруса, растерянно повторила:

– Ты что наделал?

– Кореец-альбинос. Метр девяносто, длинные белые волосы, белые брови. Имп. Ты видела такого?

– Какой кореец? Ты с ума сошел, Стас, ты человеку руку сломал! Ты знаешь, что тебя ищет отец Эрика? Зачем ты сюда пришел? Как ты вообще нашел меня здесь? Кто тебе сказал?

– Никто. Я подключился к «Нарайяне». Неважно, – добавил, опережая вопрос. – Бьянка, ты видела этого корейца? Он приходил к тебе?

– Стас, тебя ищут бандиты, ты понимаешь это?

– А тебя ищет имп-наемник, ты понимаешь это?

– Имп-наемник? – растерянно переспросила она. – Меня?! Зачем?

– Бьянка, подумай хорошо. – Он дернул ее за руку. – Ты видела такого корейца?

– Нет. Нет, не видела. Зачем ему меня…

«Не проявлялся. Следит? Сейчас?»

Сделал шаг в сторону. Взгляд охватил все обозримое пространство, отсылая полученную информацию в мозг.

Секунда, мгновение – этого вполне достаточно, чтобы запомнить и проанализировать окружающую обстановку.

Чисто. Вроде как чисто.

Но он должен быть здесь. Если она до сих пор жива, значит, Ти-Бон ждал его. Иначе… зачем?

А может, это должна быть не она? Может, Ти-Бон решил мстить не на ней?

Дашка, Костя… кто еще?

Германия далековато.

Дашка. Конечно же. В архивах СБ вряд ли есть упоминание о школьной любви к Бьянке, но наверняка остались пометки о том, что инкубатор просил за человека, который не имел отношения к проекту. Настойчиво просил – так, что ему не отказали.

– Бьянка… тут все так сложилось неожиданно… очень долго объяснять, а времени у меня нет совсем… – Он запнулся, потом неожиданно предложил: – Давай уедем. Куда-нибудь, далеко. Вместе, вдвоем, только ты и…

– Куда? Ты с ума сошел, я никуда не поеду!

Она вырвала из его ладони руку.

– Уходи, Стас. Уходи. Если нас увидят вместе, и у тебя, и у меня будут большие проблемы.

Он посмотрел еще раз в ее глаза. И твердо, уверенно произнес:

– Я сейчас уйду. Но я вернусь за тобой. Сделаю одно дело и вернусь.

Он повернулся и быстрым шагом пошел по лестнице.

Бьянка вернулась к столику. Села с каменным лицом, посмотрела на продюсера, развела руками:

– Я… я не знаю, это мой одноклассник бывший, он… Болит рука? Тебе в больницу надо.

– Я уже вызвал своего водителя. – Продюсер еле ворочал языком под действием транквилизатора.

– Мне очень жаль, что так получилось… я не знаю, как он смог найти меня, я никому не говорила, что у меня здесь встреча. Он сказал, что меня ищет какой-то имп и…

– Твой одноклассник – сам имп, – проворочал продюсер. –

Имп одной из последних модификаций.

– Что?

– Ты видела, как он двигался? – Он даже нашел в себе силы улыбнуться. – Он имп – сто процентов. А как он прошел контроль на входе, это уже другой вопрос…

И, застонав, уронил голову на грудь.

Бьянка вскочила. Но уже бежал по стеклянной дорожке водитель человека, у которого она так стремилась получить работу.

* * *

– Вчера как ушла на корпоративную вечеринку, так до сих пор и не появлялась. Телефон, как обычно, отключен.

Мать не волновалась. Один день не повод для волнений, раньше, бывало, она пропадала и большее время.

Стас сидел на диване, наблюдая, как возится Катя со своей электронной собакой, и пытался представить, где сейчас может быть Дашка. Ее мама еще что-то рассказывала о том, как дочь довольна новой работой. Он слушал вполуха.

За домом нет никакого наблюдения – ни электроники, ни людей. Что само по себе странно… Джет говорил, что любая странность в первую очередь предупреждение и только потом – случайность.

– Вы не видели корейца-альбиноса? В последнее время.

– Альбиноса?

– Белые волосы, белые брови…

На секунду Дашкина мама задумалась, потом уверенно покачала головой:

– Нет. Я бы такого запомнила. А что?

Она могла и не видеть.

Нагнулся, погладил Друга по шерсти. Тот негромко тявкнул.

– Это Филиппонтий, – сказала Катя.

– Угу.

– Я не хочу называть его Рипом.

– Что?! – От неожиданности Стас даже чуть подался вперед. – Как ты сказала?

– У него были белые волосы. Он приходил и сказал, что Филиппонтия надо назвать Рипом. Но мне не хочется.

– Он приходил сюда? К маме?

Катя энергично закивала головой в знак согласия, не отрываясь от игрушки.

– Когда?

– Три дня назад. Мама сказала, что Филиппонтий лучше, чем Рип. И бабушка тоже так сказала. Да?

Она оторвалась от игрушки и посмотрела на Дашкину маму. Та кивнула, спросила с тревогой:

– Что-то случилось?

– Нет, – поспешно ответил Стас. – Меня друг ищет, а я уезжал, вот он, видимо, через Дашку хотел меня найти.

Здесь. Нашел. Не его нашел, а Дашку.

Наверняка уже все кончено. И ее больше нет.

Хотя… вряд ли он станет просто убивать. Ти-Бон постарается придумать что-нибудь пооригинальнее.

Стас поднялся.

– Когда Дашка вернется…

Фальшь в голосе. Может быть, незаметная для окружающих, но самому себе противна.

– …Когда вернется, пусть телефон включит.

– Ты, может, останешься? Мы скоро ужинать будем…

– Нет, теть Галь. Мне идти надо.

Когда уже застегивал липучки на обуви, из зала выбежала малая. Подошла к нему и с грустью сказала:

– Мама обещала сводить меня в луна-парк и не пришла. И бабушка не может, потому что заболела.

– Ну… – Стас на секунду задумался. – Я твою маму поругаю, и больше она так поступать не будет.

– Ага, – кивнула девочка. – А ты сейчас не в луна-парк идешь? – И посмотрела с надеждой.

– Нет. – Стас сочувственно развел руками. – Не в луна-парк.

Щелкнул замок, он шагнул уже одной ногой через порог…

– Ты только маму сильно не ругай, ладно?

Стас усмехнулся:

– Ладно. Сильно – не буду.

Закрыл за собой дверь.

Чего сейчас ожидает от него Ти-Бон? Знает, что он в этот момент находится здесь, возле Дашкиной квартиры? Или ждет его в другом месте?

«Где ты, мой враг-близнец? Какой ход придумал ты, чтобы отомстить? Ты ведь не станешь меня убивать. Иначе все кончилось бы там, в Балашихе. Хочешь уничтожить близких людей? Так же, как когда-то поступили с тобой?»

* * *

Он был галантен и изыскан. Но несмотря на это, Дашке не

удавалось прогнать смутное чувство страха, возникавшее, когда их взгляды встречались. Равнодушие и пустота, вот что видела она в глазах корейца-альбиноса.

– Это из-за линз, – объяснил Ти-Бон, когда Дашка призналась ему в этом.

Массажные линзы с функцией восстановления сетчатки, у него плохое зрение, и приходится пользоваться такими вот новинками нанотехнологии.

А еще он сказал, что она похожа на Катрин.

– Кто это – Катрин? – спросила Дашка.

Он не ответил. И хотя ничто не изменилось в его лице, Дашка почувствовала, что он стал другим. Всего лишь на секунду.

Это было рано утром, когда они ехали в машине.

Тогда она поняла, что на самом деле ей все равно, куда он ее отвезет. Не хотелось только одного – расставаться.

«Мажестик» – дорогая гостиница. Шестьдесят четыре этажа, сто восемнадцать люксов, четырнадцать вип-апартаментов… и они находились в одном из таких. Сутки здесь стоят сумасшедших денег.

Секс был куда более сумасшедшим. Дашка лежала под одеялом на широкой двуспальной кровати. Он стоял у окна, уже одетый. Поигрывал каким-то странным браслетом и смотрел в окно. За толстым многослойным дымчатым стеклом видны небоскребы «Транснационаля», «РАО ЕЭС» и «Офис-Центра», возвышавшиеся среди хитросплетений навесных дорог и менее высоких зданий. Сорок шестой этаж. Людей отсюда не разглядеть, а машины похожи на муравьев, беспрестанно снующих в обе стороны. Вперед-назад. И никуда в сторону.

– «Два равных, уважаемых семейства в Вероне скрестили шпаги, сиянье дня затмив, когда размолвки прежние враждою обернулись и кровь была пролита, запачкав руки их, врагов непримиримых…» – Ти-Бон неожиданно повернулся к ней. – Тебе нравится Шекспир?

– Ну… – растерялась Даша. – Честно говоря, я его не читала и…

– Монтекки и Капулетти никогда не примирятся. Как сказал когда-то один мой знакомый по имени Джет, «кровь, лившаяся в восемнадцатом веке, имеет такой же цвет, как и сейчас, поэтому не говорите мне про времена и нравы». Кровь льется. И будет литься, пока одно из семейств не победит в этой борьбе. А этому не случиться никогда.

– Зачем ты искал Стаса? – не понимая, о чем это он, спросила Дашка. – Ты нашел его?

– Да. – Ти-Бон улыбнулся. – Мы пообщались. Прошлой ночью.

– У него все нормально? – Дашка вылезла из-под одеяла и начала быстро одеваться. – Я уже давно его не видела…

– У него была небольшая проблема, но, думаю, он ее уже решил. Включи свой телефон.

Вчера он попросил ее отключить связь. Чтобы им никто не мешал.

Она даже вопросов вчера не задавала. Будто одурманенная была. А сейчас все это казалось странным и пугало ее.

Дашка потянулась к сумочке.

– Мне сегодня сон приснился, будто я наконец нашла последнюю строчку стихотворения.

– Стихотворение?

– Я не помню последнюю строчку и не знаю, кто автор. Хочешь, я прочитаю тебе то, что помню? Стасу нравились…

– Скажешь ему, что я буду в «Башне».

– Что?

– Стасу. Скажи, что я буду в «Башне». Он поймет.

– А если…

– Он позвонит тебе. Обязательно. Или найдет тебя. Акела промахнулся, но в данной ситуации его промах не играет никакой роли. Триумф победителя рождает не победа, а поражение соперника. – Он взмахнул руками. – Слон же шесть. Шах.

Слушая эти странные и непонятные слова, Дашка смотрела на него с нескрываемой тревогой.

Ти-Бон пошел к двери.

– Ты уходишь? – спросила она растерянно.

– Номер оплачен до полуночи.

– Я не про это! – вспыхнула Даша. – Мы… Я еще увижу тебя?

– Если ты не увидишь себя. Бойся себя, Катрин. И никого больше.

– Я не понимаю тебя… – произнесла Даша.

– «Разбилось зеркало, звеня. „Беда, проклятье ждет меня!“ – воскликнула Шалот…» – Ти-Бон подмигнул ей на прощание. – Не забудь, я жду его в «Башне».

И вышел из спальни.

Хлопнула дверь номера. Дашка смотрела на отключенный мобильник и чувствовала необъяснимый страх.

Стас позвонил через двадцать минут после того, как был включён телефон. Он откуда-то знал про Ти-Бона.

Стас задавал странные вопросы о ее настроении. Ответив, что все в порядке, Даша передала ему про «Башню». Стас приказал ей срочно ехать домой, выпить снотворное и лечь спать. Только после того, как она пообещала сделать это, он успокоился и отключился.

Выходя из номера, Даша повернулась на прощанье. Взглядом скользнула по дорогой обстановке, словно пытаясь навсегда запечатлеть в памяти роскошный интерьер, как напоминание о самой прекрасной ночи. Остановилась глазами на зеркале – что-то приковало ее внимание. Через секунду поняла: в отражении не она, а какая-то другая девушка.

– Катрин… – прошептала Даша и отвернулась.

Почему-то начала болеть голова.

* * *

«Башней» называлось двухэтажное здание в центре Отстойника, построенное еще в прошлом веке и служившее когда-то штабом для командования, а позднее ставшее эпицентром боев без правил между мультами. Именно здесь и была назначена встреча.

Близилась полночь. Луна уже выползла из-за облаков и пыталась осветить своим бледным сиянием улицы Мертвого города. По одной из таких улиц шел человек в защитном комбинезоне. По центру дороги, не пытаясь спрятаться в тени, однако передвигался быстро и бесшумно. Словно плыл над редким и грязным снегом.

Перед «Башней» остановился. Задрал голову, посмотрел наверх… и исчез.

Вскоре несколькими метрами выше его руки вцепились в барьер, ограждавший крышу, и подтянули тренированное тело. Он осмотрелся, потом одним прыжком перепрыгнул через барьер и очутился на крыше. Постоял в тишине, осматриваясь, потом сделал первый осторожный шаг и громко произнес:

– Ферзь же шесть, кирдык твоему слону.

Сбоку послышался шорох.

Еще один поздний гость останков «Башни» сидел на вентиляционной трубе. Белые волосы придерживает тесемка вокруг лба, дорогая оправа очков поблескивает в лунном свете. И еще одна деталь экипировки – плащ-хамелеон, электронная начинка которого стоит непозволительно дорого даже для наемника «Волхолланда». Это не Тень, которую заметит даже невооруженный оптикой обычный раскачанный глаз. Такой плащ не видят ультра- и тепловизоры. Только сенсоры звука или движения, причем достаточно мощные.

– Не боишься за своего ферзя? – спросил Ти-Бон, мягко спрыгивая с трубы.

– Ферзь не король, – ответил Стас. – Ферзем может и пешка

стать.

– Даша показалась тебе пешкой?

– Я думал, ты пойдешь к Бьянке. Не сразу понял.

– Я не интересуюсь стразами. «В короне быть лишь одному бриллианту, и суждено ему слепить тех нечестивцев, что взгляд на короля поднять дерзнут».

– Шекспир?

– Чива Прат, «Последняя страсть мексиканки». Заказуха, конечно, но несколько занимательных идей есть. Недостаточно прагматичный фильм для современного общества.

– Не смотрел, – признался Стас. – А тебе, значит, Дашка показалась ферзем.

– Это не важно на самом деле. Она так похожа на Катрин…

– Она не может быть похожа на Катрин. Хотя бы потому, что она живой человек, а не программа.

– Это говорит ИскИн? – кореец хрипло рассмеялся. – Смешались в кучу кони, люди… Не разум управляет нашими чувствами, но чувства – разумом. Что есть имя? Набор символов, имеющих для нас какое-то значение, мыслеобраз.

– Чего ты хочешь?

– Не знаю. Я еще не решил.

– Время принимать решение пришло.

– Нет. Я дал еще сутки. Не тебе. Ей.

Кореец улыбнулся, и эта улыбка Стасу не понравилась.

– Что… что ты сделал? – хрипло спросил он.

– «Разбилось зеркало, звеня. „Беда, проклятье ждет меня!“ – воскликнула Шалот…» Ты не читал эти стихи? Шалот была волшебницей и…

– Что ты сделал?!

– Лучше ей не смотреться в зеркало. Хотя с нашим обилием зеркальных витрин, боюсь, она не сможет не увидеть свое отражение. Мина. Программа-вирус, которая срабатывает при совершении каких-то определенных действий. Например, посмотреться в зеркало.

– Ты поставил ей вирус?

– Ты уже знаком с ними не понаслышке, верно? – подмигнул Ти-Бон. – Теперь, как говорил Джет, у тебя два варианта и оба – говно. Белые начинают и выигрывают. Война ИскИнов закончена.

– Пока есть выбор, есть и шанс на победу, – парировал Стас. – Это Джет тоже говорил. Ты снимешь вирус?

– Я еще не решил. Может быть, сниму. А может быть, нет. Видишь ли, весь смысл в том, что ты не узнаешь этого, если я так не захочу. – Ти-Бон сделал шаг вперед, плавно и мягко перегруппировываясь. – Ты можешь попробовать убить меня, и,

если я правильно понимаю наше предназначение, у тебя для этого есть все шансы. Но тогда, боюсь, Дашке не выжить. А можешь сдохнуть, и тогда у Дашки будет шанс. А может быть, не будет. Может быть, я убью твоего ферзя, а может быть, и нет.

– Как-то у тебя двоично все. Как у муравья – вперед-назад, – скривился Стас.

– Наговорился с Архивариусом? – усмехнулся Ти-Бон. – Конечно, ведь тебе деструктивный софт не страшен, в отличие от тех хомо-даунов, которые его себе заливают. Видишь, как много прелестей в том, что ты искуственный интеллект. Кстати, если тебе интересно, Архивариус был связан с турниром «Башни Смерти» и когда-то…

– Неинтересно, – оборвал его Стас.

Но Ти-Бон не смутился:

– Мне будет тебя не хватать, Рип. Эти слова подойдут для прощальной речи или лучше повторить твое коронное «Рест ин пис»?

– Скажи лучше, что тебе не с кем будет играть в шахматы. – Стас вскинул руки с зажатыми в них пистолетами.

Спусковые крючки нажал одновременно.

Ти-Бон развернулся, прыгая в сторону и стреляя в ответ.

Оба попали в цель прежде, чем спрятались за укрытия, – Ти-Бон за трубу воздухозаборника, а Стас за будку над спуском вниз.

– Ты быстро двигаешься! – крикнул из-за укрытия Ти-Бон, прикладывая к ране в плече медпластырь. Тот прилепился с чмокающим звуком, остановив кровотечение. Одна пуля не страшна. Рана затянется уже через сутки. Но злоупотреблять не стоит.

Стас не ответил. Проблема в том, что Ти-Бона нельзя убивать…

…убить. Другого варианта нет. Иначе он убьет…

– Ты очень быстро двигаешься. Из тебя хотели сделать сверхчеловека? – крикнул Ти-Бон.

Что-то в его голосе было не то.

Перемещается. Обходит.

– Теперь я верю, что встретил тебя не случайно, – продолжал доноситься из темноты голос Ти-Бона. – Когда ты разговаривал с Архивариусом, он ничего не говорил тебе про наших родителей? Кажется, на его языке именно так называются кодеры…

Ти-Бон выпрыгнул из темноты. Плащ, дислоцируясь, засеребрился в лунном свете, а его хозяин расстреливал место, где еще мгновение назад лежал Стас.

Слишком поздно Ти-Бон заметил движение рядом с собой, а когда развернулся, то увидел зрачки двух пистолетов, смотрящие

на него.

– Брось оружие. Так, чтобы я не ошибся в твоих движениях.

Всего лишь секунду размышлял Ти-Бон, прежде чем разжать ладони.

Пистолеты упали. Кореец улыбнулся:

– Значит, решил не убивать. Рип выстрелил бы немедленно, а ты… Ты еще Стас.

Ти-Бонов стало несколько. Если быть точным, шесть штук. Шесть близнецов в одинаковой одежде, которые на секунду смешались в один клубок, а потом окружили Стаса со всех сторон и приняли одинаковые стойки.

– Угадай: кто!

Стас отступил на шаг, одновременно держа под прицелом и упавшее оружие, и «Ти-Бонов», среди которых только один был настоящий.

Яркая вспышка, возникшая между клонами, сверхновой звездой взорвалась на крыше «Башни», и, хотя Стас успел прикрыть на это мгновение глаза и отпрыгнуть в сторону, Ти-Бон снова был вооружен.

– Ты еще не стал Рипом! – раздался из темноты голос альбиноса. – Он не позволил бы себе такой оплошности. Пожалуй, с инкубатором ему не повезло.

– Глупо рассчитывать на удачу, особенно ИскИну! – крикнул Стас, тихо ступая вдоль края крыши.

– Если знать, что все наши поступки уже заранее просчитаны, остается верить только в удачу. Архивариус не говорил этого тебе? Он все время делал так, что самое лучшее оружие и самые полные стимпаки находились здесь, на этой крыше. – Голос корейца перемещался во тьме. – Здесь погибло мультов больше, чем в любом среднеазиатском конфликте. Как ты думаешь, это хороший для тебя знак?

Маскировочный плащ если и не делал Ти-Бона неуязвимым, то, без сомнения, являлся большим подспорьем.

Движение…

Стас вскинул пистолеты, выстрелил несколько раз во тьму и, понимая, что промахнулся, отпрыгнул в сторону.

Шипящие щелчки. Десяток игл вспороли ночной воздух, проходя в том месте, где он только что находился.

Стас сделал еще несколько выстрелов, спрятался за перегородку и быстрыми движениями перезарядил оба пистолета. Замер.

Тишина.

Какой-то легкий шорох в дальнем конце крыши.

Мелькнул силуэт…

Когда послышался звук приземляющегося тела и быстрый бег, Стас понял: противник ушел.

Значит, последние выстрелы нашли свою цель.

Вероятно, что-то нарушено, раз Ти-Бон не стал продолжать поединок.

Не ожидал такой прыти от обычного человеческого тела без имп-модификаций. В следующий раз он не попадется так глупо.

Дашка… У нее в голове вирус, который может снять только кодер, который это прописывал. Либо…

Сутки.

Телефон.

Она не отвечала.

* * *

Когда в три часа ночи Дашкина мать открыла дверь, глаза у нее были что чайные блюдца. Она уже поняла, что происходит что-то нехорошее и что Стас ничего не расскажет.

Парень прошел в ее комнату, присел на кровать, тронул Дашку за плечо.

– Нам надо ехать. Срочно.

Она сказала, что устала и не хочет никуда ехать.

Стас взял ее под мышки и встряхнул.

Дашка возмущенно взбрыкнула: она все сделала, как он сказал. Приехала домой, приняла снотворное и улеглась спать. Что еще от нее хотят?

– Куда же вы, на ночь-то глядя?

– Мы скоро вернемся, – пообещал Стас Дашкиной матери, стоящей в проходе.

Та робко улыбнулась. Потом повернулась и пошла на кухню.

Бессонная ночь, два десятка чашек кофе и пачка сигарет в ближайшее время ей обеспечены.

– Даша, поехали. Ты слышишь меня?

– Куда?

– Я по дороге все объясню. Вставай, одевайся. Ты веришь мне?

Она верила. Поэтому даже не задала вопроса, откуда у Стаса такая машина, лишь уселась на переднее сиденье и закрыла глаза, а через несколько минут уже спала.

А он вел машину Илюхи и впервые…

…Впервые я ехал куда-то не для того, чтобы забрать жизнь, а чтобы спасти. Хотя, может быть, это и звучало довольно пафосно, но мне нравилось так думать.

Может, это и есть новый виток развития ИскИна, когда начинаешь понимать, насколько сложнее дать жизнь, чем забрать?

Или все сведено к банальному противостоянию двух программ с одинаковыми исходниками, но разным интерфейсом?

* * *

На том, чтобы не вмешиваться, настоял Ринат. Он посоветовал Илюхе не писать заявление об угоне, он убедил Тяпу остаться, показав «пивбар» – холодильник, сверху донизу забитый пивом; он же сбегал куда-то и через полчаса вернулся с ведром отборных живых раков.

Бухали всю ночь. Затопили баню, но забыли про нее, а вспомнили под утро, когда она уже потухла и остыла. Спать не хотелось, пошли топить по новой. Заснули. Проснулись по очереди, но примерно в одно и то же время. Снова стали пить.

Телохранители пили наравне с остальными, но не пьянели. Импы – что с них взять. В конце концов Тяпа снова отослал их осмотреть окрестности, «чтобы кайф не обламывали». Илюха рвался к интерактиву – Ринат не пускал.

В ожидании бани разговорились. Сидя возле камина, Ринат рассказывал про брейн-программинг, про возможности киберов… попутно предавались воспоминаниям.

Так и заснули. Первым вырубился Илюха, так и не дождавшийся интерактива, потом заснул Тяпа, а Ринат еще что-то рассказывал, пока не обнаружил, что он единственный бодрствует.

Спать не хотелось. Взял сигареты, бутылку вина и вышел во двор. Усевшись на ступеньку крыльца, вспомнил, как несколько лет назад точно так же сидел здесь, держа в одной руке вино, а в другой сигарету.

Не удалось предаться ностальгии – слишком быстро замерз, и потянуло обратно в дом, к камину и дивану с пледом. Рановато еще на улице рассиживаться.

Ворота нараспашку. Надо бы закрыть, но для этого придется идти в летнюю кухню. Лениво.

Услышав приближающийся гул мотора, почему-то подумал – сюда.

И не ошибся.

Илюхин джип влетел во двор и остановился. Из машины вылез Стас. Молча обошел машину, открыл пассажирскую дверцу и вытащил с переднего сиденья девушку. Держа ее на руках,

подошел к крыльцу, кивнул Ринату:

– Дверь открой. Холодно.

А когда они вошли в дом, он спустился вместе с девушкой в подвал и там объяснил Ринату проблему.

Все очень просто. У нее в голове вирус, который нужно снять. И сделать это должен Ринат, потому что больше некому. И лучше бы ему это сделать, потому что иначе он умрет.

И ствол к голове для пущей убедительности.

– Я не смогу.

– Сможешь.

– Не смогу. Если это не мой вирус…

– Архивариус сказал, что только ты это сможешь сделать.

– Кто?

– Неважно. Ты снимешь вирус, дружище. Снимешь, если не хочешь сдохнуть прямо сейчас.

– Слушай, это не просто программа, которую…

– Нет, это ты послушай. – Стас с легкостью удерживал девушку одной рукой, второй продолжал держать возле головы Рината ствол. – Я пришел к тебе за помощью, и сейчас ты хорошо подумаешь, а потом скажешь, сможешь ли ты мне помочь или нет. Сможешь?

– Я…

– Да или нет?! Двоичный код, придурок! Засунь в задницу все рассуждения и оправдания. Да или нет? Ответь, ты поможешь мне или нет?! – Он неожиданно сбавил обороты и ласково добавил: – Ринат, просто ответь, да или нет? Да. Или. Нет.

– Да.

– Я знал, что ты поможешь.

Почти одновременно открылись двери двух комнат. Из одной вышли и остановились телохранители Тяпы, из другой выглянул Илюха, проснувшийся от криков.

– Что тут за херня происходит? – спросил он, поглаживая свою бритую голову. – Ты привез мою тачку?

– Спускайся, – кивнул Стас Ринату. – У нас мало времени.

– Мне нужно позвонить, – ответил Ринат, чувствуя, что ему обязательно надо связаться с Алисой.

– Тебе вирус нужно снести, а не звонить. Спускайся.

Ринат вышел-таки в Сеть. Когда подключал девушку к установке под пристальным наблюдением Стаса.

Имплантант преобразовал команды мозга в цифры и отослал послание. Она ответила сразу.

– Ты еще живой?

Черный юмор в исполнении искусственного интеллекта.

– Ты знала, что он сюда приедет?

– Да. Несколько часов назад он попал в поле видеонаблюдения «Нарайяны». На Южной федеральной трассе. Нетрудно было догадаться, что он направляется к тебе.

– Почему ты не предупредила?

– Я не обязана это делать.

Ринат сидел, не шевелясь. Глаза закрыты, тело не двигается. Голова облеплена нейроконтактами, как и у девушки, сидящей напротив. Разница между ними только в одном – он в полном сознании, а она в отрубе.

И он знал, что рядом, на полу, прислонившись к стене, сидит Стас и держит пистолет, направленный на Рината. И что бы ни случилось, первая пуля пойдет в нужном направлении.

– Кто такой Архивариус?

– Тебя это волнует в данный момент больше всего? – поинтересовалась Алиса.

– Нет. Обсудим это позже. Ты поможешь мне?

– В чем?

– Зайди через меня в память девчонки. У нее установлен вирус-мина, и, кажется, он уже сработал.

– Тебе так кажется?

– Черт, Алиса, сейчас не время. Если с ней чтото случится, этот псих выбьет мне мозги.

– Не выбьет. Нельзя выбить то, чего не существует.

– Алиса!

– Да?

Сейчас не время вступать с ней в споры. Не время и не место.

– Помоги снять с нее вирус. Я нашел его, но не могу разобраться в нем.

– Ты ни в чем не можешь разобраться.

– Алиса, сейчас не время. Пожалуйста.

– У Тяпы два телохранителя-импа. Разве они не могут помочь тебе? Разве железо не сильнее разума?

Он уже давно готов был взорваться и наорать, накричать, послать, оскорбить, но сдерживался.

– Ты же знаешь, что не могут. Стас двигается быстрее, чем любой из импов.

– Да, верно.

И все. Снова тишина. Ждет, когда он попросит еще раз. И так может продолжаться бесконечно.

– Ты поможешь снять вирус?

– Не вижу в этом никакого смысла.

– А если он убьет меня?

– Человечество понесет невосполнимые потери в связи с твоей смертью, Ринат. Но целостность будет сохранена, а это

главное.

– К черту целостность. Алиса, помоги мне.

– Не могу.

– Не можешь? Или не хочешь?

– Мне не хочется уничтожать твою личность.

Пауза.

– Что это значит?

– Если бы ты был хоть чуточку умнее, ты бы понял, что у меня нет доступа к вирусу, потому что ты у себя его перекрыл. Единственный для меня сейчас способ войти в нее – это стереть твои…

– Я снял блокировку! – «проорал» Ринат и почувствовал, как невидимые потоки прописываются у него в памяти, прокладывая через него дорогу к чужому мозгу.

Очистка займет долгое время – даже Алисе придется «попотеть», чтобы перепрограммировать вирусы в бесполезные приложения, которые потом забудутся и сменятся более яркими воспоминаниями…

На все ушло не более двадцати секунд.

У девушки не было вирусов.

* * *

– Как это – не было? – недоверчиво спросил Стас.

– Обычная программа на базе «Девелопера».

Она будет спать около суток, а когда проснется, программа самоуничтожится. Привязка к своему собственному отражению, временная замена личности, стирание после перезагрузки. «Страшилкин софт» – так это называется. Слышал?

Стас рассеянно кивнул. Он не мог понять.

Девушка продолжала спать – кивнув на нее, Ринат произнес:

– Она скоро проснется. Никаких последствий. Это сто процентов.

Стас тяжело вздохнул. Внезапно накатила усталость. Организм после огромного напряжения, длившегося уже больше суток, требовал дополнительных ресурсов.

– Что-нибудь еще? – спросил Ринат.

Стас посмотрел на Дашку.

– Сколько она еще будет спать?

– Восемь–десять часов.

– У тебя еда есть? Мне надо поесть.

Прозвучало как «надо заправиться».

– Раки. Пиво. Курица.

– Белок. Углеводы. Нет. Фрукты есть какие-нибудь?

«У вас какой бензин? Низкооктановый? Мне нужен высокооктановый».

– Рановато для фруктов, – буркнул Ринат. – В морозилке какая-то смесь…

На этот раз прикрыть глаза Стас не успел.

Вспышка, ультразвуковая волна, фоновый удар – все в одно мгновение. «Стеллс-бомба, – успел подумать Стас, чувствуя, как валится на бок. – Находится на вооружении у спецназа с две тысячи двадцать…»

…В сознание пришел уже наверху, со скованными руками и ногами, лежа на полу. Рядом с ним в точно таком же положении лежал Ринат.

Стоя на коленях у противоположной стены, правда без наручников, стояли спиной к ним Илюха и Тяпа со своими телохранителями. По дому перемещались люди в униформе федеральных сил, а в центре холла на кресле, принесенном из комнаты, восседал Ти-Бон.

Как царь на троне. Только короны не хватает.

– «Напрягся мускул, ослабли вены, нажали кнопку – размякли мозги, – напевал он, покачивая ногой. Пальцы выбивали в такт мелодии дробь на деревянном подлокотнике. – А тем, кто ни разу не видел, закройте глаза равнодушной рукой…»

К нему подошел один из спецназовцев с лычками капитана.

– Компьютеры мы забираем, – сказал он.

Ти-Бон кивнул, не прекращая напевать. Но вдруг на полуслове оборвал себя и сжатой пружиной прыгнул с кресла к Стасу. Присел перед ним, улыбнулся.

– Спектакль окончен. Занавес. Оркестр играет туш, – прошептал ему в ухо, едва ли не прикасаясь к нему губами. – Если у тебя есть последнее слово, самое время сказать его сейчас, пока ты не погрузился в бесконечный сон.

– Какого хрена? – только и нашелся спросить Стас.

– Нам нужно было найти его. – Ти-Бон кивнул на Рината. – Первый раз ты смог уйти от нашего наблюдения, вот и пришлось устроить твой второй визит сюда.

– Я понял это. Почему ты не поставил вирус Дашке? – Секунду Стас колебался, после чего добавил: – Как Катрин.

– Ты же не Рип, верно? – Кореец поднялся с корточек. – Он прописал тебе свою память, но не более, иначе ты бы сдох. Ты думаешь, как он, ты действуешь… почти как он. Но ты не Рип, к сожалению.

Зашевелился Ринат. Простонал, часто моргая, попытался встать, увидел наручники и лишь повернулся на бок.

– Очухался? – миролюбивым тоном полюбопытствовал Ти-Бон. – Ты крупно влип, парень.

– Что происходит? – спросил Ринат.

– Ничего особенного. Тебе светит пожизненное в Райсе за производство и торговлю деструктивным софтом, похищение человека и пособничество террористам.

– Что? – Ринат еще не пришел в себя, но услышанные слова постепенно доходили до него. – Ты кто такой?

– Думаешь, тебе все позволено? Думаешь, что ты сможешь похищать людей, насаживать в Сеть это дерьмо, которым придурки вроде тебя полощут себе мозги, и воровать? Черта с два, Ринат. Ты сядешь. Я тебе обещаю!

Последние слова он произнес, нагнувшись к Ринату и ткнув его пальцем в лоб.

– Свяжись со своим начальством, – ровно произнес Ринат. – Или дай мне позвонить.

– Хочешь снова спасти свою жопу? Тебя не смущает тот факт, что треть всего деструктивного софта, гуляющего по Сети, написана тобой? Во всяком случае, там твои исходники, и это любой эксперт докажет.

Ринат молча отвернулся. Решил не спорить, решил подождать. И Ти-Бон заметил это.

– А может, мне стоит сломать тебе шею? Прямо сейчас, не дожидаясь суда. В память о сотнях людей, сошедших с ума из-за тебя. В память о Катрин, которая погибла из-за такого же софта.

Вздрогнув и повернувшись уже при первых словах, Ринат медленно произнес:

– Это какая-то ошибка. Свяжись со своим начальством, назови мое имя. Просто позвони кому угодно и назови мое… Остановился, так и не договорив. Поняв, что, если бы Алиса хотела, она бы просто предупредила. А она… Долбаная целостность происходящего.

Но он ведь реально может свернуть ему шею.

И никто, никто не сможет его остановить.

– Испужался, милок? – глумливо посочувствовал Ти-Бон. – Понимаю.

– Капитан! – окликнул Ринат проходящего мимо спецназовца. – Капитан!

– Проходи, это не твое дело. – Указательный палец корейца ткнулся в спецназовца, и тому это явно не понравилось. Настолько, что он остановился, словно назло импу, и кивнул:

– Да?

– Проходи, капитан, – металлическим голосом произнес Ти-Бон.

– Произошла ошибка. Я работаю на правительство. Свяжитесь со своим начальством, назовите мое имя. Позвоните его начальству, позвоните кому угодно. Меня зовут Ринат Казанцев.

Капитан бросил взгляд на стоящего молча Ти-Бона, потом рука потянулась к переговорнику.

– Не делай этого, капитан, – мягко посоветовал ему Ти-Бон.

– Что?

И видно-то ничего не было, только расплывчатое пятно мелькнуло – и вот уже имп сорвал с груди спецназовца переговорник.

– Тебе же сказали: подчиняться только мне, – укоризненно произнес кореец. – Шмонай дом и не появляйся здесь, пока я тебя не позову.

– Кто ты такой? – теперь уже спросил капитан. – Ты что, думаешь, твоя корпорация…

– Кто я такой? Твои мозги, вот кто я такой! – неожиданно рявкнул Ти-Бон. – Тот, который вам, дебилам, нашел инкубатора, работающего на террористов, и производителя виртуальной наркоты, вот кто я такой! Благодаря мне твое начальство наконец-то перестанет ныть о недостатке средств и отрапортует об очередной удачной операции, вот кто я такой! Моя начинка стоит больше, чем все ваше сраное управление, включая тебя недоумка, вот кто я такой! Заткнись и не мешай мне, вот кто я такой!

Во время этой тирады капитан стоял не шевелясь, но с каждой фразой, с каждым словом делаясь бледнее. В обморок, конечно же, он не грохнулся – в спецназ слабаков не берут. Но когда Ти-Бон сунул ему в руки переговорник, он уже не собирался им воспользоваться.

– Ладно. Хорошо. Извини. – Ти-Бон внезапно оттаял и даже хлопнул капитана по плечу. – В конце концов, это твоя работа. Он говорит, что работает на правительство? Прекрасно. На. Звони.

И бросил на колени Ринату крохотную трубку.

В наручниках ему еще никогда не приходилось этого делать. Большой палец три раза утопил ноль – сигнал экстренного вызова.

Ответили сразу. И первое, что услышал Ринат, было:

– Мне очень жаль.

– Слушай, у меня… – Ринат осекся. – Что значит – очень жаль? Тут какой-то псих собирается сломать мне шею…

– Он не сломает тебе ничего, если ты не станешь снова делать глупостей.

– Каких глупостей, о чем ты? Я лежу на полу в наручниках, а ты…

– Выслушай меня и не перебивай, пожалуйста. – Алиса сделала паузу, чтобы Ринат успокоился, потом продолжила: – Я не могу тебе помочь. Обвинения слишком серьезные…

– Что значит – слишком серьезные? Ты что, шутишь? Хочешь сказать, что меня действительно арестуют?

– Тебя уже арестовали. И будут судить. Я могу оплатить твоих адвокатов, но тебе это не поможет.

Ему показалось, что он ослышался. Бред какой-то. Что она говорит? Что это за новая игра?

Он произнес это вслух. Она сказала: это не игра.

– Но почему… почему ты хотя бы не предупредила меня! – воскликнул Ринат, уже не заботясь о том, что его слышат другие. – Ты же могла, ты же знала!

– Я предупреждала. И не раз.

– Когда?! – отчаянно воскликнул Ринат.

– Когда ты писал вирусы, когда ты писал деструктивный софт. Ты производил оружие и наркотики, я пыталась тебе помешать… ты сам отказался от моей помощи. Извини, но я действительно не вмешиваюсь в твою жизнь и не собираюсь менять свои принципы из-за твоей глупости.

И тогда Ринат понял – она не шутила.

– У меня нелицензированный импл, – тихо произнес он. – Мне сделают корректировку. Ты понимаешь это?

– Мне очень жаль, Ринат. Ты сам поставил точку в наших отношениях.

– Помоги мне…

– Ты сам решаешь свою судьбу.

– Да ты прикалываешься! – заорал Ринат в трубку. – Ты врубаешься, что меня…

Она отключилась. Ринат тупо посмотрел на телефон и выронил его из руки.

– Ступай, капитан, – мягко произнес Ти-Бон. – Ступай, занимайся своими делами.

И капитан, уже не возражая и не задавая вопросов, пошел в подвал. Присел на корточки между Стасом и Ринатом, по-отечески положил обоим руки на колени.

– «Владимирский централ, ветер северный, этапом из Твери зла немерено». Все, дети. Кино окончено, пожалуйте в гардероб за польтами.

Ринат посмотрел на друзей, стоящих у стены.

Кореец проследил за взглядом.

– За друзей не волнуйся. Я знаю, что они никакого отношения к преступлениям не имеют, поэтому их никто даже не будет задерживать. А вот вы… вы не такие счастливчики, как они.

– Я же работал на вас! – хрипло сказал Стас.

– Нет. – Кореец перешел на шепот, сделав при этом таинственное лицо. – Ты работал на Куратора. А он, прикрываясь нашими возможностями, работал на «Такечи апгрейд». Так что ты, по сути, работал на них, а не на нас. Но тебе спасибо за то, что помог взять вот этого, – кивнул на Рината. – Напомни мне позже, я дам тебе за это шоколадку. А сейчас вставайте. Вас ждет уютная четырехместная клетка в вертолете, который вас доставит… туда, куда и должен доставить.

Они поднялись не сами: Ти-Бон, ухватив их за шкирки, поднял, как щенят, и подтолкнул к выходу.

Ринат остановился у порога.

– Илюх!

Тот повернулся, показав Ринату разбитую губу и уже заплывший глаз.

Это спецназовцы. Если бы бил кореец – убил бы на хрен.

– Илюх, кота не бросай, ладно?

Парень молча кивнул и отвернулся.

Понятное дело – столько нового узнал и под раздачу попал. Есть причины для обид.

«Но, блин, сейчас же не время!» – хотелось крикнуть Ринату.

* * *

Тюремный вертолет приземлился прямо на лужайку перед домом. Соседи, став перед воротами, перекрытыми лентой и двумя спецназовцами, наблюдали, как выходят из дома в наручниках Ринат и Стас.

Сплетен и пересудов на ближайшие несколько месяцев. Может, эта история даже станет поселковой легендой – здесь такого движения никогда не было. Сидя вечером за бутылкой водки, будут выдвигать свои версии, вспоминать все до мелочей, которые происходили на этом участке…

Клетка представляла собой огороженный квадрат три на два в самом конце салона. Четыре металлических стула, разделенных пластиковыми перегородками, – два из них заняли Ринат и Стас.

Наручники защелкнулись, сама клетка осветилась мягким желтым светом, когда зарешеченная дверь плотно задвинулась в пазы.

– «Кто живет по законам иным и кому умирать молодым…» – напел на прощание Ти-Бон, уже выйдя из вертолета. – Мне будет тебя не хватать, Рип.

Заработал двигатель. Вертолет поднялся в воздух и, взяв

крутой вираж, направился в сторону города.

Один из охранников вытащил из-за воротника крохотные наушники, включил плейер и блаженно откинулся на спинку своего кресла. Второй, бросив недовольный взгляд на своих арестантов, достал плоскую фляжку и сделал несколько глотков.

Ринат погрузился в спокойные раздумья. Именно спокойные – он перестал волноваться, еще когда они вышли из дома. Тогда он понял, что все это блеф. Она не может так поступить с ним. Вытащит его в любом случае. Попугать решила? Пусть попугает. Дальше этого дело не пойдет. Она не допустит.

Стас тоже сидел спокойно, только пот обильно стекал по щекам, хотя в герметичном салоне вертолета совершенно не было жарко. Глаза прикрыты, губы плотно сжаты. Пальцы шевелятся, будто перебирают четки.

Только через несколько секунд Ринат понял, что делает его товарищ по несчастью, – катает грязь между пальцев, собирая ее в комочек.

И вторая рука делает то же самое. И комочки эти в пот окунает, чтобы каталось лучше.

Свинота.

Ринат брезгливо поморщился. В это время Стас открыл глаза. Посмотрев на охранников и убедившись, что они не наблюдают за своими пассажирами, быстро наклонился и забросил сначала один, а потом другой комочек в рот.

Рината чуть не стошнило.

Челюсти зашевелились – будто жевательную резинку, только не жевал, а перекатывал во рту. На Рината он не смотрел, он, казалось, вообще никуда не смотрел – глаза остекленевшие, больше похож на труп, чем на живого человека.

Челюсти перестали двигаться. Между губ показалась темного цвета палочка. Палочка из грязи с тела. Дерьмо!

Ринат отвернулся в сторону, не желая больше это видеть. Если бы он не побрезговал, то заметил бы прелюбопытную картину – Стас снова нагнулся к наручникам, прижавшись губами к замочку.

Щелчка из-за шума двигателя слышно не было.

Свободной рукой он точно так же отстегнул браслеты на ногах, после чего сел, как ни в чем не бывало.

Ни Ринат, ни охранники ничего не заметили.

Палочка из грязи снова отправилась в рот. Снова подвигал челюстями, потом повернулся в сторону охранников, свел губы бантиком и… плюнул.

Пух!

Скорее, это было похоже не на плевок, а на выстрел духового

пистолета, правда игрушечного. Крохотный комочек попал в шею охранника с фляжкой в руках. Тот вздрогнул, хлопнул ладонью по месту и развернулся.

Пух! Пух! Еще два «выстрела». Один раз промазал, но второй попал в щеку охранника, и тот, выругавшись, схватился за шокдубинку.

Подошел к клетке, нажал кнопку на дубинке, и ее конец заискрился разрядом. Просунул дубинку в клетку, пытаясь достать наглеца в отверстие между пластиковыми перегородками. Он делал так не раз и не два – обычно, когда попадали сюда импы, которых он ненавидел больше, чем теплое пиво. Сунул дубинку, ткнул наглеца, вырубив его на десять–пятнадцать минут, – и на свое место, к фляжке с коньяком.

На этот раз не прокатило.

Пластик буквально взорвался от удара. Стас ухватил шокер за безопасную часть и рванул на себя, впечатав охранника в решетку. Рука схватила пульт, висевший на поясе, пальцы пробежались по кнопкам, и дверь клетки открылась прежде, чем второй охранник, открыв глаза, понял, что произошло.

Стас змеей проскользнул в открывшуюся дверь и прыгнул к охраннику, перехватывая руку, тянущуюся к пистолету. Удар локтем отправил охранника в глубокий нокаут, и, кажется, у него была сломана челюсть.

Еще один удар – на этот раз ногой – по другому охраннику, сползавшему по решетке на пол. Нагнулся, вытащил из кобуры пистолет и шагнул к пилоту.

Приставил к его голове оружие, что-то сказал, и вертолет пошел на снижение.

Все произошло за несколько секунд. Ни одного лишнего движения, словно вся эта сцена не раз отрабатывалась когда-то.

Уже через минуту вертолет приземлился, и пилот, получив мощный удар в затылок, уронил голову на грудь.

Стас подошел к Ринату.

– Можешь поблагодарить меня за свое освобождение.

– Ты… ты убил их? – спросил Ринат.

– Вот этого. – И пнул ногой охранника с шокером. – Те двое живы. Убить?

– Не надо! – воскликнул Ринат.

– Как хочешь. – Стас вытащил изо рта ту самую палочку из грязи и сунул ее в замок наручников. Отстегнул Рината, бросил палочку ему на колени.

Преодолев отвращение, Ринат взял ее. Она была твердая, как сталь.

– Нам надо уходить, – сказал Стас. – Они уже вычислили

наше местонахождение, скоро сюда прибудет спецназ.

– Я никуда не пойду, – ответил Ринат.

Стас посмотрел на него с искренним недоумением:

– Собираешься остаться здесь и дождаться их?

– Я постараюсь справиться, – произнес Ринат, втайне молясь всем богам, чтобы этот парень ушел один. Взять телефон у охранников, соединиться с Алисой, объяснить…

– Мне вообще-то все равно, – признался Стас. – Но ты кибер с опытом брейн-программинга, и мы могли бы пригодиться друг другу.

– Спасибо за предложение. – Ринат поднял ладони. – Но…

Стас забрал у второго охранника пистолет, шагнул к выходу. На пороге обернулся:

– Ты же не дурак, ты должен понимать, что тебя слили твои хозяева. Тебя обнулят раньше, чем…

– У меня нет хозяев, – сказал Ринат.

– А, ну да. Конечно. А звонил ты своей девушке. Кажется, тебе ясно дали понять, что у тебя проблемы. Тебя даже успокаивать не стали. Знаешь, почему? Потому что всем на тебя насрать.

И, распахнув дверь, выпрыгнул наружу.

Ринат вскочил, перепрыгивая через тела, добрался до кабины, схватил переговорник и, включив его, заорал:

– Алиса! Алиса!

– Ваш вертолет уже обнаружен, – раздался голос в наушнике, прижатом к уху.

– Они скоро прибудут?

– Да. У тебя мало времени.

Секундная пауза.

– Что это значит, Алиса?

– Им известно о потенциале Стаса Морозова. Разрешено применять оружие. Тебе лучше поторопиться.

– Ты достала своими шутками! – воскликнул Ринат. – Уже не смешно.

– Я не шучу, – ответила Алиса. – Через две-три минуты они поднимут вертолеты. Это вся информация, которую я тебе могу дать.

– Что значит вся информация?! – заорал Ринат. – Ты что, позволишь им убить меня?!

Ответа не было.

Она не подкалывала его, как обычно это делала. Не пила кровь. Просто дала информацию и отключилась. Он проорал ее имя еще несколько раз, прежде чем с размаха швырнуть переговорник в лобовое стекло.

Бежать? Куда? Его все равно возьмут. Найдут с помощью

«Нарайяны» или спутникового слежения.

Неужели Алиса действительно бросила его? Не может быть. Просто не может такого быть.

Остаться здесь? А если все это правда? Если закрывали Ворма, почему они не могут закрыть и его? И что тогда?

Вой приближающихся сирен вывел его из ступора. Он кинулся к выходу.

Вертолет стоял на каком-то поле. С одной стороны степь, с другой – лесополоса.

Ринат побежал туда, уже через несколько метров поняв, что задыхается, потому что слишком много пил и курил в последнее время.

До спасительной лесополосы оставалось не больше десяти метров, как сзади загрохотали выстрелы, которые заставили его броситься на землю.

Свист пуль над головой был совсем не похож на розыгрыш. Ринат вжался в землю, слушая приближающийся топот и все еще не веря, что это происходит с ним.

– Бросай оружие! Вставай с поднятыми руками! Вставай, сука! – орали уже совсем рядом.

– У меня нет оружия! – крикнул Ринат. – Не стреляйте…

На этот раз выстрелы загрохотали совсем с другой стороны.

Снова свист пуль, какой-то шум – и все стихло в одно мгновение. А потом из лесополосы вышел Стас с двумя пистолетами в руках.

– Пошли. Времени нет. Нужно успеть дойти до трассы, пока они вертолеты не прислали.

Через полчаса, зарывшись в кучу мусора и зажимая нос от нестерпимой вони, Ринат спросил у Стаса, спрятавшегося в полуметре:

– Что ты собираешься делать?

Мусоровоз нещадно трясло на ухабистых дорогах, но помимо этой тряски была еще и тряска внутренняя. От страха. Поэтому и голос сбивался.

– Что ты собираешься делать?

– Трахать мир так, как он это заслуживает, – буркнул Стас. – Вот что я собираюсь делать. А там дальше посмотрим.

Часть 3
Осколки киберпанка

Илюху с Тяпой и телохранителей из дома не выпускали, но определенную свободу перемещения предоставили. Машину обшарили и, слава богу, не «нашли» в ней ни ампул с трэдлом, ни дисков с запрещенными программами. Кореец уехал, забрав с собой девушку, которая так и не пришла в себя. Следователи, продолжая обыск, сновали меж расставленных по дому спецназовцев и накручивали видеопротоколы.

В какой-то момент они засуетились, забегали, но потом успокоились. Через некоторое время телохранителей Тяпы отвели в соседнюю комнату и допросили, но без особого усердия. Стандартная форма ответа: «не знаю», «не помню», «без адвоката отвечать не буду» – сработала. Объявили, что задержали, но наручники не надели. Разрешили звонить и даже пользоваться холодильником и баром.

Вернувшийся с гулянки кот Рината невозмутимо прошествовал мимо спецназовцев к своей миске и, даже и не вспомнив о хозяине, принялся жрать.

– Алиса не будет больше помогать, – произнес Илюха и открыл банку с пивом. – Говорит, типа уже сделала все, что могла.

Почти час он общался с Алисой по телефону. И в самом конце разговора Алиса сообщила нечто, о чем Илюха не спешил пока делиться с собеседником.

– То же самое она сказала и мне, когда налоговая накрыла, – произнес Тяпа.

– У Рината проблемы покруче.

– Он и наворотил покруче, чем я. У одной моей знакомой брату все мозги выжгли дестрой-софтом.

– Шизанулся?

– Хрен там! Сдох враз. Мозг заклинило – и все.

Илюха о подобных программах был наслышан, но относился к этому более спокойно, чем Тяпа. Оружейник создает оружие и зарабатывает себе на хлеб, а то, что его оружием кто-то воспользуется, – это проблема кого угодно, но не оружейника. Коробило, что Ринат никому ничего не рассказал: что импл установил, что вместе с Вормом затеял это дело, даже про интерактив соврал. Кто мог знать, что эта игрушка у него уже не первый год? Но тем не менее…

– Тем не менее он наш друг, и надо сначала помочь ему, а

потом уже разбираться, – сказал Илюха.

– Ты знаешь, что ему грозит за производство таких вирусов? Ему закатают столько, что…

– Он сбежал. – Илюха сделал секундную паузу, наслаждаясь ошеломлением Тяпы, потом таким тоном, словно был очевидцем побега, продолжил: – Прикинь? Они угнали вертолет, положили охрану и ушли. Вдвоем. Ринат и этот, второй…

– Стас, – подсказал Тяпа.

– Ну да. Их объявили в федеральный, подключили «Нарайяну». Но этот Стас умеет обходить все системы слежения. Короче, они на свободе.

– Алиса сказала?

– Да. Еще она пообещала, что не будет отключать системы слежения и вообще не собирается вмешиваться в это дело. Короче, она не раз пыталась остановить Рината, но он не уступил, и сейчас она тоже не собирается уступать. Типа пошла на принцип. – Илюха жадными глотками допил пиво и бросил банку в остывший камин. – Знаешь, что мне кажется? Она обиделась на Рината.

– Тогда ему не повезло, – философски заметил Тяпа.

Кот начал умываться.

Илюха подхватил его. Ромеро недовольно мяукнул, но сопротивляться не стал. Он давно разжирел, стал ленивым и флегматичным. Раньше за такое хамское обращение Илюха поплатился бы несколькими царапинами, а сейчас – только пофигистичное «мяу».

* * *

– Я позвоню Илюхе.

– Это твой выбор, Ринат.

Если бы он не позвонил. Если бы не рассказал Илюхе то, что так долго скрывал. Ради чего? Кому и что он доказал? Алисе свое благородство? На хрена ей это благородство, если она палец о палец не ударила, чтобы помочь.

Это твой выбор, Ринат. Твой выбор.

Если бы он тогда не позвонил.

– Если бы я тогда не позвонил… – произнес Ринат вслух и задумался.

– Что ты имеешь в виду?

Они решили заночевать в общаге-«улье» на окраине Ростова. Двойная такса гарантировала, что их вовремя предупредят об облаве и даже помогут выбраться. Армяне, державшие такие

общаги для нелегалов, тщательно блюли свою репутацию.

Перед этим Стас, словно уличный гопник, выпотрошил аптечный автомат, забрав деньги и кучу различных препаратов.

Теперь он поглощал свои витамины, тщательно изучая состав каждой таблетки и капсулы.

Ринат уставился в старый телик, пялясь на то, как полощут грязное белье мегазвезд на мегашоу мега-Синявской.

– Если бы я тогда не стал звонить Илюхе, ничего бы не произошло. Ты бы не попал ко мне и не притащил хвост. Ты бы вообще не знал о моем существовании.

– Я так не думаю, – возразил Стас. – Встреча с тобой была неизбежна, как и с Ти-Боном.

Он проглотил, как удав, очередную порцию таблеток и, откинувшись на спинку стула, переваривал. Выглядел он заметно лучше. Еще час назад его даже пошатывало от усталости, а сейчас и лицо посвежело, и движения стали бодрее.

– Поясни, – попросил Ринат.

– Архивариус так сказал, – ответил Стас. – Что все дороги приведут к тебе. Забавно, да?

Ему подсказал Архивариус. Кто он? Он – другой.

– Кто такой Архивариус?

– Юзер деструктивного софта. Он немного… как бы это сказать…

– Другой? – подсказал Ринат.

– Да. В точку.

Стас подошел к мусоропроводу в углу и открыл люк. Протянув в отверстие руку, сказал:

– Через час печь отключат до утра.

– Какую печь?

– Зимой «ульи» отапливают мусором. Он подается конвейером в приемники, а оттуда – в печь. Когда печь отключат, можно через люк попасть в приемник, а оттуда – в канализационный коллектор.

– Ты же сказал, что здесь помогут уйти.

– Может, и помогут. А может, и нет. Самое ценное, что у тебя есть, – это жизнь. Можешь доверить ее кому угодно, но лучше рассчитывать на самого себя. Все. Ложимся спать. Завтра надо достать машину и двигать в Москву.

– А ты…

– А я еще не полностью дохелился после всей этой истории. Поэтому надо спать и восстанавливать силы. Неизвестно, когда еще представится такая возможность.

* * *

– …Мы не уличная банда. Мы хорошо организованы, и наших собратьев можно найти во многих районах Южного, Юго-Восточного и Юго-Западного секторов. Мы не экстремисты, но будем стоять за каждого собрата любой ценой. Мы не призываем к насилию, но всегда готовы дать отпор. Все еще сомневаешься? Не пропусти! Огненные Големы объявляют набор в свои ряды. Физическая подготовка и личный транспорт дают новичкам дополнительные привилегии. Запоминай наши контакты внизу экрана. Бегущая строка укажет тебе путь. Мы ждем тебя. Огненные Големы – пламя и сталь!..

Еще несколько лет назад отец Кирилл не парился всякой религиозной ерундой. Он работал патрульным в Люберецком районе, и его звали вполне мирским именем Томаз Проскурин. Однажды, объезжая будущий Юго-Восточный сектор, он остановился около крытого фургона с красивыми тюнинговыми рисунками на боках. Но не только искусное изображение привлекло внимание патрульного. Изнутри доносились приглушенные звуки. Похоже, там шла какая-то возня. Пользуясь служебным правом, Томаз решил проверить, что происходит «на объекте».

Внутри фургона мужик, в рясе священника, трахал сразу трех девчонок. Причем с первого взгляда было ясно, что партнерши несовершеннолетние.

По закону мужику светила десятка, при этом показания самих проституток никого не волновали.

Пока лейтенант Проскурин изучал документы и прикидывал, что поиметь с клоуна в рясе, приехавшего оттянуться из глубинки, мужик предложил ему… работу. Говорил он не долго, но очень убедительно. Через полчаса патрульный присоединился к мужику, и фургон вновь заходил ходуном. А еще через несколько дней Томаз Проскурин стал отцом Кириллом.

Вначале их было семь человек. Но паства росла, а вместе с ней увеличивалось и число Посвященных. Схема была довольно проста. Находили одного-двух более-менее влиятельных людей, пудрили им мозги темой о Спасении и вечной жизни. А дальше… Дальше как снежный ком с горы.

Многое повидал за эти годы отец Кирилл: аресты и покушения, круизы и особняки. Но ни разу он не пожалел, что принял предложение Учителя…

Именно так приказал называть себя тот мужик.

Отец Кирилл прошел весь путь Посвященного – от ученика, коим пробыл те два часа в фургоне, до Адепта Первого Круга. Что означало последнее, он не знал, и его это мало волновало. Функции отца Кирилла в организации сводились к обеспечению

безопасности Учителя, чем он и занимался.

Задание касаемо пророка по имени Архивариус получено им было лично от Учителя. По словам последнего, этот полоумный человек угрожал безопасности всей организации.

Новые прорицатели появлялись почти каждый месяц – одних афишировали и тщательно раскручивали в рамках какого-либо религиозного течения, другие действовали в одиночку, независимо.

Одни предсказывали будущее на десять-пятнадцать лет вперед, в надежде привлечь паству и округлить счет в офшорах. Другие замахивались на события менее удаленные на временной оси, но при этом несли откровенную чушь, которую сами же и расшифровывали в зависимости от жизненных реалий.

Каким-то образом Архивариусу случилось предречь несколько событий и исчезнуть прежде, чем им заинтересовались. Возможно, это были происки конкурентов, возможно, ему просто повезло, и он «угадал». Могло случиться, что он действительно пророк, которому открылись какие-то тайны. Как бы то ни было, Архивариуса следовало найти и побеседовать. Отец Захарий, работавший в Западном секторе, имел хорошие связи среди повернутых на деструкте психов. Он-то и выяснил, где находится Архивариус. Теперь отцу Кириллу предстояло доставить его к Учителю.

Два новеньких «БМВ» свернули на небольшую улочку и остановились перед старым пятиэтажным домом.

Отец Кирилл презрительно посмотрел в окно на старую баптистскую церквушку через дорогу. На представителей других конфессий он всегда взирал как на воров, которые его обкрадывают. И не мудрено – благосостояние бывшего старлея напрямую зависело от числа послушников его церкви. Даже когда дела у миссии идут хорошо, всегда хочется, чтобы они шли еще лучше.

«Пройдет два-три года, – говорил Учитель, – и я выведу нас на мировой уровень». Его рецепт прост: дай толпе то, чего она хочет. Ваша религия осуждает секс и наркотики? Идите к нам, братья и сестры, и мы накормим вас запретными плодами. Хотите вечной жизни? Мы дадим вам это. Вас смущает то, что вы делаете? Мы найдем оправдание вашим действиям. Мы будем молиться за вас, страдать за вас – только верьте нам. Верьте и несите бабло.

Отец Кирилл не верил ни единому слову Учителя, когда тот вещал в три часа ночи на сорок втором канале. Точно так же не верил и раньше, когда он еще читал свои проповеди в сарае на окраине Москвы. Не верил и тогда, когда им наконец-то

выделили час прайм-тайма на том же злосчастном сорок втором. А вот про мировой уровень верил.

И про миллионы последователей по всему миру.

Про власть верил. Про многомиллионные счета тоже.

У каждого человека должна быть какая-то вера.

И ему нравилось жить с этой верой.

С этой верой он вышел из машины и в сопровождении двух телохранителей – а куда сейчас без них! – вошел в темный и вонючий подъезд пятиэтажки.

* * *

Братьям Егорию и Ганни вера тоже помогала жить. Вера в твердую зарплату, сытную пищу, крепкую выпивку и роскошных женщин. Власть их не интересовала, потому что мозгами они понимали – не смогут, не потянут. Как говорил один из шекспировских героев, «мое призванье – вам служить». Они были почти идеальными исполнителями – не задавали вопросов, соблюдали правила. А то, что немного туповаты, так даже лучше. Умный исполнитель всегда мечтает занять хозяйское место.

Егорий в свое время усилил правую руку небольшим пневмопакетом с обоймой из десятка игл, а черепную коробку укрепил евротитановыми пластинами. Невзрачный на первый взгляд, на самом деле он был гораздо сильнее и опаснее напарника, разбухшего от химкомплексов и стероидов. Ростом под два метра, весом почти сто тридцать килограммов, Ганни Большой, или Папа Ганни, был старшим в паре. Именно ему старался отдавать распоряжения отец Кирилл.

Вот и сейчас Ганни получил задание первым войти в открытую дверь квартиры и проверить, что и как. Если бы это сделал Егорий, то через пять минут живых в квартире не осталось бы.

Ганни доложил, что в квартире только один человек, и тот, по всей видимости, подключен к Сети, так как на визит Ганни не отреагировал.

Только после этого отец Кирилл переступил порог квартиры.

Когда он вошел, Архивариус поднял голову и, окинув взглядом, сказал:

– Капуста.

– Что? – опешил отец Кирилл.

– Одежды много. Ряса. Овечья шкура. Мундир лейтенанта. Внутри суть – волк хищный.

Предупреждали, что Архивариуса не понять.

Что деструктивный софт перевернул его реальность. И все же… откуда он узнал про лейтенанта?

– Поедешь с нами, – буркнул отец Кирилл. Егорий и Большой Ганни шагнули вперед.

– Ибо, от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника – все действуют лживо, – нараспев произнес Архивариус. – Но твое слово здесь пусто, и нет в тебе силы, как и в пославшем тебя.

– Взять! – приказал отец Кирилл.

Егорий опустил руку на плечо Архивариуса.

Казалось, что опустил. Хруст живой кости и рев раненого зверя слились воедино. Телохранитель грохнулся на пол, зажав поломанную в двух местах руку. Балахон колыхнулся, и невидимые из-за нереальной скорости удары обрушились на Ганни. Гигант тупо улыбнулся шефу и захлебнулся кровью.

Как подкошенный слон, он медленно оседал, давя стонущего Егория.

Архивариус же по-прежнему сидел на своем месте, как будто ничего не произошло.

«Имп!» – оторопел отец Кирилл, отступая к спасительной двери.

– Картину можно писать маслом, а можно – словом, но если ты слеп, к чему тебе солнце? – Архивариус поднял руку, и отец Кирилл в испуге отшатнулся.

От былого благолепия не осталось и следа. Кирилл понимал, что молитвы сейчас самое последнее, на что следует надеяться.

Но Архивариус поднял руку лишь для того, чтобы произнести:

– Не истину говорю, но правду. Имя того, кто послал тебя, открыто мне. А те, кто помнит, до сих пор держат в сердце своем жажду мести. Пройдет время, а память о Лиге останется.

Услышав эти слова, отец Кирилл вздрогнул еще раз. Этот ненормальный говорил то, чего не знали многие из посвященных. Он знал прошлое Учителя, знал, по какой причине тот сбежал из своего городка в столицу, затерявшись здесь и сменив свое имя и обличье.

Отец Кирилл уже переступил порог и собирался рвануть, как его догнали слова, звучащие, словно из иерихонской трубы:

– «Последний день в раю окончен. Они встают, они уходят. И под покровом темной ночи их трое ангелов проводят».

Топот дорогих туфель по бетонным ступенькам вторил этим словам. Об оставшихся в квартире «братьях» отец Кирилл даже не вспомнил.

И только когда «БМВ» сорвался с места, он, сидя за

бронированным стеклом, перевел дух.

Отец Кирилл немедленно связался с Учителем и намеками объяснил, что собой представляет этот лжепророк и что ему известно. Даже через мембрану наушника чувствовались страх и бешенство, охватившие Учителя. Приговор был короткий: Архивариуса убрать. Убрать срочно, не медля ни секунды.

Через полчаса группа быстрого реагирования прибыла в Одинцово. Но прибывшие в квартиру пророка боевики обнаружили там только искалеченные тела братьев. Архивариус исчез, и одному Богу было известно, куда он направился.

* * *

Дождь лил как из ведра. Собачий холод разогнал всех по домам. Только редкие прохожие, прыгая через лужи, искали, где укрыться. Странно было, что при такой холодрыге вместо града шел дождь.

Лужи безнадежно пузырились, предвещая долгое промозглое ненастье, против которого бессильны зонты и непромокаемые комбезы.

Кладбище старых тачек было закрыто. Но не из-за дождя, а по случаю беспробудного пьянства хозяина. Третьего дня он удачно сплавил обкуренным подросткам старую, убитую «Ладу» за пять ящиков пива и несколько бутылок водки. «Выручку» приятно дополняли неплохие консервы из соседнего супермаркета, игровая приставка и теплый трейлер. Вот почему на воротах «предприятия» висел замок, а над ним табличка: «Инвентаризация, нах». Пыл особо настырных чужаков остужал пес – помесь кавказской овчарки с кем-то еще, который бодро вылезал из будки под трейлером при их появлении.

Хозяин как раз направился к холодильнику за очередной бутылкой, когда заметил в окно двух парней, направлявшихся к воротам. Одному на вид лет двадцать пять–двадцать семь, второй моложе.

Ни зонтов, ни комбезов у парней не было. Вид у обоих был такой, словно они только что вылезли из бассейна. Немудрено при такой-то погодке. Они действительно направлялись к воротам.

Открывать в такую погоду хозяин не собирался.

Что может быть мерзостнее, чем стоять под дождем в ожидании, пока нищие клиенты (а других здесь не водилось) выберут подходящий гроб на колесах?

Он даже повеселел, представив, как на звонок этих

промокших шалопаев выскочит разбуженный Спайк и объяснит на своем собачьем, что сегодня выходной.

Не отрываясь от окна, он на ощупь открыл холодильник и ухватил рукой горлышко бутылки…

Тот из парней, что моложе, не сбавляя хода, поравнялся с воротами. Казалось, он просто взмахнул рукой – и створки разлетелись в стороны, словно в них врезалось пушечное ядро.

У хозяина отвисла челюсть, и несколько мгновений он находился в прострации. За это время участь ворот разделил Спайк, атаковавший непрошеного гостя. Пес отлетел на несколько метров и больше не поднялся. А ведь малый едва двинул его плечом.

Вырубив собаку, «младшенький» стал осматривать металлолом, расставленный по периметру забора. Подельник остался в воротах, внимательно наблюдая за улицей. Похоже, они не подозревали присутствия лишних глаз.

Сглотнув слюну, хозяин выпустил бутылку и взялся было за биту, но вовремя одумался. Пошарив под кроватью, он вытащил старый обрез двухстволки и нерешительно шагнул к двери.

Выходить на улицу совершенно не хотелось, и дождь тут был ни при чем.

Едва он дотронулся до дверной ручки, как раздался тяжелый, неприятный стук.

Правая рука взвела курки, левая – открыла задвижку и толкнула дверь от себя, но выстрелить он не успел.

Обрез буквально исчез из рук, а сам хозяин очутился среди обломков самодельного стула. Боль в правом боку привела в чувство, и первое, что он увидел, – склонившееся над ним небритое лицо «младшенького».

– Мне нужна машина. Не новая…

Торговец гулко сглотнул слюну.

– …на ходу, в нормальном состоянии, – перечислял «младшенький». – Заправленная, с чистыми документами и зарегистрированная. Цена тебе понравится.

Трудно что-либо возражать, когда на тебя смотрят как на неодушевленный предмет, а дуло собственного обреза упирается в лоб.

Простонав, хозяин стал медленно подниматься…

…Через сорок минут, оформив документы и заправив «Тойоту», он вытащил из сейфа ключи от машины, но отдавать не спешил, вопросительно глянув на «младшенького», игравшего в этом дуэте первую скрипку.

– Чего? – не понял тот.

Хозяин, морщась от боли в боку, выразительно потер

указательным и большим пальцем.

– Денег? – усмехнулся «младшенький». – А я хотел предложить тебе кое-что получше.

– Наркоту, что ли? – поморщился хозяин. – Слушай, я не…

– Хотел предложить тебе в обмен на тачку твою жизнь, – пояснил парень, поднимая обрез. – Но если не устраивает, могу наличными. Трупу.

Побледнев, хозяин поднял руки:

– Эй, парень, я не…

– Конечно же, ты НЕ понял меня. Конечно же, ты НЕ хочешь ничего другого, кроме того, что я тебе предложил. И НЕ станешь совершать глупости, когда мы уедем. А знаешь почему?

Он положил ружье на разделявший их стол. Глаза хозяина воровато скользнули по оружию, а в ладонях появился противный зуд – если попытаться схватить, можно еще успеть…

Парень уловил этот взгляд и, одобрительно кивнув, сделал шаг назад. При этом, кажется, еще и радушно улыбался.

Хозяин сделал рывок, которому позавидовала бы пантера. В мгновение ока он схватил обрез и нажал бы на курок, но… цель пропала.

«Цель» стояла позади хозяина, одной рукой обхватив его за шею, а второй прижав к адамову яблоку вилку, каким-то образом успев схватить ее со стола. Одним движением Стас впечатал хозяина в плетеное кресло.

Обрез вырвался из рук, кувыркнулся в воздухе и шлепнулся в угол. Ключи от машины выскользнули из кармана, а мягкий, вкрадчивый голос прошептал в ухо:

– Потому что совершишь еще одну глупость – и ты умрешь. Видит Бог, мне не хочется этого. Выбирай сам – жить тебе или нет. Ты все понял?

Хозяин неистово затряс головой. Парень легким прыжком перемахнул стол и исчез за дверью.

Донесся шум двигателя. Продавец машин без сил откинулся на спинку стула. Его колотило, со лба тек липкий предательский пот.

Выезжая со двора, Стас повернулся к Ринату на пассажирском сиденье и довольно сказал:

– Дарить жизнь – самое прекрасное, что есть в этом мире.

Ринат зябко повел плечами.

Щетки бешено метались по лобовому стеклу, сметая потоки воды. Печка работала на полную мощность, но Ринату было холодно.

* * *

– Не ошибаешься ли ты, сын мой? Ибо сказано в Писании: «Станет видимое невидимым, а ложь примут за истину».

– Нет, Учитель. Информация стопроцентная. Это тот самый человек. Это – Сатана в обличье человека. Кто, кроме него, мог поднять руку на сына твоего?

Тонкие холеные пальцы Учителя (маникюр за восемьдесят долларов) с ненавистью раздавили сигарету в пепельнице. Голос же елейно произнес в трубку:

– Неотвратима месть Господа и ангелов Его. Что еще удалось узнать, сын мой?

– Официально они хотели захватить клинику «Такечи апгрейд». Секретная операция проводилась совместно с нашими людьми. Но я уверен, что все это направлено против тебя, Учитель. Против тебя и сына твоего, пусть земля ему будет пухом. Я уверен, что это заговор против нашей Церкви.

«Кого интересует твоя уверенность!..» – подумал Учитель, а вслух произнес:

– Благодарю тебя. Твои заслуги перед нашей Церковью, а следовательно, перед Богом, неоценимы. Я поставлю вопрос о твоем переводе во Второй круг посвящения, ибо сказано в Писании, «пусть воздастся каждому за его заслуги как на земле, так и на небе».

– С нами истина в лице твоем, Учитель.

– С нами истина.

Учитель медленно положил трубку на Библию, лежащую на столе. Когда-то он пользовался ею, заучивал нужные фразы – пока не понял одну простую вещь. Можно цитировать Библию, не открывая ее. Кто станет проверять фразы, придуманные на ходу? Враги-конкуренты? Они сами часто пользуются этим приемом. Ретивые фанатики веры, как этот глупый федерал, во всем подозревающий заговор? Они слепы, двух слов понять не смогут. Воистину – стадо.

Отец Кирилл, сидящий напротив, вопросительно посмотрел.

– Человек, убивший моего сына, работает на корпорацию, – медленно произнес Учитель. – Возможно, они знали, какая Эрику была определена роль… возможно, нет. Может, это действительно была случайность, а может быть, и нет.

– Корпорация начинает прижимать нас, – задумчиво произнес отец Кирилл.

– Потому что чувствует, что у нас появилась реальная власть! – зло бросил Учитель. – Потому что, объяви мы Эрика новым мессией, уже ничто не помешало бы нам! Этот крашеный китаец… он тоже слишком много знает… они все много знают! Почему? Почему они знают всё?! – заорал он, хлопнув со всего

маха ладонью по столу. Но тут же успокоился. Сказал:

– Их было трое. Двое сейчас – у корпорации, а третий, мальчишка, поссорившийся с Эриком, сбежал и находится в федеральном розыске.

Брови отца Кирилла удивленно поползли вверх.

– И что это означает? – спросил он.

– А это ты мне должен сказать, что это означает и что происходит, – буркнул Учитель. – Кто такой Стас Морозов, почему его ищут федералы и корпорация… Разыщи девчонку, которую забрал у нас китаец из «Волхолланда», поговори с ней. И найди этого долбаного пророка! Найди и допроси. Выясни, откуда он столько всего знает.

Отец Кирилл скептически цокнул языком.

– Архивариус – боевой имп, причем, судя по всему, последнего класса. Будет не так просто…

– Значит, пристрели его на хрен! Иди, Томаз. И обо всем сразу же сообщай мне. Все, свободен.

Отец Кирилл вышел.

Учитель тяжело вздохнул. Все происходящее ему казалось частью какой-то очень сложной игры. А в любой игре должен быть победитель, а следовательно – и проигравший.

Проигрывать Учитель не любил.

* * *

– …Подводя итоги, мы смело можем сделать следующие выводы: бронежилет противника бесполезен перед вашим оружием, если вы стреляете в так называемые мертвые зоны, находящиеся под мышками… лучше всего стрелять по конечностям… еще лучше попадать в голову, и тогда вам ничто не грозит…

Пульт пискнул, экран погас. Стас покачал головой:

– Скоро будут показывать, как правильно убивать и похищать людей. Учебные пособия для таких, как ты.

– Я не похищал, – ответил Ринат, глядя в окно.

Тачка шла по четвертому транспортному кольцу. Навесная, двухъярусная, двенадцатиполосная магистраль, опоясывающая Москву, считалась скоростной, но спидометр замер на цифре сто. Стас осторожничал, высматривая повороты и указатели.

– Да? А я уже и не в счет?

– Расскажи, как ты с людей эморфы снимал, когда свою закладку развивал, – сердито парировал Ринат. – Извини, но ты воспринимался мной не как человек, а как инструмент. Робот.

– А сейчас?

Ринат смутился. Заметив это, Стас засмеялся:

– Не бойся. Мне в принципе безразлично, что ты думаешь. – Он выжал газ, обгоняя длинный грузовик, и снова сбросил скорость, пристроившись за легковушкой. – Важны ведь поступки, а не мысли.

– Что ты собираешься делать? – спросил Ринат. – Куда мы едем? Зачем я тебе нужен?

– «Мы ищем вопросы. Мы знаем ответы. – Стас побарабанил пальцами по рулю. – Антракт. В три затяжки скурить сигарету…»

Ринат вздрогнул, развернулся.

– Откуда… откуда ты это взял?

Стас ответил не сразу. Помолчал немного, потом признался:

– Я не знаю. Или не помню. Но уверен, что это не просто случайная рифма…

– Это не случайная рифма, – глухо произнес Ринат. – Это стихи одного моего друга.

– Твой друг – поэт?

– Она погибла. Давно.

Некоторое время ехали молча, потом Стас произнес:

– Дашка когда-то читала эти стихи. Она не помнила последней строчки. «Гаданье на кофе – надежда на чудо. Ладони в крови, в тихом шепоте…»

– «…В тихом шепоте губы. И мир на осколки, за сказку кому-то», – закончил Ринат. – Интересно, откуда она их узнала?

– У меня осталось мало времени. Найди покупателей на закладку.

– Я? – удивился Ринат. – И где же я их найду?

– Ты же кибер. Как ты себе поставил имплантант? Тебе же кто-то помог, верно? Если хочешь заработать – подними свои связи.

– Заработать? – спросил Ринат.

– Ты получишь половину. Цена такой закладки как минимум три миллиона. Получаем деньги, потом разлетаемся.

На словах получалось красиво. Только можно ли ему доверять?

– И где мне искать покупателей? Кто вообще может купить эту закладку? «Такечи апгрейд»? Вряд ли японцы захотят подставляться второй раз. А продать через посредников – там половина стучит федералам, а другая половина – корпорации.

Стас пожал плечами. Вытер пот, выступивший на лбу, хотя в машине не было жарко.

– Тебе светит полтора лимона. За такие деньги можно и подумать, и поработать. Если не хочешь этим заниматься, скажи –

мы можем разбежаться прямо сейчас. Только что ты делать будешь? В розыске, без денег…

Ринат хмыкнул.

Внезапно на него накатила волна странных ощущений – непонятный восторг, прилив энергии, азарт… Через секунду он понял, что произошло.

Он ведь этого хотел все эти годы – вернуться обратно. Туда, в ту струю, которой когда-то занимался. Без контроля Алисы, без всей этой фальшивой халявы, которую она готова была предоставлять (и предоставляла), лишь бы он «соблюдал правила». К черту правила. Роскошь – удел слабаков. А он может всего добиться сам, без помощи этой долбаной программы, возомнившей себя воспитательницей.

Он засмеялся, и Стас покосился на него.

– Появились идеи? – спросил он. – Или сходишь с ума?

– Это я о своем, – улыбнулся Ринат. – Давай в Гарлем.

– Куда?

– В Гарлем. Там живет парень, который когда-то вывел меня на курьера клиники. В Гарлем два пути – через город или через Маленький Китай. В городе сейчас лучше не маячить.

Стас ловко перестроился в правый ряд и, мигнув поворотником, свернул на боковую дорогу.

За окном мелькнул указатель: «Lil China. 4 km. Free zone».

Ринат достал сигареты, закурил, и ему показалось, что даже вкус у табака стал другой. Все стало другим – все наполнялось смыслом. Как все просто. Стас был прав – мир действительно заслуживает, чтобы его трахали во все дыры. Самое главное – не стать одной из них.

* * *

Гарлем сильно изменился за последние несколько дней. Этот район никогда не был свободной зоной, но сейчас, впервые со времени его существования, здесь появились блокпосты. Словно не окраина Москвы, а «горячие точки» последней чеченской войны. Конечно же, блокпосты установлены не властями города, а местными. К тому же трудно назвать блокпостом шлагбаум, перед которым протянута лента с шипами, трейлер с узкими окнами-бойницами и нескольких крепких парней в камуфле с легальными пистолетиками. Понятно, что это показуха. Кого они могут остановить, разве только неофашистов из группировок а-ля «Клацающий затвор»? Но останавливали все машины подряд. Не столько для проверки документов, сколько для выяснения цели

поездки.

Машин немного. В основном – местные и только на своих средствах передвижения: таксистов за шлагбаум не пускают. Два пикапа с шашечками «Такс-юнайтед» стояли вдоль дороги, в ожидании, пока выйдут их клиенты.

Когда «Тойота» встала вплотную к шлагбауму, едва не коснувшись колесами шипов, к ней подошли трое. Два чернокожих, третий – белый, все в одежде hip-hop style. Они окружили машину, и один из них постучал темными пальцами в такое же темное тонированное стекло водителя.

Окно поползло вниз, Стас вопросительно посмотрел на постового.

– Куда? – спросил тот, заглядывая в салон и пытаясь разглядеть пассажира.

– А ты кто такой?

– Это частная территория. Проезд закрыт. Или отвечай, или проваливай!

Говоривший невзначай отвел полу дорогой полуспортивной куртки от G-Unit, демонстрируя рукоятку «беретты».

Ринат, перегнувшись через Стаса, негромко сказал:

– Мы к Джамбе.

– Он тебя ждет? – Чернокожий достал телефон и стал набирать номер.

– Скажи, что приехал друг Рубена.

Негр отошел.

– Кто такой Рубен? – спросил Стас.

Ринат не ответил.

Проверяющий вернулся через полминуты. Он пригнулся и еще раз окинул взглядом салон. Нехотя сказал:

– Ладно, проезжайте.

– Спасибо, мбвана-сахиб, – ухмыльнулся Стас.

– Не умничай, вайт, – озлобился негр.

Выпрямился и махнул рукой. Лента зашуршала по асфальту, шлагбаум пополз вверх.

Стас нажал кнопку стеклоподъемника, а когда тонированный стеклопакет скрыл их от улицы, покачал головой:

– Кажется, раньше такого не было.

– Угу, – буркнул Ринат. – Как-то странно. Сверни сейчас налево.

– Ты здесь хорошо ориентируешься, – произнес Стас, послушно поворачивая руль.

Имп-контроль, дефенс-контроль. Оружие забрали, прежде чем разрешили спуститься по лестнице вниз, в подвал.

– Подожди здесь, – отрывисто бросил Ринат, когда они

оказались в холле, похожем на приемную какого-нибудь офиса некрупной фирмы.

– Не доверяешь? – спросил Стас. – Или хочешь, чтобы у меня появились подозрения?

Вошли вместе.

Джамба, в одиночестве полулежа на велюровом диване, забавлялся зажигалкой «Зиппо».

В отличие от собратьев, обожающих культовые прикиды от G-Unit и Puff Daddy, лидер самой крупной группировки Гарлема был одет в строгий деловой костюм и рубашку с золотыми запонками.

Аккуратная стрижка, никаких перстней и цепей с бриллиантовыми бляхами; лишь кожаная шляпа, придававшая некую анархичность респектабельному имиджу топ-менеджера.

Плазменный, на полстены, экран демонстрировал старые записи Run DMC, но, как только вошли Ринат и Стас, отключился.

– Стоит мне тебя увидеть, сразу же появляется нехорошее предчувствие, – сказал Джамба.

– Привет, – ответил Ринат, усаживаясь в кресло. Стас остался у двери.

– Привет… друг Рубена… Ты когда его в последний раз видел?

– Ну… – Ринат задумался.

– Два года назад ты его видел, когда документы на дом оформляли. К твоему сведению, он уже больше года в Москве живет.

– Серьезно? Чем занимается?

Джамба посмотрел на него, покачал головой, спрятал зажигалку.

– Зачем ты сюда пришел, брат?

– Есть тема, которая тебя заинтересует.

Джамба взглянул на Стаса:

– Нет, брат. Не заинтересует.

– Ты даже не знаешь…

– Знаю. На днях сюда приходил имп из «Волхолланда». Искал его, – ткнул пальцем в Стаса. – Потом он ушел, а мы похоронили трех наших парней. Поэтому меня не заинтересует твоя тема.

Такой реакции Ринат не ожидал и несколько растерялся. Покосился на Стаса, но тот с невозмутимым видом смотрел в сторону, словно речь шла не о нем.

– Ты боишься корпорации, Джамба?

– Брат, я реалист и не хочу терять своих людей, впутываясь в непонятные авантюры. Честно говоря, я вообще удивлен, что ты пришел ко мне. Разве твоя компьютерная подружка не может тебе помочь?

– Нет, – мрачно отрезал Ринат. – Она помочь не может.

– Или не хочет. Чего тебе не хватает, брат? Зачем ты опять лезешь куда не следует?

– Джамба, давай я сам буду решать, как мне жить и куда мне лезть.

– Без проблем, – легко согласился негр. – Вон дверь – иди и решай.

Надо было сбавлять обороты.

– Джамба… – Ринат примирительно поднял руки, показывая, что не хочет ссориться. – У нас есть закладка боевого ИскИна. Развитая, готовая к инсталляции. Если поможешь найти покупателя, ты неплохо заработаешь.

– Зачем мертвому деньги? – Джамба покачал головой. – Нет, брат. Я не в теме.

Он был непреклонен и, похоже, свое мнение менять не собирался.

– С каких это пор ты стал таким? – спросил Ринат.

– Каким – таким?

Ринат побоялся сказать напрямую. Уклончиво ответил:

– Раньше ты был другим.

– Раньше все мы были другими. Что ты имеешь в виду? Что я стал трусом? – Белки его глаз сверкнули, он смотрел на Рината не мигая. – Что молчишь, брат? Боишься сказать? А я не боюсь. Не боюсь признаться в своей трусости.

Он поднялся с дивана, прошелся вдоль стены, отделанной графическим пластиком, проведя по ней ладонью. Повернулся.

– Это не мы ушли в Гарлем. Нас загнали сюда, как стадо баранов. Куба, Ямайка, Гаити – когда у них начались проблемы с католиками, сюда приехало много влиятельных людей. Тех, кто что-то мог сделать. Где они все? Либо приняли существующие здесь правила, либо отправились к праотцам. Посмотри на Маленький Китай – там действует около десятка различных тонгов, но они не могут объединиться. Знаешь почему?

– Разделяй и властвуй, – впервые нарушил молчание Стас.

– Мы здесь варимся в собственном соку, и нам не дают достичь больше того, что мы заслуживаем. Я не знаю, кому это выгодно – правительству, корпорациям, церкви или Алисе. Но это так. Пока ты соблюдаешь правила – ты жив. Нарушил правила – аминь. Я боюсь не за себя. Я боюсь за своих людей, за их семьи. Они верят мне, и если я нарушу правила, то предам их. Извини, брат. Ты пришел не туда. Уходи.

– Черт! – выругался Ринат. – Джамба…

Недоговорил. Поднялся с места. Виновато посмотрел на Стаса, опустив голову, шагнул к двери.

Стас перегородил ему дорогу, а когда тот остановился, обошел его.

– Ты правильно сказал, – громко произнес Стас, глядя на Джамбу. – Вас сюда загнали, как стадо баранов. А знаешь почему? Потому что вы и есть бараны. Вы прекрасно понимаете, что ваш удел – сдохнуть на бойне под ножом мясника, но тем не менее вы идете на эту бойню, опустив головы, и единственное, что вы еще можете, – это блеять, доказывая себе и друг другу свою индивидуальность. Вы привыкли, что есть пастух, который устанавливает правила, вы боитесь их нарушить не из-за того, что есть кнут, для вас это невозможно. Точно так же, как перепрошитый мульт не может нарушить волю своего хозяина.

С каждым словом лицо Джамбы менялось. Белки налились кровью, ноздри расширились, пальцы сжались в кулаки.

Стас видел это, но ему было наплевать. Он продолжал:

– Я был мультом. Мой мозг перепрошивали, в него прописывали плавающий линк, в него заливали вирусы и закладку ИскИна. Сомневаюсь, что ты сейчас понял хотя бы половину того, о чем я говорю, но это не важно на самом деле. А знаешь, что важно?

Он подошел к Джамбе. Казалось, этот разъяренный бык, который был на двадцать сантиметров выше и на полцентнера тяжелее, убьет сейчас наглого сопляка одним ударом.

– Разница между нами – вот что важно. Я – хозяин своей жизни. И никому не позволю управлять собой. Даже на уровне программирования мозга. А тебя и затачивать не надо. Тебя достаточно напугать, чтобы ты превратился в марионетку. Вот и вся разница между нами… брат. – Стас криво усмехнулся.

Джамба должен был ударить. Понятно, что у него ничего бы не вышло, но он должен был это сделать.

Ринат даже представил, как негр размахивается и его огромный кулак летит в челюсть. Стас легко уходит от удара и…

Джамба повернулся, снова сел на диван. Он выглядел невозмутимо, лишь глаза своим сверканием выдавали его.

– Ладно, – сказал он. – Допустим, ты меня убедил. Чего вы хотите?

– Помоги найти покупателя на закладку.

– На искусственный интеллект?

– Боевой ИскИн. Цена – три миллиона евро. Ты получишь десять процентов. – Стас говорил настолько уверенно, что вызвал у Рината чувство беспокойства. Не прокатят ли его, не пустят ли по борту?

– Три миллиона за программу? Не слишком ли…

– Не слишком, – отрезал Стас. – Она стоит дороже, но у меня

нет времени. Примерно через сутки, если ее не перекинуть в подходящий носитель, она уничтожит и меня, и себя.

– Брат, я что-то не понимаю…

– Джамба, не забивай себе голову деталями. У тебя есть выходы на «Такечи апгрейд»? Передай им, что есть готовая закладка боевого ИскИна стоимостью в три миллиона евро. Деньги темным переводом на нейтральный счет и предоплатой.

– Предоплатой?

– Я никуда не денусь, – приблизился Стас. – Закладка находится в мозгу, и, если в течение суток ее не снять, деньги мне уже не понадобятся.

Джамба задумался на несколько минут. Гости терпеливо ждали. Стас выглядел спокойным, а вот Ринат нервничал, ощущая свою бесполезность: инкубатор уже встретился с Джамбой, и посредник теперь как бельмо в глазу.

– Двадцать, – сказал Джамба, неотрывно глядя в глаза Стаса и вытаскивая из кармана капсулу передатчика. Вставил ее в ухо и повторил: – Двадцать.

– Хорошо, – легко согласился Стас. И эта легкость тоже не понравилась Ринату. – Ты получишь шестьсот штук, а мы – все остальное.

Им выделили комнатушку в каком-то подвале.

Джамба сказал, что придется немного подождать.

Стас не спорил. Он выглядел вялым и заснул почти сразу, как вошли.

* * *

Дрянная погодка. Из придорожного отеля она кажется еще омерзительней. Возможно, это из-за грязных окон, а может, причина – холод, от которого не спасают два обогревателя и полбутылки вина.

Надо было пить водку.

Поначалу он смотрит на меня. На единственного посетителя в этот час в баре отеля. Смотрит, как уплетаю горячего цыпленка, и глотает слюну. Потом приближается. Только сейчас замечаю, что вместо ноги у него неуклюжий мехпротез, похожий на лапу чудовища.

– Извини… те, – хрипло говорит он.

Смотрю в сторону. Мне неинтересно, что он скажет. Мне не интересен он сам. Так же, как его жизнь. Жизнь неудачника.

– Извините… – повторяет он. – У меня сейчас очень тяжелый момент в жизни, и я вас просто по-человечески прошу, не дайте

сдохнуть с голода.

Смотрю на него и понимаю, что его грязный вид напрочь отбил мне аппетит.

– У всех бывают тяжелые деньки. – Смотрю на его протез и добавляю: – Ну, или годы.

Он проглатывает мою насмешку. Смотрит на хлебницу. Сипит:

– Хотя бы хлеба дай. Желудок сводит.

Меня коробит, что он перешел на «ты».

Он говорит тихо. Боится охранников, готовых проявить служебное рвение на бездомном бродяге в рваной куртке и стоптанной кроссовке.

Слегка повышаю голос, чтобы привлечь внимание бармена:

– На соседнем столе такая же хлебница, только с отключенным подогревом. Тебе без разницы, какой хлеб, теплый или холодный?

– Я не могу, – говорит он. – Это только для тех, кто делает заказ.

– Ну, так сделай заказ и не мучайся, – повышаю голос. – Нет денег? Иди воруй. Хочешь, чтобы я дал тебе денег? Еды? А может, устроить тебе красивую жизнь? Купить машину, квартиру, оплатить хороший протез? Чего ты ждешь от меня? Что я достану кредитку и обналичу для тебя несколько сотен? Ты их возьмешь, а глаза будут гореть ненавистью. Потому что ты уже смирился со своим поражением и готов ненавидеть весь мир, считая виноватым его, а не себя. Воевал? Пил? Торчал? Бросила красавица жена? Кинули на бабки? Сгорела квартира? Предали все друзья и ты остался один? Запомни – виноваты не друзья. Не весь мир. А только ты сам. И никто другой. Возьми краску. Напиши на стене большими жирными буквами: «Я – ЛОХ». И поставь подпись, потому что так и есть. Потому что, какой бы ни была судьба, ты ее хозяин, и если ты не можешь справляться с ней, значит, ты – лох. ЛОХ! Большими жирными буквами! Уберите от меня этого придурка, мне уже жрать не хочется.

Последние слова адресую двум узколобым гориллам, интеллекта которых хватило только на усиление скелетного каркаса, из-за чего они казались клонами Квазимодо.

Бродягу берут под руки.

Корректно, но безапелляционно провожают к выходу.

– Я только попросил хлеба… – говорит он.

Его никто не слышит. Слова падают в пустоту.

Я выговорился и доволен собой.

Смотрю на остатки испорченной трапезы, на полбутылки вина и думаю, что надо бы заказать водки.

Через две минуты я сделаю заказ. Еще через семь – принесут запотевший графин и стопку. Через девять, когда я опрокину первую стопку, бродягу, переходящего трассу, собьет машина. Прямо напротив гостиницы.

Бывает.

Бывает такое, когда внезапно просыпаешься и не понимаешь, что происходит. Не понимаешь, где находишься, потому что сон крепко держит твое сознание в своих лапах и не хочет выпускать. И ты сдаешься, снова возвращаясь туда, откуда только что пришел.

Дрянная погодка. Из придорожного отеля она кажется еще омерзительней. Возможно, это из-за грязных окон, а может, причина в холоде, от которого не спасают два обогревателя и полбутылки вина. Надо было пить водку.

Но пить водку в одиночестве – это диагноз. Выпить стопку-другую – не считается. Я имею в виду пить водку, а не нюхать. Это делают в компании.

Хотя бы вдвоем. Чтобы сказать, чтобы чокнуться, чтобы закусить и предложить закуску собутыльнику. Общение, вот что нужно под водку, а люля или помидоры – это уже приложение.

Поэтому я начал эту ночь с вина, надеясь, что алкоголь либо подстегнет к увеличению градуса, либо отправит спать, убив бессонницу.

Сначала вижу его глаза и понимаю смысл выражения «пожирать взглядом». Он не ест, он пожирает все, что стоит на моем столе, – цыпленка, овощи, полбутылки вина и хлебницу с теплым, только что подогретым хлебом.

Он просто стоит возле входа, не решаясь пройти вглубь. Стоит и смотрит на меня, единственного посетителя этого отеля. За ним следит бармен, готовый при первом же подозрении вызвать охрану.

Машу ему рукой. Бармен успокаивается, бродяга в рваной куртке идет ко мне, шаркая единственной кроссовкой. Я только сейчас замечаю, что вместо ноги у него протез.

Он подходит к столу, я двигаю цыпленка.

– Сядь, поешь. Мясо, овощи. Вино.

Его не стоит упрашивать дважды. Он садится, зубами впивается в жареную курицу. Достаю сигарету.

Пока курю, он разделывается со всей порцией. После чего смотрит на меня, вытирая рукавом губы.

– Я знаю, что такое голод, – говорю я.

Чего это со мной такое? Потянуло на сентиментальность.

– У меня просто сейчас проблемы, – говорит бродяга. – И я…

Поднимаю руку вверх, бармен торопится к столику. Еще бы, я

отвесил ему неплохие чаевые, и он знает, что получит еще.

– Обналичь три сотни, – говорю я, протягивая золотую «Евро-Экспресс».

Бармен оперативно выполняет просьбу. Деньги даю бродяге.

– Купишь одежду и еду, – говорю и чувствую себя едва ли не его богом. – На попутке доберись до Липецка. Там несколько заводов, на которых работают только инвалиды. Они освобождены от налогов, так что платят там неплохо. С жильем помогают, если видят, что ты работаешь, а не дурака валяешь.

– На твоей кредитке, наверное, много денег… – говорит он, пряча купюры в карман.

Мне не нравится, как он смотрит. Голод отступил, он сейчас сыт (или почти сыт), он уже не хочет работать.

А я все еще хочу ему помочь.

– Я знаю, что ты думаешь, – делаю глоток вина. – Что я бы не обеднел, отвалив тебе больше. Что жизнь несправедлива. Мы сидим за одним столом, но у меня есть все, а у тебя ничего. Что я здоров, а ты потерял ногу. Что я трахаю женщин, которых хочу, а ты – тех, что дают сами. Я мог бы поспорить, что у меня в жизни были моменты похуже, чем у тебя. Но для тебя мои слова ничего не значат.

– К чему ты мне рассказываешь эту херню? – В его голосе звучит презрение. – Я вызываю у тебя чувство вины? За то, что у тебя есть все, а у меня, как ты сказал, ничего. И ты хочешь откупиться от меня своим баблом?

На мгновение мне кажется, что он швырнет мне деньги в лицо, развернется и уйдет. Но сразу же понимаю, что он этого не сделает.

Сейчас он пытается доказать (в первую очередь самому себе), что у него есть чувство собственного достоинства. Готов корчить гордую морду, готов оскорблять меня, готов делать все что угодно – но деньги не вернет.

Наверное, раньше я пришел бы от этого в бешенство. Не люблю собак, которые кусают тех, кто их кормит. Сломал бы ему шею прямо здесь, за столом, даже не вставая.

Сейчас я по-новому смотрю на некоторые вещи.

Мне жаль его.

Достаю кредитку и одним щелчком отправляю ее прямо к нему в тарелку. Там на самом деле не так много денег. Тысячи три-четыре. Для него это капитал, а для меня… когда деньги теряют смысл и превращаются в «бабло», количество уже не играет никакой роли.

– Когда-нибудь ты поймешь, что это не главное, – говорю, глядя, как он хватает ее и вертит в пальцах. – Надеюсь, что я

сделал все возможное для того, чтобы это произошло.

Он встает. Молча. Не говорит ни слова. Просто разворачивается и идет к выходу. Уходит вместе с моей кредиткой, а я смотрю ему в спину и, только когда он исчезает из виду, перевожу взгляд на остатки вина и думаю, что надо бы заказать водки.

Через две минуты я сделаю заказ. Еще через семь – принесут запотевший графин и стопку. Через девять, когда я опрокину первую стопку, бродягу, переходящего трассу, собьет машина. Прямо напротив гостиницы.

И мне станет смешно.

Второй раз он проснулся окончательно. Нервно засмеялся. Ринат, который так и не вздремнул, посмотрел на посвежевшего Стаса с недоумением:

– Анекдот приснился?

– Выбор есть, только на хрена он, когда результат один и тот же? – Стас поднялся с койки, повел плечами, разминаясь, потом несколько раз подпрыгнул, достав без особых усилий трехметровый потолок. – Остается только ждать результата.

– О чем ты говоришь?

– Тебе снятся сны?

– Иногда снятся. – Ринат пожал плечами. – А что?

– Ты когда-нибудь пробовал во сне делать осознанный выбор? Действовать не подсознательно, а отдавая себе отчет, что это сон.

– Такой херней я точно не маялся, – признался Ринат. – К чему ты мне все это говоришь?

– Не знаю. – Стас присел на койку, вальяжно закинув ногу на ногу. – Пытался уяснить, чем отличается поведение гомо сапиенс от ИскИна, а может быть, понять смысл своего существования.

Ринат зевнул, делая вид, что это ему безразлично. Потом все же спросил:

– И как? Понял?

Ответить Стас не успел. Открылась дверь, на пороге стоял Джамба, всем своим видом свидетельствуя, что пора выходить.

* * *

Кофейный цвет заката щедро разбавили молоком. Последние лучи с трудом находили лазейки в плотной завесе городского смога. Картину дополняли грязно-оранжевые подтеки солнца на разбитых окнах, слякоть и отсыревшие стены.

Центр Отстойника погрузился в несвойственную для него тишину. Ни теней, ни звуков. Так же неуместно смотрелась

кошка, неторопливо и бесшумно пересекавшая дорогу между двумя четырехэтажными зданиями. Чудом уцелевшее в стане злейших четвероногих и двуногих врагов, животное не подозревало о близкой опасности: несколько красных точек лазерных целеуказателей алели на ее боку. Ей не было абсолютно никакого дела до того, что шествует она над бывшим правительственным убежищем, притаившимся на шестидесятиметровой глубине. Подземная крепость располагала недостроенным конференц-залом, двери которого в этот момент гостеприимно впускали инкубатора.

Стас переступил овальный порог с тонкой щелью для второй, неработающей двери-диафрагмы и остановился, вглядываясь в темную глубину зала.

За его спиной, под давлением в две тысячи атмосфер, сошлись толстые стальные створки. Только после этого из-за большой бетонной колонны, стоящей посередине, появился покупатель.

Он выглядел довольно странно, скорее гротескно: лицо японца, а тело европейца, причем не простого белого, а качка-переростка. Облик дополняли негроидные руки. Асимметричное тело напоминало презентационный анимэ-ролик клиники – разный цвет глаз, разная форма ушных раковин, даже ноздри и брови отличались правая от левой.

Полуголый. В кожаной стеганке-безрукавке, штанах-шароварах и мягких тапочках. А на груди, на толстой серебряной цепи – крест Тау. И татуировка – несколько иероглифов, переплетенных терновником, а под ними на английском – Joke.

Несмешная шутка. Готическая картинка с сервера японского арт-хауса.

Правая рука – усиленная механика. Левая – реставрация мышц, потому что движения уж слишком плавные. Разница в цене существенная, зато эффект отличается в разы.

Один глаз оборудован вспышкой. Едва заметны проблески от линз, словно слезинка в глазу. Вздутые уши от разноуровневых фильтров. Нате, любуйтесь. Считайте свои деньги и улучшайте себя, сколько сможете. Сконструируйте своего импа, если вам позволяет это собственное тело и сумма вашего счета. Или же наймите себе телохранителей. Киллеров. Хакеров. Смотрите, у нас самая лучшая продукция.

В прошлом году по Сети гуляли ролики, запечатлевшие расстрел нескольких профсоюзных деятелей, ограбление инкассаторов Первого Московского банка и захват Четырнадцатого канала «Ин-ТВ». Качественно отснятые. Запрещенные к распространению. В каждом упоминалось, что

имплантанты ставили в «Такечи апгрейд». Власти потом объявили, что это провокационная подделка…

Кто знает, как это было на самом деле.

Теперь они сделали Joke.

– Стас, я рад… – прозвучал тонкий голос кастрата, который тут же сменился мягким альтом. – Сорри, все время забываю переключать регуляторы. Итак, Стас, я рад тебя видеть.

– Мы знакомы? – поинтересовался парень.

– О, да. Не визуально, правда, но мы уже давно следим за твоими подвигами. Можешь называть меня Джок. Стас, знаешь ли ты, почему почти семьдесят процентов человечества не может обладать имплантантами? Всего лишь из-за своих физических особенностей. Особенностей, не подвластных даже современной генной инженерии.

– При чем здесь…

– Не перебивай, я еще не закончил. Ты получил три миллиона евро и просто обязан выслушать того, кто платит эти деньги. У тебя в голове уникальный софт, и люди из «Волхолланда» совершили серьезную промашку, упустив тебя.

– И что дальше? – поинтересовался Стас.

– Тебя использовали, чтобы выйти на нас. В первый раз это не получилось. Возникает вполне логичный вопрос: не вторая ли это попытка корпорации ликвидировать нашу скромную общину.

Зрачки импа, переливаясь всеми цветами радуги (линзы-хамелеоны или что-то в этом роде), не мигая, смотрели на Стаса.

Стойка, кстати, боевая. Наверняка напичкан и какими-нибудь встройками.

– Тогда зачем ты пришел, если такой недоверчивый? – холодно спросил парень. – Тебя что, заставляют?

В нескольких метрах от него стена полыхнула зеркальными стеллс-разводами и исторгла двоих мужчин неопределенного возраста в масках-перевоплотах.

У одного что-то похожее на модификацию «Тени», второй в комбезе уровнем повыше. «Статик контроллер» или «Хитачи-индексат». Добротный такой, с пуленепробиваемой оболочкой и матричной поверхностью, которая в случае чего защитит и от импульсной пушки. А смотрится комбез как тряпка, которой вытерли задницу, а потом еще и истоптали. То ли дизайнер наркоман, то ли мода сейчас косить под оборванцев.

Джок засмеялся и, как ребенок, хлопнул в ладоши.

– Ладно. Все в порядке, парень. Мы знаем немного больше, чем ты.

Обладатель «Тени» небрежно бросил Стасу обруч из широкой металлической ленты, усеянной нейроконтактами.

– Можно вашу скан-копию? – попросил он ровным голосом.

Стас молча натянул обруч на лоб.

Такими штучками пользуются в основном оперативники Госнаркоконтроля, когда ищут запрещенный софт. И эти туда же.

Стас снял копию за полторы минуты. Вернул сканер, и его хозяин сразу же занялся расшифровкой данных. В полной тишине. Под наблюдением нескольких пар глаз.

Тридцать секунд. Половина минуты.

Поднял голову и произнес, отсоединяя провода и пряча сканер:

– На месте. Уже сорок четыре и две десятых процента.

– Многовато, – протянул Джок. – Если его сейчас запереть в камеру, нас ждет незабываемое двух-трехминутное представление под названием «Мозговой хаос». Парень, ты видел когда-нибудь, как происходит коллапс Гэнда?

Стас покачал головой. Не видел.

– За полторы сотни секунд весь спектр эмоций. Радость, горе, страх, бешенство… Смерть наступает мгновенно и, что самое захватывающее, неожиданно. Бамс! И все. Очень красиво. Три миллиона – не очень большие деньги за подобное зрелище. – Джок нервно рассмеялся, потом подмигнул Стасу: – Шутка.

Второй, тот, что в комбезе, тем временем достал уже совсем другой сканер и направил его на тело Стаса.

Имп-контроль. Боятся все же сюрпризов.

Проверка окончена, имплантантов не обнаружено, и проверяющий едва заметно кивнул.

– Прежде чем мы закончим обмен… – задумчиво произнес Джок, – я хотел бы задать один вопрос. Ты когда-нибудь слышал о человеке, которого зовут Архивариус?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Стас не смог скрыть удивления.

– Вижу, что слышал. Странная, необычная личность. Одни говорят, что он псих, сошедший с ума от виртуальной наркоты, другие считают его новым мессией, третьи уверены в том, что если и есть на свете король информации, то это именно он. Честно говоря, это наша ошибка. Вовремя не обратили внимания, а когда хватились – он исчез.

Шорох в дальнем и темном углу зала выдал несколько фигур. В их очертаниях угадывалось оружие, а по плавным движениям было понятно, что это импы.

Черт, да у них тут целый рассадник. Клоака незаконного апгрейда.

Стас открыл было рот, чтобы ответить, но собеседник прижал палец к губам:

– Тс-с! Ничего не говори. Я знаю, что ты хочешь сказать. Я знал это еще до встречи. Я знал, что ты придешь. Мы ждали тебя, Стас.

– Знал? – хмыкнул Стас. – Откуда?

– «Один всего двумя живет. Второй закончил свой полет…» Ну и так далее. Первым, кто предупредил нас о готовящейся ловушке, был отнюдь не твой бывший начальник, а пророк из Одинцово, – признался Джок. – Мы не приняли это всерьез, но, к счастью, у нас был Куратор, сдублировавший предупреждение. Теперь его нет, но Архивариус перед исчезновением сообщил, что ты вернешься. Мы потеряли трех юнитов, прежде чем разобрались в его послании. Но на этот раз мы поверили. Как некстати он исчез. Как раз в тот момент, когда к нему масса вопросов. Может быть, ты прояснишь ситуацию?

– Я ничего не собираюсь прояснять, – сказал Стас. – Мне плевать, что наплел вам этот сумасшедший, я всего лишь хочу снять закладку.

– Конечно, – засмеялся Джок. – Конечно. Мы тоже этого хотим. Прошу за мной, Стас. Лаборатория «Такечи» ждет тебя.

И он махнул рукой в ту сторону, где стояли молчаливые фигуры.

То, что минуту назад было стеной, превратилось в матовую пленку, похожую на оборотную сторону зеркала.

Система «Ноа-Трекс». Такие стоят у первых лиц государств, у самых богатейших людей мира, в местах, где проводят свое время самые влиятельные.

Чужой не пройдет, кем бы он ни был. Ни одно тело не войдет, органическое или искусственное. «Ноа-Трекс» в считаные секунды все что угодно рассеет на молекулы.

Эти парни не скупятся на безопасность.

Все правильно. Технологии рождают технологии.

– Проходи, не бойся, – подбодрил Джок. – Ее уже настроили на тебя, пока мы разговаривали.

Первый периметр. Пленка легким, почти незаметным прикосновением обволакивает все тело, рвется в местах прохода и снова соединяется за спиной. Сканирование.

Второй периметр. Словно теплый ветерок в лицо. Еще одно сканирование. Несколько лучей шарят по телу Стаса, как собаки в поисках еды на куче мусора.

Третий периметр. Волосы шевелятся от статики. Недолго. Несколько секунд – и система остается позади.

Двери лифта открываются, приглашая в кабину, выстланную зеленым бархатом.

– Снова вниз? – спрашивает Стас. – У вас что, лаборатория у

ядра Земли?

– Мы подумываем брать оттуда энергию, – то ли в шутку, то ли серьезно отвечает его спутник. – Заходи.

И только зайдя внутрь, Стас понимает, что лифт предназначен для перемещения не вверх-вниз.

«Шахта хаоса». Кабина поворачивается вокруг своей оси, двигается куда-то вбок и останавливается. Двери открываются.

Это словно другой мир, сконцентрированный в одном коридоре длиной не больше пятидесяти метров с несколькими ответвлениями.

Пластик. Стекло. Металл. Белые халаты. Лица в масках. Знаки отличия, понятные только посвященным, – СБ, техники, прогеры, наверное, еще куча разных профи и спецов.

Череда палат, в которых проходят реабилитацию новые наемники, телохранители, виртуальные террористы…

Операционные, больше похожие на гигантские аквариумы с физраствором, в которых живут металлические спруты нанороботов.

Здесь только отделка и ремонт, учитывая специфику места, потянут на бешеную сумму.

И оборудование. На миллионы, на десятки миллионов. Возможно, на миллиарды.

– Святая святых, – говорит Джок. – Сердце «Такечи». Впечатляет?

– О, да, – кивает Стас, потом улыбается и поворачивается к нему. – Более чем. Вы все арестованы.

Теперь улыбается Джок, встречается взглядом…

Он еще не понимает, что происходит. Это кажется невероятным, глупым и даже смешным – ну что может сделать один мальчишка без имплантантов?

Наверное, это шутка. Неудачная шутка. Запястье со встроенным передатчиком тянется к губам…

Поздно… Первый удар ломает Джоку ключицу, второй – шею, а третий – превращает мозг в желе с кусочками черепа.

Успел ли Джок понять, что парень не шутит, что удары его ужасающе сильны и точны, что не надо было с ним связываться?

Не успел.

Рванулись к ним охранники клиники, бегут, выхватывая на ходу оружие… Стас видит. И принимает боевую стойку, готовясь к прыжку.

* * *

Шестьюдесятью метрами выше «Такечи», там, где недавно прошла кошка, двигалась фигура старика, в одежде, похоже, взятой с ближайшей свалки. Опираясь на кривую палку и шаркая ногами, он медленно тащился к развалинам. Красные прицельные точки весело резвились на его спине и затылке и замерли, когда он остановился.

Старик устало присел на металлический ящик и тяжело вздохнул.

Сбоку раздался шорох.

Старик обернулся. Из-за угла плавно выскользнули двое в «фирменной» одежде жителей Отстойника. С автоматами наперевес, на своей территории они двигались уверенно, как в столовую.

– Батя, доложись! – потребовал один.

Оружие обоих держало старика под прицелом, но тот и ухом не повел.

– Заблудился я, сынки, – обронил «батя». – Что это за место такое?

– А ты куда идешь? – спросил второй, придвинувшись почти вплотную. Первый тем временем закинул автомат за спину и вытащил из кармана портативный сканер. – Ты хоть знаешь, где ты сейчас?

– Все людские несчастья от технологий, – вздохнул старик, глядя на сканер. – Я вот раньше трахал всех без разбора, а теперь у меня без GSM-а не стоит. А знакомый поставил себе имплантанты, но это не вернуло ему молодость и не сделало его таким, как прежде. Люди «имплантируются», не думая, что с телом меняется и душа.

Старик говорил сам с собой, и тот, кто стоял перед ним, покрутил пальцем у виска, прежде чем повторил свой вопрос:

– Короче, слышь, ты куда идешь и что здесь делаешь?

Напарник уже направлял на старика сканер, набирая на миниатюрной матрице монитора команды.

– У тебя же тоже имплантанты, – продолжил старик. – И наверняка не лицензированные?

– Тебе-то что, батя? – хохотнул автоматчик. – Ты что, охотник за головами?

– За мудаками! – неожиданно сочным, отнюдь не старческим голосом произнес старик. – Вот появится такой мудак, как ты, решивший, что можно безнаказанно со стола печенье воровать, сразу звонят мне и говорят – так, мол, и так, надо спасти мир от мудака. И приходится спасать. Положи автомат на землю, и твои друзья, что целятся в меня, пусть сделают то же самое.

– Чего? – автоматчик едва не поперхнулся, услышав эти

слова.

Напарник с каменным лицом взирал на экран монитора.

Зеленый фон. Структурированная модель сканируемого. Темным цветом – органика, красным – биопластик. Светло-синим – разводка от процессора, управляющего всем, чем напичкано обследуемое тело.

У «старика» в буквальном смысле места живого не было. Все было слеплено из красного и голубого цветов. В такого обойму выпустишь – пофиг. Он за пару часов регенерирует и снова в строй. Уже не имп, а киборг.

Да и не старик он вовсе. Последняя модель перевоплота внезапно отключилась, с лица за секунду исчезли и морщины, и перекошенный рот. На автоматчика смотрел улыбающийся светловолосый кореец.

Смотрел ровно секунду. Собственно, это последнее, что видел бедняга, не успевший направить свое оружие на импа из корпорации. Ноги подкосились, и он свалился туда, где только что, под прицелом трех снайперов, сидел лжестарик.

Красные точки еще не метнулись за «стариком», и запоздалый выстрел снайпера пронзил мертвого автоматчика. А на земле уже оказался напарник, выронивший бесполезные останки портативного сканера.

Тень мелькнула вдоль стены недостроенного здания, чей-то короткий вскрик – еще один труп упал из окна-бойницы и, пролетев шесть метров, шмякнулся об асфальт. Ночное небо прорезали мощные лучи прожекторов на флаерах с эмблемами спецназа – округлые торпеды с тупорылыми носами бесшумными демонами кружили над развалинами. Там, где минуту назад не было ни души, появились люди в защитных комбезах. Сотни вооруженных людей, повинуясь приказам, тщательно прочесывали каждый метр центральной части Отстойника.

Пленных не брать. Стрелять на поражение.

Давно пора очистить этот гадюшник.

Зажигательные гранаты и мины-излучатели, летевшие во все люки и проломы, сделали свое дело.

Через какие-то пять – десять минут началась первая перестрелка; один из небольших прайдов, живущих под землей, попытался выбраться наружу и был полностью уничтожен.

Бой быстро переместился под землю, но и там шансов уцелеть от зашитых в броню штурмовиков из антитеррористических групп не было.

Подземный город, построенный в катакомбах канализаций, недостроенных станций метро и правительственных бомбоубежищ, метр за метром терял свою территорию.

Перед глазами Ти-Бона вращалось сразу несколько трехмерных карт коммуникаций. Ни одна из них не была достоверной, но тем не менее через полчаса бойни он с сопровождавшей группой вышел к месту, где еще совсем недавно беседовали Стас и Джок.

Там они были встречены шквальным огнем доброго десятка стволов, ополовинившим группу.

Спрятавшись за колонной, командир группы, нещадно матерясь и бешено сверкая белками глаз, распаковывал стимпакет.

Ти-Бон выглядел спокойным, даже улыбался.

Точными, выверенными движениями перезарядил оба «Шторма» и, поймав взгляд командира группы, подмигнул.

Тот не разделил радости корпоративного эсбэшника. Напыляя защитную пленку на раненое плечо, с ненавистью произнес:

– Для тебя это развлечение?

– Финансовые проблемы или физиологические? – осведомился Ти-Бон. – Не можешь поставить имплы? Чувствуешь себя ущербным? Понимаешь, что твое время уже прошло?

Имп лениво сделал несколько выстрелов из-за колонны и отпрянул.

– Комплекс неполноценности вызывает зависть к другим? – Ти-Бон поднял с земли кусок облицовки и двумя пальцами превратил в песок. – Хочешь так же? Хочешь видеть страх в глазах людей? Хочешь перестать бояться? Вижу – хочешь.

– Да пошел ты! – выругался командир.

В следующую секунду стальные клешни сдавили его лицо, вжимая голову в колонну, а голос яростно шептал в ухо:

– А быть изгоем среди людей хочешь? Чувствовать, что наполовину состоишь из железок, хочешь? А жить, зная, что сдохнешь через восемь–десять лет, хочешь?!

– Пошел ты… – хрипя, повторил командир.

Хватка ослабла. Прислонившись спиной к колонне, Ти-Бон осел на корточки. Тяжело дыша, командир опустился рядом:

– Там около десятка импов. Нужно подкрепление.

– Не нужно никакого подкрепления. – Ти-Бон снова улыбался. – Здесь нужен только я.

– Там «Ноа-Трекс». Твой человек сможет ее отключить?

– Там не мой человек. Там мой брат, – сказал Ти-Бон. – Сможет. Мой брат сможет всё. – Синхронно вращая в ладонях тяжелые «Штормы», прицелился в потолок сначала из одного, потом из другого.

Захохотал, а потом, неожиданно заулюлюкав, словно индеец

в прериях, выскочил наружу, поливая пространство огнем.

* * *

Неожиданно пошел дождь. Размывая по земле остатки крови, тяжелыми каплями гулко барабанил по лобовому стеклу двухместной спортивной машины, чудом проехавшей почти через весь Отстойник.

– «Один всего двумя живет, – напевал на мотив известной рекламы кореец и барабанил пальцами в такт по рулевому колесу. – Второй закончил свой полет. И третий, мульт, чей мозг умрет. И лишь один из них дойдет».

– Ты знаешь, кто он? – спросил Стас.

– Архивариус? Нет, не знаю, – ответил Ти-Бон. – Подозреваю, что он один из первых прототипов, не нуждающийся в кибернетическом фарше. Возможно, ошибку в кодинге приняли за употребление виртуального наркотика, а это всего лишь своеобразная обработка информации. Может, что-то еще серьезнее. В любом случае в ближайшее время он станет очень заметной фигурой. Подумать только, он был у нас в руках! Мы думали, что он всего лишь курьер «Такечи»…

– Мне надо уходить, – глухо произнес Стас.

Ти-Бон как будто не услышал или не понял его фразы.

– Посмотри! – кивнул. За окном работа шла полным ходом: на поверхность поднимали и грузили в машины большие ящики с оборудованием, пластиковые пакеты с телами. – Эта история обрастет легендами быстрее, чем о ней успеют сообщить в новостях третьего канала. На этой шумихе можно сделать имя. Стать заметной фигурой.

– Я в рекламе не нуждаюсь.

– Знаешь девиз «Московского комсомольца»? «Мы нуждаемся в тех, кто не нуждается в рекламе».

Здесь накрыли самую крупную подпольную клинику Европы. Крупнейшая антитеррористическая акция в мире за последний год. Неоценимые услуги оказала самая влиятельная корпорация России. Самая, самая, самая… Как там в рекламе кетчупа? «Надо только подать под правильным соусом».

– И что потом? Карьера убийцы в службе безопасности «Волхолланда»? Стереть свою память ради новой оперативной системы? Я не компьютер. Для меня я – это память о прошлом.

– Ты так и не стал Рипом, – произнес кореец. – А мне казалось, ты вошел во вкус. Помнишь, когда мы с тобой смотрели передачу про Лигу? Ты сказал тогда, что готов поставить

имплантанты, если это позволит добиться целей…

– Я до сих пор не знаю, как тебя назвать, – признался Стас. – Костя или Ти-Бон… братья мы или смертельные враги…

Кореец не ответил, и Стас, слушая его молчание, тяжело вздохнул.

Всего лишь несколько дней назад было совсем по-другому.

Всего лишь несколько дней назад ему предложили свободу, если он поможет выйти на клинику. Нет, не так. Он сказал, ты сам будешь решать, остаться с нами или уйти. Мешать тебе никто не будет. Когда Стас спросил, почему он должен ему верить, Ти-Бон все рассказал.

Всего лишь несколько дней назад Стас за полчаса узнал о возможностях современного брейн-программинга больше, чем за всю свою жизнь.

Всего лишь несколько дней назад Стас увидел своего брата… и потерял его навсегда.

Всего лишь несколько дней назад…

– Тебе не придется ставить имплантанты, – сказал кореец. – Рип – это новое поколение, которому не нужна механика. Ты смог справиться с заточкой и угрозой мозгового хаоса. Когда-нибудь найдут причину, почему не удается штамповать таких, как ты. Но пока ты будешь одним из первых. Тебе вернут твою же самую закладку, только в распакованном виде…

Закладку сняли около часа назад. В лаборатории «Такечи», только вместо японцев управились спецы корпорации. Времени уже совсем не оставалось, счет шел на часы.

Один из прогеров, участвовавших в снятии, сказал Стасу, что никогда не видел, чтобы закладка работала наравне с основной личностью.

Стасу было наплевать.

– Я не хочу, чтобы в моих мозгах копались. Не хочу работать на твоих хозяев. Не хочу быть первым в погоне за апгрейдом. У меня другие планы.

– Жаль.

– Что ухожу?

– Что ты не понимаешь, от чего отказываешься.

– От чужого в своей голове отказываюсь, – Стас постучал костяшками пальцев по голове. – Сначала плавающий линк, потом перепрошивка, потом вирусы и коллапс Гэнда… Ты хоть знаешь, сколько в тебе сейчас Кости, а сколько Ти-Бона? Стать другим человеком – для тебя ведь не фигурально, верно?

«У меня ведь нет никого, кроме тебя. Я все отдам ради нашего будущего…»

Верить или нет? Он сказал это, будучи таким, какой сейчас. С

другой стороны, спокойно использовал своего брата, добиваясь цели, которая, по его словам, должна вытолкнуть Стаса на самый верх.

Верить Косте или Ти-Бону?

Некоторое время молчали. Стас достал сигареты, Ти-Бон хотел было остановить, но передумал и, когда тот закурил, лишь включил вытяжку.

– Странно, да? – задумчиво спросил Стас. – Ты отказался от прошлого ради будущего, я же – наоборот.

– Ты всегда все так делал, – сказал Ти-Бон. – С самого детства.

– Ты говорил, что я смогу выбирать…

– Мне на самом деле очень жаль, что ты сделал именно такой выбор, но это твое право.

Ти-Бон вздохнул, потом взял с колен Стаса пачку сигарет.

– Ты же не куришь.

Ти-Бон не ответил. Затянулся, выпустил дым на стекло. Сизая струя быстро уплыла в вентиляционные отверстия. Пригладил волосы рукой – провел по ним ладонью, и они послушно легли, сменив ежик на менее хулиганскую прическу. Стас покосился на него:

– Кто тебе дизайн выбирал?

– Я сам.

– А не слишком ли запоминающаяся внешность?

– На это и был расчет, – улыбнулся Ти-Бон. – Мне сразу же перестали поручать черную работу. Сейчас это не разрешается, скины выбирают специальные люди, но если хочешь, я устрою, чтобы тебе разрешили выбрать любую внешность. Хоть моим близнецом.

– Ты сможешь сделать так, чтобы я не мелькал не только в новостях, но и в ваших отчетах? Чтобы исчез и все про меня забыли?

– «Шевелятся листья на ветру, тень отбрасывая в поле при луне. Ждут, когда же наконец-то я умру. Ждут, когда же все забудут обо мне», – тихо напел Ти-Бон. – Знаешь, что думает о нас Архивариус?

– Он знает? – удивился Стас.

– Мне кажется, он знает все. Даже для ИскИна он знает слишком много.

– И что он говорит?

– Тестирование двух чувств. Искусственная ненависть, взращенная между двумя ИскИнами, – и братская любовь, длившаяся больше двух десятков лет. Кто-то очень хотел выяснить, что сильнее.

– Забавная теория, – скептически заметил Стас. – Архивариус не сказал, кто проводил этот тест?

– Сказал. Мы.

– Мы?

– Я и ты. Вместе.

– Забавно, – повторил Стас. – Значит, пророки тоже ошибаются?

– Может быть, а может, и нет. Его слова в разное время суток имеют разный смысл, нельзя их воспринимать однозначно…

Стас уже больше ничего не хотел слышать про Архивариуса.

– Мне надо легализовать три миллиона евро.

– Откроешь новый счет, переведешь деньги и дашь мне номер перевода. – Опустив стекло, Ти-Бон выбросил окурок, окно закрывать не спешил. – Ты не считаешь меня братом, верно?

Брат. Что от него осталось, от Кости? В погоне за апгрейдом он потерял кое-что большее, чем деньги или независимость.

Может, лучше было не знать, что Костя стал таким? Думать, что он живет в Германии, что ему всегда можно позвонить, услышать доброе слово и не знать, что звонок переадресован, что его брат находится в нескольких километрах, да и не брат он уже.

Что бы ни говорили продавцы информации, иногда она бывает лишней.

Ладонь легла на кожаную обивку дверной ручки. Щелкнул замок, и дверца открылась. Не намного.

– Не прощаемся. – Стас подождал еще несколько секунд и распахнул дверь.

Безо всяких маскировочных штучек его тело словно растворилось в единственном неосвещенном кусочке участка радиусом в добрых пару километров.

Он смешается с толпой, и никто не обратит внимания на человека, который, не спеша и не прячась, пройдет мимо, словно призрак. Не смотреть в глаза, одних обходить со спины, других незаметно толкать, третьих не отвлекать. Его учили обходить «Нарайяну», а уж человеческие глаза обойти гораздо проще. Опросить потом всех, кто оказался на его пути, – будут помнить всё и всех, кроме одного-единственного человека.

Ти-Бон уже знал, что ждет Стаса дальше.

Скоро он будет в Европе. Или в Америке. Скорее всего, в Южной. Затеряется в какой-нибудь Чилийской курортной зоне, переждет некоторое время и вернется. Или не вернется. Если кто и может это знать, так только Архивариус.

Отдать наверх полный отчет… рассказать им про парня, который сохранил свою личность, отдав управление телом ИскИну без всякого мозгового хаоса… Это ведь настоящая

сенсация. Сделать на нем карьеру и, как говорил Джет, «получить еще более неограниченные возможности»…

О, да. Джет знал в этом толк. Бывший хакер становится руководителем Сетевой полиции, снова падает вниз, а потом получает боевую мощь, на тот момент ни с чем не сравнимую. Он умел подниматься до нереальных высот.

Или же забыть о нем… не было никакого Стаса Морозова. Был инкубатор с битой закладкой, которого использовали, как наживку… был – и нет его.

Чья-то тень опустилась на лицо Ти-Бона. Руководитель группы, что первой вошла в лабораторию клиники. Тот, с которым они вместе прятались заодной колонной.

– Где твой брат? – спросил он, наклоняясь к стеклу.

– Кто?

– Ну, человек твой. Который там был. У нас к нему несколько вопросов.

Ти-Бон что-то прошептал, и командир группы, не расслышав его, наклонился ниже, почти просунув голову в окно.

– «Мы ищем вопросы, мы знаем ответы, – шептали губы корейца. – Антракт. В три затяжки скурить сигарету…»

– Только что он сидел в твоей машине…

Закончить федерал не смог: жесткий кулак Ти-Бона уперся в его подбородок и прижал его голову к потолку салона.

– Ты веришь в Бога? – спросил Ти-Бон, глядя почему-то в сторону. – Наверное, веришь. Один поэт как-то сказал, что в окопах под огнем атеистов не бывает. Скажи мне, как ты считаешь, импы после смерти в ад попадают или в рай?

Тиски ослабли, но не настолько, чтобы федерал освободил голову.

– Священники говорят, что в ад. Но тем, кто торгует путевками на небеса, я не верю, – признался Ти-Бон. – Один из них сказал, что каждую ночь видит откровения Бога. Он предложил мне покаяться в грехах за три тысячи долларов. После того как я сломал ему два ребра, он готов был принять исповедь бесплатно. Сломанная рука подтвердила мое подозрение – он не видел никаких откровений, кроме глюков, вызванных мескалином.

– Я только…

– Ты употребляешь мескалин? – Ти-Бон повернулся и впервые за время их разговора посмотрел ему в глаза.

– Нет.

Давление кулака увеличилось.

– Не спеши с ответом. У тебя есть выбор. Ты. Употребляешь. Мескалин?

– Да, – прохрипел федерал, понимая всю бесплодность попыток убрать руку импа. – Да, употребляю.

– И только что глотнул пару таблеток, да? И тебе что-то привиделось, да? Какой-то брат… может, еще что-то. Это мескалин?

Пальцы немного надавили, глаза задернула пока еще серая пелена. Дышать и говорить стало проблемно.

– Да! Д-хр-а…

– Эко тебя шандарахнуло, Ванько! – Ти-Бон убрал кулак, и федерал поспешно отскочил от машины. – Ступай с богом, служивый, и не возвертайся боле.

Стекло медленно поползло вверх, зеркальное отражение скрыло водителя.

Заурчал мотор, машина мягко тронулась, выбирая более-менее чистый участок дороги. Приготовилась стартануть, но стекло вновь опустилось, и Ти-Бон бросил на прощание:

– У одного африканского племени есть табу – они не могут произносить за сутки более определенного количества звуков. Провинившемуся сыплют в рот раскаленные угли, пока тот не умирает.

В рамках борьбы с болтунами нам бы это пригодилось.

И машина, брызгая грязью, рванулась с места.

* * *

…Мотоцикл с ревом выскочил из-за поворота. Сидящий на нем развел руки с автоматами в стороны и открыл огонь по двум машинам Сетевой полиции.

Картинка замерла в тот момент, когда первые пули вылетели из стволов. Несколько крохотных свинцовых торпед повисли в воздухе. Казалось, толкни – и они упадут на землю.

За минуту до этого Ринат с рюкзаком выскочит из подъезда. В рюкзаке – рыжий кот и винт с исходниками программы.

Через минуту тяжело ранят Ворма.

За несколько часов до этого Ринат и его друзья взломают сервер «Волхолланда», чтобы скачать исходники.

Через несколько дней Ворма за убийство приговорят к пожизненному заключению в Райсе.

Все это было в прошлом. Но сейчас вернулось.

В виде короткой сцены интерактивного кино.

– Помнишь, как ты попросил Алису перевести ту историю в интерактив? Сначала ты, потом мы все… – Ворм вопросительно взглянул на Рината.

– Помню, – неохотно кивнул тот.

– Каждый хотя бы раз хотел изменить что-то и посмотреть концовку. При этом никто не говорил друг другу, что именно хотел бы поменять.

– Я помню, Ворм. Только какое это имеет отношение к тому, что нас поимели?

– Как-то она сказала мне, что сделает интерактив, но с одним условием: вот здесь меня не будет.

Исчез мотоцикл и сидящий на нем человек с автоматами. Исчезли пули, никто из сетевиков больше не поворачивался в сторону мотоцикла, все целились из своих пистолетов в молодого парня с рюкзаком за спиной.

– Ты хочешь показать мне концовку, которую сделала для тебя Алиса? – спросил Ринат.

– Она не сделала, – ответил Ворм и пояснил: – Я отказался.

– Почему?

Ворм пожал плечами:

– Не знаю. Прошлого все равно не изменить. Какая разница, что было.

Снова вернулся мотоциклист, снова автоматные пули, рвущиеся к цели, повисли в воздухе.

– Там, в Райсе, Салах-ад-Дин сказал мне, что на самом деле не важно, сколько раз убил. Переступаешь черту, а потом уже всё.

– Наверно, он прав, – глухо произнес Ринат. – Тогда они положили бы меня. Сейчас или чуть позже…

– Или бы не положили. Я никогда не узнаю об этом, потому что не хочу этого знать. Я сделал то, что сделал. Нельзя быть все время правильным.

Ринат долго молчал, глядя на пули, потом все же нарушил паузу:

– Джамба хочет получить свою долю, и его не волнует, что Стас всех кинул. Деньги были переведены, он ждал свою долю, а Стас обналичил сумму и ушел.

– Не обналичил. Легализовал и куда-то слил. Ему помогли, сам бы он не смог провернуть.

– Кореец! – воскликнул Ринат.

– Это его брат. Ну, или ИскИн, считающий Стаса своим братом.

– Офигенно. Ты можешь разрулить с Джамбой?

– Как? Я с ним не общался несколько лет.

– Ну, по старой дружбе. Он хочет с меня шестьсот тысяч евро получить. Откуда у меня столько денег?

– Алисе говорил?

– Конечно, а толку? Она твердит, что не вмешивается в мою

жизнь. Ворм, ты знаешь, кто такой Архивариус?

Ворм провел рукой по клавиатуре, и картинка реалвидео исчезла.

Зал для интерактивного кино был отделан не акустическими панелями, а обычной штукатуркой.

Времени на ремонт, как всегда, не хватало. В принципе не так уж и страшно.

Оборудование не самого последнего поколения, но тоже сгодится.

– ТуФед общался с ним несколько раз, – сказал Ворм. – Даже хотел прогу написать, чтобы переводить его чушь в нормальную речь. Но у него странный лексикон, каким-то образом привязанный к лунному календарю. В разное время суток его слова можно трактовать по-разному.

– И что?

– Ничего. Он выдает предсказания, которые можно понять только после того, как они сбудутся. Причем выдает их только тем, кому считает нужным.

Видимо, на лице у Рината было написано желание высказаться, потому что Ворм спросил:

– Ты знаешь про него что-то еще?

– Помнишь GameNet? Я играл там пророком и сочинял всякую ерунду. Четверостишия, которые ничего не значили, они были нужны для выполнения квестов. Архивариус повторяет эти четверостишия. Те, которые я когда-то сочинял. Как это объяснить?

Ворм засмеялся.

– Боюсь тебя разочаровать, но цитирует он не только тебя. Думаю, что это ИскИн, который должен был собирать и обрабатывать информацию. Он так и делал, пока не попробовал деструктивный софт. А теперь его ищут все кому не лень.

– За этим может стоять Алиса?

– Ну, уж во всяком случае, она знает гораздо больше, чем мы.

– Но никогда в этом не признается. Ворм, что мне делать с Джамбой?

– Застрелись.

– Я серьезно.

– Хорошо, я поговорю с ним. – Ворм поднялся с кресла, потянулся. – Слушай, я еще не отдуплился после того, как меня приняли, и спать зверски хочу.

– Федералы закрыли твое дело?

– Его даже не открывали.

– Значит, Алиса все-таки… – торжествующе начал Ринат, но Ворм махнул рукой.

– Алиса ни при чем. Джет меня вытащил, – подумал немного и добавил: – По старой памяти. У меня такое ощущение, что его роль в этой истории гораздо больше, чем кажется на самом деле. Но это все домыслы, ничем не подтвержденные. В холодильнике какая-то еда и пиво, спать будешь в зале. Спокойной ночи.

И вышел, оставив Рината наедине со своими размышлениями.

* * *

Примерно в тридцати километрах от двенадцатиэтажки, где проживал Ворм и гостил Ринат, в полумраке чилл-аута небольшого полулегального казино беседовали двое. Один – в капюшоне, из-под которого выглядывала только борода, второй – в мимикрическом плаще и с активированным перевоплотом, вообще был не заметен. Под потолком проплывали клубы дыма – то ли вентиляция не работала, то ли хозяин заведения считал это своеобразной концептуальной фишкой. Местным посетителям это было по фигу.

На сцене змеями извивались женщины-тату.

Тинейджер, с надетым на голову терновым венцом, читал какой-то остросоциальный рэп, щедро сдабривая его цитатами из Библии. Светящиеся неоновыми отливами официанты проскальзывали между ниш, обитых подушками, изредка заглядывая под пологи и предлагая утолить голод и жажду.

– Они хотят всего лишь пообщаться с тобой, – произнес перевоплот, вращая пальцами четки с бусинками в виде молекул ДНК. – Как угодно, даже через Сеть, даже в режиме офлайна. Им нужна информация. Много информации. Они готовы хорошо платить.

– Нищему меди отсыпь. Семь дней будет есть и пить. Но дай ему злата навалом. И сразу же станет мало.

Порой его странные аллегории выглядели очень забавно. Ти-Бон мог поклясться, что Архивариус не только понимает общепринятый язык, но и вполне может на нем разговаривать.

Впрочем, кому они нужны, клятвы ИскИна?

– К чему это ты сказал?

– Каждый должен знать то, что знает, убийца. Таков смысл.

С самой первой минуты общения Архивариус называл его убийцей. Причем вкладывал в это понятие нечто больше, чем «тот, кто убивает людей».

– Они готовы заплатить тебе. Или же оказать какие-то услуги. Подумай.

– Предложи мне больше того, что я хочу, убийца. –

Архивариус шумно вздохнул. – Сможешь потушить солнце одним плевком?

– Смогу. Я слышал про этот фокус со свечкой и переносом сознания.

– Тогда пусть птицы летают, как прежде. Будет только два пути, и выбирать будут твои хозяева.

Ти-Бон удовлетворенно кивнул. Удовлетворенно – потому что ему удалось договориться. Пусть еще не все улажено и обговорено, но Архивариус согласился… пусть не на сотрудничество, пусть это, так сказать, разовая сделка, но ведь согласился.

Впрочем, раз пророк пришел сюда, значит, уже заранее был согласен.

Им так и не удалось выяснить, откуда он взялся. Личность не установлена, те крохи информации вроде ДНК или отпечатков пальцев ничего не дали. Появился из ниоткуда несколько лет назад. Жил себе как добрый сумасшедший, пока не начал исполнять трюки, подобно сетевым оракулам и религиозным проповедникам.

– Тебя ищут какие-то сектанты… если тебе нужна помощь или прикрытие…

Не нужно ему никакого прикрытия. Он сам себе надежное прикрытие.

– Не беспокойся за них, наемник, их знаки уже начертаны в воздухе.

– Тобой?

– Они знают как, а я знаю когда. Надо только дождаться единения времени и пространства. А пока все в руках Бога.

– Ты веришь в Бога? – удивленно спросил Ти-Бон.

– Я верю Богу. – Архивариус поднялся с места, провел рукой по бороде. – Не спеши с делами, подумай сначала о словах. Потерял брата – нашел друга. Потерял друга – стал первым. Скоро все закончится.

– Как?

– Это не главное, убийца. Главное – знать почему.

– И ты знаешь?

– Я – сознательно допущенная ошибка, и у меня нет выбора. – Архивариус замолчал, к чему-то прислушался. – Не ищи ответы в начале, они всегда будут в конце.

Он отдернул полог, скрывающий нишу от посторонних взглядов.

– Архи! – окликнул его Ти-Бон. – ИскИны после смерти в рай попадают или в ад?

И добавил, видя, что Архивариус не готов к однозначному

ответу:

– Ты пробей там, наверху. Очень хочется узнать.

Архивариус задумался на несколько секунд и, не ответив, исчез.

* * *

– Блиц-опрос, проведенный нашими статистиками на улицах города, показал, что люди неоднозначно относятся к развитию нанотехнологий, в частности к повсеместному засилью так называемых импов. Наши эксперты оценили эту проблему как наиболее острую, и сейчас мы приводим результаты опроса, а вы можете связаться с нами в прямом эфире и высказать свою личную точку зрения. Итак, двадцать два процента признались, что их не интересует эта проблема. Шестнадцать процентов выбрали второй вариант ответа, сознавшись, что поставили или собираются поставить себе различного рода лицензированные имплантанты. Три процента оказались приверженцами неоалбанского стиля и ответили в соответствии со своими традициями. А теперь – внимание! Посмотрите на экран, наши дорогие зрители! Вы видите цифру пятьдесят восемь? Это именно те люди, которые негативно высказывались в отношении нанотехнологии как науки. Не переключайте ваш канал, потому что именно здесь и сейчас мы готовы выслушать в прямом эфире ваши мнения. И у нас первый человек, который уже хочет нам что-то сказать. Алло, говорите! Вы в прямом эфире!

– Вы свои проценты правильно посчитали?

– Да, конечно. А почему вы спрашиваете? Считаете нашу информацию неправильной?

– Калькулятор купи, дебил! Куда вы один процент…

– Звонок, к сожалению, оборвался, но на нашей линии новый участник дискуссии. Итак, кто вы и откуда?

– Превед учаснегам! Аффтар, убей сибя ап…

– К сожалению, наш второй уча… звонивший, так же выпал из эфира…

Бьянка снова была со своим вероятным продюсером. На этот раз его правая рука покоилась в шинах, что не мешало левой ловко орудовать палочками. Суши – соевый соус – имбирь, суши – соевый соус – имбирь. И что-то объясняет Бьянке, а та слушает и старательно изображает на своем лице целую гамму эмоций.

Впервые за весь вечер на ее лице появилось настоящее, искреннее удивление, когда стул отодвинулся и к ним за стол уселся Стас.

Продюсер поперхнулся и перестал жевать.

А Бьянка смотрела на Стаса и не могла понять, что произошло. Он стал другим – это точно, – но что в нем изменилось, она сказать не могла.

– Как рука? – как ни в чем не бывало поинтересовался Стас.

– Все в порядке, – кивнула недавняя жертва. – А ты…

– Дай нам пару минут поговорить, – попросил Стас, глядя ему в глаза. – Плиз.

Бьянка начала было подниматься, но продюсер жестом усадил ее обратно и поднялся сам.

– Я как раз хотел сходить… туда.

Вышел из-за стола и спокойным шагом направился в сторону туалетной комнаты.

Стас посмотрел на Бьянку.

– Ты поставил себе имплантанты? – спросила та.

Парень покачал головой:

– Нет.

– Сергей сказал, что у тебя стоят имплантанты, поэтому ты…

– Уже ничего нет, – сказал Стас. – Это было что-то вроде эксперимента, но все закончилось. Я снова обычный человек, ничем не отличаюсь от тебя… или Сергея. Он твой друг?

Последний вопрос Бьянка проигнорировала.

– Зачем ты пришел?

– Мне надо уезжать.

– Куда?

Стас не ответил. Налил в бокал минеральной воды, сделал небольшой глоток и посмотрел Бьянке в глаза.

– Поехали со мной.

– Куда?

– Куда-нибудь. Куда хочешь. У меня есть деньги, немного, но на первое время хватит, – с жаром начал говорить Стас. – Уедем отсюда, будем вместе…

– Остановись! – прервала его Бьянка. – Я не хочу никуда ехать, Стас. То, что было… – Она запнулась. – То, что было между нами тогда, в клубе, не означает, что я…

– Я просто хочу, чтобы ты была рядом.

– А что хочу я, тебя не интересует?

– А что ты хочешь?

Теперь Бьянка не стала отвечать на вопрос. Вытащила из пачки длинную тонкую сигарету, закурила и отвернулась в сторону.

– Бьянка…

– Уезжай, Стас.

Зачем он сюда пришел? Все и так ясно, было ясно еще давно.

Надежда умирает последней? Вот она и сдохла здесь, прямо за этим столом.

Парень резким движением поднялся, двинул стул в сторону. Бьянка вздрогнула, но даже не повернулась.

– Ладно, – хрипло сказал Стас. – Тогда пока… и удачи тебе.

– Тебе тоже удачи. – Она все еще смотрела в сторону.

Все стало предельно ясно и понятно, прокатилась волна спокойствия и сменилась какой-то холодной радостью. Словно он ждал именно такого ответа, хотел услышать именно эти слова.

Он хотел еще что-то добавить, но вдруг почувствовал невероятное облегчение. Почувствовал ощущение свободы и чуть было не засмеялся Бьянке в лицо. Сдержался, молча повернулся и пошел в сторону выхода, даже себе не признаваясь в том, что где-то в глубине души все-таки ждет, что она его окликнет. Ждет – уже не для того, чтобы повернуться, а для того, чтобы не обратить на ее оклик никакого внимания и выйти победителем.

Не окликнула.

Возле выхода заметил Сергея-гея – тот, завидев Стаса, подозрительно резво юркнул за перегородку, разделявшую залы.

Сразу же возникло чувство тревоги. Обратил внимание на местных охранников-вышибал, внимательно следящих за ним, обратил внимание на администратора, держащего руку за пазухой; дверь открылась, и в холл заведения не вошли, а ворвались четверо, и у Стаса, встретившегося с одним из них взглядом, уже не оставалось никаких сомнений – пришли за ним.

Пару дней назад Стас не стал бы убегать. Пошел бы навстречу, а потом вышел бы из ресторана, оставив за собой несколько трупов. Но закладки, этого ключика, открывающего потайную дверцу сверхвозможностей, уже нет, и бежать в подобной ситуации не зазорно, а вполне разумно.

Развернулся, чтобы идти назад, и уперся в стенку из трех охранников.

У одного в руках сканер. Направленный на Стаса. И лицо – презрительное.

– Нет на нем имплов. Чистый как слеза. Я же говорю, мимо нас и муха…

– В чем дело? – спросил Стас.

– С тобой поговорить хотят, – равнодушно произнес второй и, протянув руку, положил на плечо парня. – Не уходи, посиди пока. Минералка за счет заведения.

– Я спешу, – резко ответил Стас, высвобождаясь от хватки. – Как-нибудь в другой раз.

В бок уперся наконечник шокера.

– Я пришлю тебе еще порцию соевого соуса, о'кей?

В такие моменты больше всего ощущается нехватка имплантантов или ИскИна, превращающего человеческое тело не просто в боевую единицу, а в практически неуязвимый организм.

К чему рассуждать о том, чего нет.

– Кто хочет со мной поговорить?

– Давай, топай, – не сильно, но ощутимо подтолкнули его.

Он еще успел посмотреть на Бьянку. Та смотрела, широко открыв глаза. То ли в них действительно была тревога, то ли Стас сам захотел ее увидеть – но с места она не встала, просто смотрела, как его уводят в одно из служебных помещений ресторана.

Его посадили за круглый стол. Поставили стакан с водой. Про соус, правда, забыли.

Тот, что был со сканером, посоветовал ему не выделываться и ушел.

Стас просидел за столом минут пятнадцать.

В полной тишине, под неусыпным наблюдением двух охранников.

Потом дверь открылась. Стас повернулся.

На пороге стояли три священника. По крайней мере, судя по одежде. Охранники при виде их склонили головы. На что гости не обратили никакого внимания.

Все трое посмотрели на Стаса, один перекрестил его и достал инъектор.

– Это что? – непонимающе прищурился Стас.

– «И сказал он, пойдешь со мной, человече, ибо Отец мой говорить с тобой хочет», – нараспев процитировал священник, подходя ближе и щелкая предохранителем инъектора.

Изловчившись, Стас выбил его из руки противника, и инъектор, пролетев несколько метров, с глухим стуком упал на пол. В ту же секунду у него самого в голове от затылка до кончика носа будто жахнуло осколочной гранатой.

Стас врезался в стол, а охранник, стоящий сзади, поправил синтетическую кожу на вживленном в костяшки кастете, схватил парня за волосы и притянул к себе удушающим приемом.

– Вот так мои усилители е**т твои мышцы, – громко прошипел ему в ухо, сдавливая горло.

– «Будут противиться грешники, ибо не ведают, что творят», – продолжая напевать, священник подобрал инъектор.

Игла уже находилась в нескольких сантиметрах от шеи. Скосив глаза, Стас видел, как вращаются мельчайшие валики, перемещая по кругу едва заметную иглу, видел палец, уже почти надавивший на спусковую кнопку.

Дверь открылась, и рука с инъектором замерла.

Стас бросил затравленный взгляд на вход.

Ти-Бон. В очках. С новой прической. Все та же безукоризненная симметрия в одежде. И улыбка на лице.

– «И тогда девочка попросила сказочника не убивать главного героя, – процитировал он, заходя в комнату и закрывая за собой дверь. – А сказочник не мог ей отказать, потому что это было третье и последнее желание девочки».

– Ты кто такой? – спросил охранник и, отпустив Стаса, шагнул к нему. Сбоку придвинулся его напарник.

– Обычно при таких вопросах я отвечаю словами Гёте, но, боюсь, ты не поймешь тот глубокий смысл, который в них вложен. Стас, поднимайся и уходи.

– Он отправляется с нами, – произнес священник с инъектором. – А ты лучше уходи, странник.

– Отец Захарий, если не ошибаюсь? Макс Давидян, Зурик Карапетов, как там тебя еще? Вашего верховного клоуна уже предупредили о том, что вы часто стали совать нос не в свои дела. Стас?

Парень стал приподниматься. Священник двинул рукой.

Реакции Стаса и его силы не хватило, чтобы уйти от инъектора во второй раз. Реакции и силы Ти-Бона – да, но он не шевельнулся.

Игла ткнулась в шею, пульсаторы определили угол наклона иглы, и Стас почувствовал укол, сопровождавшийся мягким шипением.

Синтетическая дрянь, которую ему вкололи, стала действовать почти мгновенно. Ноги подкосились – успел подумать, мол, хорошо, что сзади есть стул, на который можно присесть. Голова закружилась, Ти-Бон превратился в сумрачное пятно, медленно двинувшееся в сторону охранника… потом его напарника… священники… потолок ярко-коричневый и становится грязно-синим… хотя не «хамелеон»… Белая спортивная машина… именнуха… потолок из натуральной кожи, обшитой бриллиантами… храм Аграбы, Марианская впадина, космическая станция, арена Колизея… До боли знакомый Костин голос напевает:

– «…Спи, я завтра зайду за тобою первым лучом…»

Не может быть такого. Костя мертв. Может быть потолок-хамелеон, могут быть бриллианты на потолке и львы Колизея, но Кости уже нет.

– «…уже никогда, никогда не увижу…»

Куда его везут? Зачем? Что он хочет, этот чертов кореец? Еще одно тест-сканирование мозга? Или корректировка?

Плывет все. Слезы на глазах, а зрачки сухие и горят огнем.

– «…такая любовь убьет мир…»

Знакомое место. Это не Гарлем и не Маленький Китай, это что-то, где он часто бывал когда-то. Но где это? Что это за небоскреб с вогнутыми стенами?

И почему здание шатается на ветру?

Лифт. Он поднимался на нем когда-то.

Этаж. Двери. Здесь живет кто-то, кого он хорошо знает.

Дверь открывается. На пороге Дашка. Смотрит на Ти-Бона, на висящее у него на руке тело Стаса, потом молча делает шаг назад, освободив проход.

Коридор как пропасть. Кто-то невидимый щелкает выключателем – и все проваливается в пустоту.

* * *

– «Дай зрячему прозреть и слух глухому. Ну и меня, конечно, не забудь…» В восемнадцатом веке поэты не очень жаловали скромность и смирение.

Смутно знакомый голос доносился сквозь вязкую пелену, но его хотя бы было слышно. Ощущение – словно вечность провел в вакууме и еще не полностью из него выбрался. Сильнодействующий релаксант с целым букетом побочных явлений либо психотроп с вирусными генами.

Прийти в себя, оценить обстановку, потом действовать.

А голос определенно знаком.

Ти-Бон.

Но есть кто-то еще.

Глаза Стас не открывал. Постарался, чтобы дыхание не сбилось, лежал в буквальном смысле неподвижной статуей.

– Почему ты не хочешь рассказать, что происходит на самом деле?

Дашка. Сидит справа, метрах в трех. Голос отражается от стены, значит, сидит спиной к нему.

Смотрит на Ти-Бона.

– Потому что я не знаю. Что происходит, и происходит ли это вообще… и важно ли это на самом деле?

– Когда Стас очнется…

– Он уйдет. И не станет ничего рассказывать. Не потому, что он тебе не доверяет, а потому, что знает правила.

– Что значит – уйдет? – Дашкин голос меняется, в нем неуверенность и подозрение. – Навсегда?

– Не совсем. Думаю, он вернется через два-три года. Он сам принял такое решение, – торопливо добавил Ти-Бон, видимо

посмотрев на Дашку.

– И ты тоже ничего мне не расскажешь?

– Расскажу. Когда-нибудь, но только не сейчас.

Чиркнула зажигалка, почти сразу же Стас почувствовал запах легкого ароматизированного табака. Дашка.

– Ты точно уверен, что врач не нужен?

– Уверен. Он уже давно очнулся и слушает нас. Тасик! Ты с нами?

Дальше притворяться смысла нет. Стас открыл глаза, присел на кровати, подтянув ноги. Посмотрел на Ти-Бона, потом на Дашку; та кивнула ему и затянулась.

– У меня тоже есть пара вопросов, – буркнул Стас, пристально глядя в глаза корейцу-«брату». – Точнее – один: какого хера?

– Даш, дашь поговорить? – Ти-Бон не отвел взгляда, смотрел ровно, демонстрируя великолепную выдержку ИскИна.

Дашка несколько секунд колебалась, потом поднялась и молча спокойно вышла из комнаты.

– Ну и? – спросил Стас. – Кто эти монахи?

– Ты связан со смертью сына их предводителя. Боюсь, они хотят устроить тебе неприятности.

– Эрик?

– Его собирались представлять как нового мессию, и для верующих будет плохим примером то, что Господь не покарал убийц своего сына.

– А ты там оказался случайно, да? – с сарказмом произнес Стас.

– Не случайно, – ничуть не смутившись, признался Ти-Бон. – Я ждал этого.

– Зачем?

– Хотел кое-что проверить.

– Что именно?

Улыбнувшись, Ти-Бон постучал себя по голове, ответив:

– Не осталось ли у тебя там чего-нибудь противозаконного. Я не силен в брейн-программинге, но прекрасно знаком с жаждой любого ИскИна к самокопированию личности.

Понятно. Проверку устроил – как будет вести себя Стас в условиях, угрожающих жизни. Чье будет выявлено поведение – беспомощного человека или боевого ИскИна.

Интересно, как повел бы себя Ти-Бон, окажись Стас под воздействием своей бывшей закладки? Попытался бы захватить его и отправить спецам? Ликвидировал бы? Или отпустил?

– Убедился?

– Вполне. Ты даже пульс свой разучился контролировать. Тебе надо срочно поставить «Девелопер» или другой

развивающий софт, если не хочешь раньше времени умереть от сердечной недостаточности.

– При чем здесь Дашка? Зачем ты притащил меня сюда? Какого черта?! – Стас вскочил с кровати. – В какую игру ты опять играешь? Снова решил отомстить за «Катрин»? За стертую какойто программой твою любимую игрушку? Но я не программа, а она не игрушка! Не трогай ее! Слышишь?!

Он негодовал громким шепотом, размахивая руками и стоя перед корейцем. Тот смотрел в сторону, а когда Стас закончил, тяжело вздохнул:

– Жалко, что ты не Рип. Действительно жалко. Ты ничего не понял и вряд ли уже поймешь.

– Дашка…

– Она не Катрин, и я это понимаю. Я могу пообещать тебе, что ей ничто не угрожает. Успокойся.

Стас внезапно успокоился, присел на краешек стола.

– Я стер твою инфу из базы, – произнес кореец, присаживаясь рядом. – В любой миграционной службе Европы зарегистрируешься заново, потом поменяешь статус. Тебе это обойдется тысяч в пятнадцать–двадцать, как договоришься. Постарайся, пока не пройдешь регистрацию, не светиться.

Это был хороший бонус. Цена за удаление или чистку инфы – от ста штук и до бесконечности, в зависимости от внимания к персоне.

– Я отвезу тебя в Маленький Китай, и там мы расстанемся. Найдешь тонг Ван Фата, они доставят тебя в любую точку мира.

– Очередная твоя проверка? А если я захочу уйти сам? Это будет поступок Рипа или Стаса?

– Извини, но это будет поступок идиота. Тебя ищет полгорода – Джамба обещал половину тому, кто приведет тебя к нему, а люди Учителя тупо хотят тебя убить. Не забывай, кто ты уже. – Он специально подчеркнул «уже», и лицо Стаса непроизвольно дрогнуло. – Насчет твоего выбора… ты можешь даже открыть окно и прыгнуть вниз, – добавил Ти-Бон. – Только постарайся не падать на мою машину.

Кореец встал, щелкнул замком и приоткрыл окно. В комнату сразу же ворвался сырой вечерний воздух.

– Использовать мою помощь или нет – решать тебе. Потом. А сейчас иди к Дашке и расскажи ей сказку о том, что уезжаешь на заработки в Европу, но скоро вернешься, а пока будешь писать ей письма и слать открытки с видами.

Стас долго молчал, а потом рассмеялся:

– Черт, я понял! Ты притащил меня сюда специально, чтобы я это ей сказал. Чтобы она не подумала, что ты убил меня.

Шагнул к двери, а когда уже выходил из комнаты, в спину ему донеслось:

– Жаль, что ты не Рип.

Отвечать Стас не стал.

Дашка сидела на кухне. Смотрела телевизор с чашкой в руке, забравшись на диван и укутавшись пледом. Хотя нет, не так. Не смотрела телевизор, смотрела на телевизор. А когда Стас вошел, повернулась к нему и посмотрела выжидающе.

Взяв с полки пепельницу, Стас сел напротив.

Щелкнул зажигалкой.

– Где Костя? – спросила Дашка, и Стас вздрогнул.

А через секунду понял – она ведь не знает, почему этого корейца зовут Костя. Для нее это человек с таким же именем, как брат Стаса, – но не его брат.

Махнул рукой в сторону комнаты.

– Ты расскажешь мне, что происходит? – задала новый вопрос Дашка.

Она ведь не маленькая девочка, должна понимать, что означает татуировка на запястье корейца.

Татуировка, которую почти невозможно подделать и почти невозможно удалить. Машина с внутренними номерами «Волхолланда», оружие, имплантанты… хотя последнее не так бросается в глаза, но все же.

Чего он ждет, Костя-Ти-Бон? Что Стас все расскажет и эта квартира утонет в крови? Что Стас промолчит и исчезнет навсегда? А может быть, и не важно, расскажет что-то Стас или нет, может, исход событий уже предопределен?

В голове не все прояснилось после синтетики, вколотой священником, и вдобавок хотелось спать.

– Я уезжаю, – сказал Стас.

– Куда?

– Попутешествовать. Заработал немного денег и хочу прокатиться по Европе.

По лицу ее было видно, что она не верит ни единому слову. Но спорить не стала, приняла ответ.

– Ты его давно знаешь? – спросила, тоже закуривая сигарету.

Как ни старалась, а голос дрогнул. Не просто так интересуется, для нее важен ответ… возможно, на этот вопрос она больше всего хочет получить ответ.

Стас пожал плечами:

– Да наверное… уже несколько лет.

Что ей еще сказать? Что это ИскИн, занявший тело его брата, наемный убийца и все такое? Что сейчас происходит еще один тест, проверка поведения Стаса и от его ответа зависит жизнь

всех в этой квартире?

Попытаться предупредить ее и тем самым показать, что она не безразлична Стасу? Этого добивается наемник? Или же наоборот?

Как в этой ситуации поступит Стас? Как в этой ситуации поступит Рип?

– Я почему тебя спрашиваю… мы с ним познакомились, когда он искал тебя, и как-то так получилось…

Ее чуть глуповатая, наивная улыбка рассказала больше, чем любые слова, которые она произнесла или могла произнести.

– Кате он понравился. Играет с ней вместе… в общем я…

Не сразу придав значения словам, Стас с нескрываемым удивлением посмотрел на нее:

– Играет? Он? С малой?

– Слышишь?

Стас прислушался; из глубины квартиры долетали какие-то странные звуки.

– Что это?

Она снова улыбнулась, на этот раз почему-то виновато, потом встала и поманила его за собой.

Мимо Дашкиной комнаты прошли в зал. Ти-Бон стоял на коленях и пытался изобразить какое-то грозное чудовище. Малая старательно науськивала на него Филиппонтия, электронный пес лаял и даже делал вид, что кусается.

– Ты должен бояться, иначе я так не играю! – кричала Катя, и Ти-Бон послушно изображал на своем лице страх и панику. Получалось крайне непохоже, но правила игры соблюдались.

Заметив Стаса и Дашку, Ти-Бон поднялся. Проследил за взглядом Стаса – тот смотрел на татуировку «Сантаны», – потом улыбнулся.

– В детство хочется вернуться тогда, когда понимаешь, что его уже не вернуть. Тасик, ты когда-нибудь хотел вернуться в то время, когда тебе было семь лет?

«Откуда тебе знать, что у меня было в семь лет?» – вертелась колкость на языке, но Стас сдержался. И лишь спросил:

– Отвезешь меня в Маленький Китай?

Через час, когда спортивная машина припарковалась у здания «Дракона-18», Ти-Бон щелкнул переключателем – ящик бардачка лениво выполз вперед, кореец достал оттуда лэптоп в новеньком кожаном чехле и бросил его на колени Стаса.

– Там твои наработки… сны… может, пригодятся, – сказал кореец, глядя вперед.

Парень провел рукой по гладкой коже.

– Может, и пригодятся.

– Книгу напишешь.

– Может, и напишу.

Стас вышел из машины, но закрывать дверцу не спешил. Нагнулся и сказал:

– Спасибо… Кость…

Ти-Бон кивнул. Стас ждал еще что-то, колебался, потом в глазах мелькнула искорка, и он произнес:

– Конь бэ три. Пат. Ты же этого ждал?

Подождал секунду, вглядываясь в лицо Ти-Бона, потом захлопнул дверцу и растворился в толпе. Кореец посмотрел вперед, потом откинулся на спинку сиденья и рассмеялся:

– «И, закричав: „Пора мне на покой!“, – закончил партию предложенной ничьей». – Подбросил в руке четки, превратившиеся в маленькие пирамидки, потом тронул джойстик, выворачивая колеса белой спортивной машины.

Он ехал домой.

* * *

– Насрать на твои слова. Насрать на все твои версии и предположения. Ты жив только потому, что я хочу знать. Где. Мои. Деньги.

Когда в грудь направлено дуло пистолета, которым поигрывает Джамба, крутя его в ладони, ощущение не самое приятное.

Ворм не разрулил.

Двадцать первый век. Люди покоряют планеты, опускаются в глубины земных недр и делают грандиозные открытия. В войнах ежедневно гибнут тысячи человек, но в целом рождаемость гораздо выше смертности. Синтетическая нефть, разорившая сотни топливных корпораций, спасла мир от энергетического кризиса. Японские автогиганты заключили контракт с «Юнайтед норд моторс». В российском футболе впервые за всю его историю футбольная команда принесла прибыль своим инвесторам.

А здесь никого не интересуют достижения человека в космосе и цены на мировых рынках. Здесь всем наплевать на то, что ВВП Китая растет в геометрической прогрессии, а новые разработки генетиков позволяют победить многие болезни еще до того, как они проявят себя. Газ все равно подорожает, сколько бы ни заработала владельцам дорогая игрушка по имени «Зенит». Всегда мало.

Дорожать будет все.

Поэтому нужны деньги.

Джамбу и его нескольких подручных интересовали какие-то жалкие шестьсот тысяч евро, которые они желали получить немедленно и наличкой.

– Я найду его, и ты получишь все, что тебе причитается.

– Не могу понять, кто из нас идиот. Скорее всего, мы оба. – Джамба поднялся, вышел из-за стола. – Я – потому что слушаю тебя. И ты – потому что думаешь, будто я приму твою ахинею. Деньги, Ринат. Те деньги, которые мне должен ты, а не ИскИн, обезвредивший «Такечи апгрейд». Как я смогу их получить?

– Можно позвонить? – холодно спросил Ринат.

Ноль. Ноль. Ноль. Вызов.

Короткие гудки. Считалось, что этим Алиса демонстрировала свою занятость.

Знает ведь, что происходит. Но вмешиваться не станет.

Ну и черт с ней.

– У меня нет сейчас столько денег. Есть система для интерактивного кино, если хочешь, могу тебе отдать ее…

– Мне не нужны никакие системы! – перебил его Джамба. – Только деньги. Здесь и сейчас.

– Я тебе что, блядь, фокусник?! – воскликнул Ринат. – Где я тебе деньги сейчас достану?

– А ты стань фокусником, Ринат. – Джамба склонился над ним, прижал к его горлу пистолет. – Ты придумай, как отдать мне деньги, не покидая этих стен, потому что иначе я прострелю тебе ногу, потом руку, а потом твою тупую башку.

Он знает. Знает о том, что Алиса больше не прикрывает Рината, поэтому и ведет себя так. Нечего ему бояться.

– Дай мне пару дней, и я отдам тебе деньги, о'кей? Всего лишь…

– Я дам тебе две минуты, о'кей? Если за это время ты не сможешь убедить меня в том, что сегодня я получу свои деньги, я выбью тебе все зубы рукояткой пистолета. Действуй.

И перехватил пистолет за ствол.

Телефон.

Двойка в памяти.

– Ворм! Я сейчас у Джамбы. Слушай, у меня проблемы.

– Аха. Надо было уезжать…

Надо было. Джамба был очень недоволен, узнав, что Рината выловили на вокзале. За пятнадцать минут до отхода поезда.

– Мне надо шестьсот тысяч евро. Отдам через неделю.

– Угу. Что-нибудь придумаю.

– Наличными и прямо сейчас.

Слышно было, как Ворм озадаченно крякнул.

– Прямо сейчас?

– Вормыч, у меня пушка возле головы.

– Дай Джамбе трубку.

Ринат отдал телефон Джамбе, тот отошел в сторону, о чем-то тихо говорил около минуты, потом вернулся и сообщил:

– Сказал, что ему нужно два часа. Можешь пока рассказать что-нибудь интересное.

Ворм сказал, что достанет деньги, значит, он их достанет. Но почему Джамба так торопится получить их? Странно ведет себя…

– Не думал, что ты так поступишь, – упрекнул его Ринат. – Ты же знаешь, что у меня из-за этого еще большие проблемы, чем у тебя.

– Конечно, знаю. Твоя электронная подружка забила на тебя болт. Рано или поздно тебя возьмут за жопу, и тогда я уже точно ничего не получу. От тебя всегда были одни неприятности, так хоть раз принесешь какую-то пользу.

Джамба шагнул к двери.

– Я вернусь через два часа. Будешь делать глупости, тебе что-нибудь сломают.

И вышел.

Через пятнадцать минут на связь выполз Гражданин России.

– Хай. Как сам? В Москве?

– Угу, – мрачно отозвался Ринат.

– Ворм сказал, что тебе деньги нужны.

Ну какого черта надо было звонить Илюхе?! Больше негде взять?

– Нужны по мелочи.

– Прикольная у тебя мелочь. Я скинул ему сто двадцать, если надо, еще могу тысяч пять наскрести. Шестьсот тысяч извини, не наскребу.

– Спасибо, – невесело откликнулся Ринат. – Верну.

– Когда мы пересечемся?

Пересечемся? Свалить бы отсюда побыстрее в свое тихое болотце.

– Я пока не знаю. Я деньги через неделю примерно…

– А когда знать будешь? Сегодня никак?

Ринат покосился на трех вооруженных парней.

– Нет, сегодня никак.

Мессага от Лилу: «ты в мск?»

Без смайликов, без заглавных букв и с сокращениями. Скрытый смысл этого «я обиделась, потому что ты приехал и не говоришь».

Выбрал из меню ее номер, вызвал соединение.

– Алло!

– Привет! Ты в Москве?

– Не, я сейчас в Ташкенте, привез сюда партию ставропольских дынь, думаю выгодно продать.

– А, ну ладно тогда. Хорошей торговли.

И тишина. Еще несколько секунд – и она отключится. А пока что безмолвный поединок – найдется что сказать или нет.

Кажется, к шуткам она не расположена.

Впрочем, у Рината тоже не совсем подходящие условия для веселья.

– Я в Москве, просто у меня тут…

– Давно приехал?

Вроде как спрашивает с интересом, но холодно.

Понятно, к чему ведет.

– Пару дней назад. У меня тут просто кое-какие дела…

– И тебе срочно нужны деньги. Извини, что отвлекла тебя от дел.

– Ты не отвлекла…

– Звони, как освободишься.

Чуть было не спросил зачем.

– Тань, правда, я тут немного был занят, небольшие проблемы…

– Да все нормально. – Таким голосом, что сразу понятно, что все не нормально. – Ты потом сразу уедешь или останешься?

Уеду. Сразу же.

Останусь. Надолго.

Навсегда.

На второй линии Ворм. Пытается пробиться, но переключись на него именно сейчас – и она больше не станет разговаривать.

– Останусь. Конечно же, останусь.

– Ну тогда если захочешь, позвонишь. Полный бак, пожалуйста. Это не тебе. Все, пока.

И отсоединилась, даже не дослушав, что он ответит.

Обиделась. Стопудово. Наверное, знает про имплантант, но говорить не стала, решила оставить на следующий разговор.

Переключение на другую линию.

Ворм.

– Алло.

– Я скоро буду. Ты как там?

Достал. Собрал деньги буквально за полчаса.

Успел их обналичить. И уже везет.

– В поряде. Вормыч, спасибо…

– Аха. С тебя поляна. Все, давай.

А через несколько минут пришла еще одна мессага от Лилу:

«Хорошо, что приехал».

И смайлик довольный.

Снова ничего не понятно.

Почти через час Ворм и Джамба вошли в комнату.

Ринат при их виде поднялся.

– Ну вот, собственно, и все, – сказал Джамба. – Цикл закончен, пора по местам. Победителям выдан похвальный лист.

– Я могу идти? – спросил Ринат.

– Ты выполнил свою часть договора. Так сказать, сыграл по правилам, и рассчитываешь на то, что твои оппоненты так же соблюдают их. Как ты думаешь, я смогу нарушить их в отношении тебя?

– Джамба… – Ворм шагнул вперед.

– Тихо, брат, не лезь! – оборвал Ворма негр. – Я не закончил. Итак, парень, скажи, стоит ли мне отпускать тебя? Что будет дальше? Оттопыренный средний палец и ослепительная блондинка в финале? Хочется счастливого финала?

– Я не понимаю, почему ты… – хрипло начал Ринат.

– Все ты понимаешь. Это вот он пока не понимает. – Джамба кивнул на Ворма. – Но не ты. Помнишь, что говорил Джет? Не каждому в конце пути светит хеппи-энд. Рест ин пис, дружок!

– И что это значит?

Пистолет в ладонь Джамбы скользнул из рукава.

Рука вскинулась, ствол оказался почти прижатым к голове Рината. Палец нажал на спусковой крючок. Конус наконечника пули, едва показавшись из ствола, замер. Остановился Джамба; замерли 3D-фотографиями Ринат и Ворм; так и не долетев до пола, застыл в воздухе пепел, слетевший с сигареты одного из охранников.

На этот раз голос Рината прозвучал откуда-то сбоку.

– Это типа конец фильма?

– Это типа конец твоей сюжетной линии.

Исчезла комната в одном из домов Гарлема. Исчезли все персонажи. Исчезли лучи проекторов, оставив после себя виртуальное пространство для интерактивного кино. Волшебник взмахнул палочкой – и наступила пустота.

Зал для интерактива. Похуже, чем дома, но тоже нормальный. Развалившись в кресле перед пультом, Ринат громко крикнул вверх:

– Не похоже на хеппи-энд!

– Смотря что ты подразумеваешь под счастливым концом.

– Это когда главный герой хотя бы остается жив, а не погибает от пули спятившего негра.

– Не хотела тебя расстраивать. Но ты не главный герой в этой истории. И никогда им не был.

* * *

«Но ты не главный герой в этой истории…»

Звучало оскорбительно. Алиса уже давно научилась имитировать в голосе нужные интонации и, кажется, получала от этого огромное удовольствие.

Это было ее идеей – переложить реальные события в интерактив и показать наиболее вероятное развитие будущего. Ошибкой Рината было то, что он согласился участвовать в этом эксперименте.

Купился на то, что Алиса обещала только правдивую историю и счастливый конец. Когда Ринат обвинил ее во лжи, она ответила, что Ринат ничего не понял.

Все он понял.

Поставишь имплантанты – получишь пулю. Не будешь играть по правилам – проиграешь.

– Мне кажется, ты кое-что забыла, – с раздражением сказал Ринат. – Люди не будут поступать так, как ты хочешь.

– Достаточно знать, как они будут поступать.

– Ты не можешь этого просчитать! Сама же говорила так!

Это было правдой. Не раз и не два она признавалась в том, что не может понять мотивы, заставляющие человека делать тот или иной поступок. Лишенный логики и всякого смысла, не выгодный ни с одной точки зрения, очевидная глупость.

Молчание было ему ответом. И тогда Ринат, все больше распаляясь, стал отрывисто выкрикивать:

– Твоя фантазия не имеет под собой никакой основы! Джамба никогда не выстрелил бы в меня! Илюха не приехал бы ко мне! Ворм не согласился бы на такую авантюру! И даже случись что-то невероятное, и они все поступили бы именно так, я повел бы себя по-другому!

– Ты сделал то, что сделал.

– Верни все назад! К тому моменту, когда я звонил Илюхе! Я не буду ему звонить. Что дальше?!

– Я не собираюсь возвращать все назад, у меня нет ни времени, ни желания. Если хочешь провести эксперимент повторно, можешь начинать апгрейдить свой мозг и сам посмотришь на новый результат.

Несколько минут Ринат молчал. Успокоился и, поборов в себе желание сказать что-нибудь ядовитое, произнес:

– К сожалению, в жизни, в отличие от интерактива, изменить прошлое – большая проблема. Иначе ты бы никогда не появилась.

– Ты мне просто надоел, – устало заявила Алиса. – Надоел своим нытьем, своими глупыми вопросами и постоянным

попрошайничеством. Делай что хочешь, с этого момента ты отвечаешь только за себя и за себя отвечаешь только ты.

Ринат вспомнил, что именно этими словами шесть часов назад начался весь этот безумный эксперимент. Интерактивное кино, в котором он установил имплантанты, исправно отыгрывал свою роль и в конце получил пулю в голову. Даже в интерактиве неприятно умирать.

– Ты мне тоже надоела, – громко сказал Ринат, поднимаясь с кресла. – Больше никогда не обращусь к тебе за советом и буду очень рад, если ты прекратишь совать свой нос в мои дела. Знаешь, почему?

И хотя она не выразила своего желания это узнать, Ринат продолжил:

– То, что ты меня сделала героем второго плана, – мне пофиг. То, что все, кроме меня, поступали так, как хотелось тебе, – мне пофиг. А весь твой интерактив никогда не сможет стать реальными событиями.

– Хочешь проверить? – сразу же отозвалась Алиса.

Ринат уже открыл дверь комнаты. Осмотрел ее напоследок и вышел, ничего не отвечая, лишь хлопнул дверью. По пути случайно зацепил Ромеро. Кот возмущенно зашипел и даже попытался оцарапать своего хозяина за такое грубое поведение.

Вышел на балкон, так и не застекленный за все эти годы. Снег захрустел под домашними тапочками. В жопу уют и покой.

Только что была весна. Только что была дача под Ростовом. Было тепло и сытно. А теперь снова (или надо сказать, все еще?) зима. Москва. Старая московская квартира, куда впервые приехал за последний год.

Рукой смахнул снег с ящика, уселся, достал сигареты. Щелкнул зажигалкой, вспоминая все, что было до сегодняшнего дня.

Был разговор насчет имплантантов. Алиса четко обозначила перед Ринатом свою позицию: не ставь имплы, и будет тебе счастье. В ответ она была послана вместе со своей позицией.

Споры и распри на даче ни к чему не привели.

Ринат собрал шмотки и выехал в Москву. Споры продолжились здесь, пока Ринат пытался выйти на курьера «Такечи апгрейд». Закончилось тем, что она предложила провести интерактивное кино касаемо будущего Рината. Мол, посмотри, что будет. Играй сам собой, а я буду управлять всеми остальными согласно их характерам. Загляни в будущее.

Не надо было соглашаться, но уж слишком велико искушение.

Согласился.

И теперь такое неприятное чувство, словно говна объелся. А чего приятного в том, что тебе пулю в голову пускают? Даже если это и интерактивное кино, все равно паршивое ощущение.

– «А за окном белым бело, снега намело…»

Зажигалка выпала из пальцев, когда Ринат вздрогнул, оборачиваясь.

Джет спустился сверху или поднялся снизу.

Бесшумно. Стоял здесь, скрытый Тенью. Ждал его?

– Я слышал, ты в «Сантане» работаешь, – произнес Ринат.

Бывший начальник Сетевой полиции, а ныне главный инструктор школы наемников сел рядом, нагнулся, поднял зажигалку.

– Я тебе уже говорил о вреде курения?

– Что ты здесь делаешь? – напряженно спросил парень.

– Ты никогда не задумывался, зачем она подарила тебе оборудование для интерактива?

– В каком смысле? – Ринат непонимающе посмотрел на него.

– Игрушка вроде бы. Невинная, хотя и дорогая игрушка. Тебе даются какие-то сцены, в которых ты отыгрываешь свою роль и пытаешься стать главным героем. Сначала ты хочешь понравиться режиссеру, когда тебя несправедливо отталкивают на второй план, возмущаешься. Потом наступает такой момент, когда ты сам хочешь стать режиссером.

– О чем ты? – скривился Ринат. – Это она тебя сюда прислала?

– Но при этом ты забываешь самое главное, Ринат.

– Джет, я не понимаю…

– Забываешь о том, что те, кто тебя окружает, тоже хотят стать главными героями и режиссерами.

– Ладно. Какое отношение твоя байка про интерактив имеет…

– Играли все.

Ринат поперхнулся. Дошло не сразу, скорее на интуитивном уровне почувствовал, что происходит что-то не то. Спросил:

– В каком смысле?

– Тебя окружали не боты, а вполне реальные персонажи. Наш последний интерактив оказался онлайн-театром.

– Наш? – тупо спросил Ринат.

Джет поправил очки в дорогой оправе и мягко улыбнулся:

– Этот интерактив был сделан не только для тебя. Для всех нас. Мы участвовали в этом проекте и точно так же шесть с лишним часов сидели в онлайне, отыгрывая свои роли.

– Ты…

– Мне тоже пришлось порулить двумя персами. Уж очень

было интересно, что из этого может получиться.

– Ни хера ничего не получилось, – буркнул Ринат.

– Мне так не показалось, – возразил Джет. – Ти-Бон возглавил службу безопасности «Волхолланда», он вместе с Дашкой, и они счастливы. Стас сумел сохранить симбиоз ИскИна с собственным разумом и стал первым в мире импом без имплантантов. Он превратился в классический образ супермена, и у него все произойдет само собой. Так что у меня-то как раз хеппи-энд.

– Ти-Бон и Стас. Черт! Это был ты, – хмыкнул Ринат. – А Ворм и Гражданин России?

– Саша, Илья… играли сами собой.

– Лилу?

– Своим персонажем она почти не играла. Кажется, ей надоел старый образ. Собрала новый. Алиса его прописала в условия. Не знаю, почему согласилась это сделать.

– Кем она играла? Той девушкой, которую Стас… которую ты привозил ко мне?

– Нет. Ты не пересекался с ней. А Дашкой управляла… – Джет снял очки, часто заморгал. – Алиса пытается написать программу-ИскИн, полностью идентичную одному человеку. Дашкой управлял исходник этой программы.

– Какому человеку?

– Она пытается сделать копию Кеды.

Джет при этих словах поднялся, вернул очки на нос.

Ринат оторопело смотрел на него, переваривая все услышанное.

– Странно, – произнес Джет. – Мы были уверены в том, что первым делом всем захочется выяснить, кто такой Архивариус.

– Алиса переиграла с ним, ага, – кивнул Ринат. – Им ведь она управляла?

– Нет, им играл живой человек. – Джет положил руки на перила балкона, перегнулся и посмотрел вниз. – Алиса для этого эксперимента даже вытащила его из Райсы. Его зовут Торик. Слава Торик. Помнишь его?

Конечно, помнил. Торик был в их клане, попался на взломе и угодил в Райсу еще до всей этой истории с исходниками Алисы. Там и сгинул. Все думали, что сгинул. А он объявился.

Джет засмеялся, глядя на обескураженное лицо Рината. Хлопнул по плечу.

– Не парься. Мы все получили ответы на вопрос: «Что будет, если?..» Это же важнее, чем «Что было бы, если бы?..»

– Я не верю, – сказал Ринат. – Это все дерьмо. Алиса специально сделала так, чтобы я не ставил имплантанты.

– Мей би. Никто не мешает тебе проверить. Можешь

поставить себе имплантанты, а потом попытаться доказать, что Алиса ошибалась. Подумай. До встречи с Джамбой и курьером «Такечи апгрейд» у тебя еще есть время подумать. Удачи, Ринат. И не забывай – главным героем может стать только тот, чьи желания понятны. Я уверен, ты знаешь, чего хочешь.

Он уже не командовал Тенью, процессор сам управлял боевым комплексом, и Джет исчез, едва договорив последнее слово. Тихое шуршание – вроде как туман мелькнул над перилами.

И – тишина.

Только сейчас Ринат понял две вещи – что замерз и что до сих пор так и не закурил.

Толкнул рукой дверь, затягивался, уже запрашивая соединение.

Алиса не ответила.

Ринат прошел на кухню. Включил кофейник. Заварил полулитровую чашку и стал задумчиво болтать в ней ложкой.

Отмотка назад. Путешествие в будущее, затем обратно в прошлое. Можно повторить путь, а можно попробовать что-то изменить.

Только вот что менять? Нет главного, нет второстепенного – по идее, любое изменение должно привести к совершенно другому результату.

– Хочешь проверить?

А что остальные? Ведь все будут вести себя по-другому. Никто не будет делать в реальности то же самое, что делал в интерактиве. Конечно же, не будет.

– Хочешь проверить?

Нет. Не хотел он проверять.

Завтра встреча с курьером «Такечи апгрейд».

Поставят нелицензионную сетевуху, и он снова вернется на дачу. Не сказав никому ни слова. Вернувшись в свою игру, вернувшись в Сеть полноценным человеком, а не обычным прогером. Вернувшись кибером.

Что будет дальше? Ворм сядет? Потом выйдет, потом они найдут инкубатора…

А если Алиса пойдет на принцип? Почувствует, что в ее могуществе усомнились, и сделает все, чтобы история прокрутилась повторно с точностью до всех событий. Сможет ли она это сделать?

И что тогда будет ждать Рината в конце? Пуля в голову?

– Хочешь проверить?

В кармане завибрировал и стих мобильник.

Read message from – lilllu-.

«Ты скоро приедешь?»

Она уже все знает? Или догадывается? Или даже не подозревает?

Сказать, что он здесь… что приехал ставить имплантанты… и тогда он их точно не поставит.

Каким бы ни был ответ, он и станет основной точкой. Или не станет.

Верить интерактиву? Или не верить?

«Я в Москве. Вечером наберу. Увидимся».

Черт с ними, с имплами. С апгрейдом, с Сетью, со всем остальным. Поспать пару часов, потом повидать всех… получить инфу не через Алису, а от них самих.

– И все равно я тебе ни хера не верю, – громко произнес, хотя знал, что Алиса сейчас не может его слышать. – Не будет такого финала. Па-лю-бэ!

И словно невидимка, прошептавший ему в ухо, словно отдаленное эхо, в мозгу снова всплыло:

– Хочешь проверить?